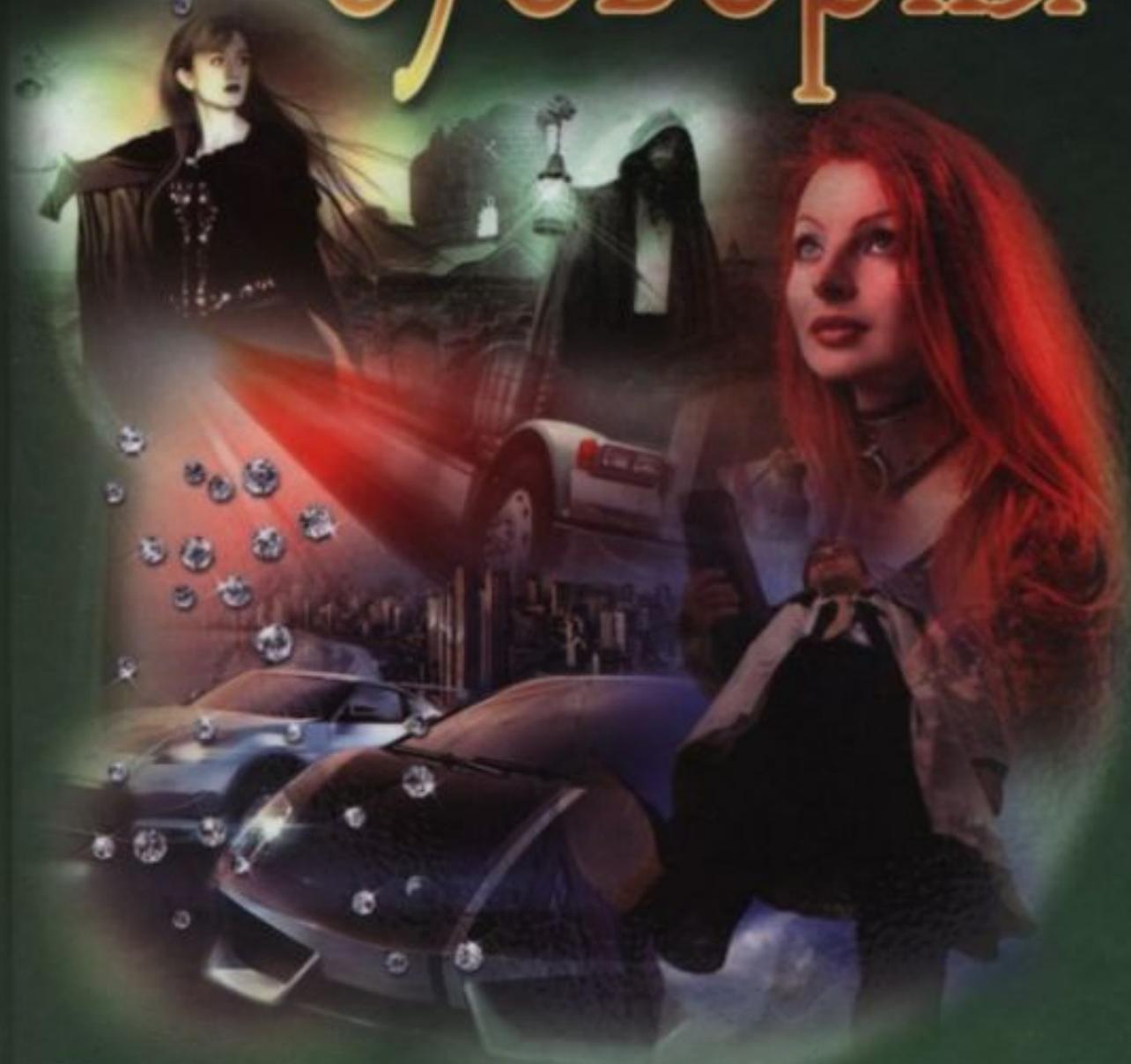

Виктория Борисова

Обычные судеверия

Современный остросюжетный роман

Виктория Александровна Борисова

Обычные суеверия

Бизнесмен Вадим вполне доволен своей жизнью. У него все хорошо, но однажды...

Он встречает странную девушку и, как ему кажется, становится жертвой гипноза или приворога. А может, она порчу на него навела? Сейчас же это модно...

Вадим вспоминает то, о чем хотел забыть. Какой ценой он достиг своего благополучия? Обман, предательство любящей девушки, сделки с бандитами и собственной совестью. Похоже, для него пришло время расплаты. Как же страшно, когда к тебе возвращается совершенное когда-то тобой зло!

Можно ли все исправить? Можно, конечно, попытаться в очередной раз обмануть судьбу, тем более что порча, сглаз, приворот — это просто суеверия. Девушка — ведьма, а совесть...

Может, совесть — это тоже суеверие?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НЕЗНАКОМКА.....	0005
Глава 1 Утро не всегда бывает добрым.....	0005
Глава 2 Беда как женщина.....	0008
Глава 3 Черная птица.....	0013
Глава 4 Рыжая.....	0016
Глава 5 Вопросы без ответов.....	0022
Глава 6 Вилла «Белый конь».....	0026
Глава 7 Если друг оказался вдруг.....	0028
Глава 8 Куда ни кинь — все клин.....	0033
Глава 9 Киллер с того света.....	0036
Глава 10 Соломинка для утопающего.....	0038
Глава 11 Окно в пустоту.....	0044
ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИЗ ДАЛЕКОГО ДАЛЕКА.....	0053
Глава 1 Гнев Божий.....	0053
Глава 2 Охота.....	0055
Глава 3 Жертва милосердия.....	0061
Глава 4 Хранитель.....	0064
Глава 5 Каждому свое.....	0065
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СКРЫТО — НЕ ЗАБЫТО.....	0069
Глава 1 Узел судьбы.....	0069
Глава 2 Катя.....	0070
Глава 3 Сергей Петрович.....	0072
Глава 4 Магомед.....	0076
Глава 5 Том Хартли.....	0077
Глава 6 Карты знают правду.....	0079
Глава 7 Талисман.....	0080
Глава 8 «Сгорите в огне!».....	0082
Глава 9 На свободу — по радуге!.....	0085
Глава 10 Грандмастер и Ко.....	0086
Глава 11 Все хорошо... Ну почти.....	0091
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОБАЯНИЕ ЗЛА.....	0093
Глава 1 Ночь без сна, любовь без надежды.....	0093
Глава 2 Продажный мент.....	0095
Глава 3 Древняя книга.....	0098
Глава 4 Смятый цветок.....	0103
Глава 5 У последней черты.....	0107
Глава 6 Отпускаю тебя.....	0111
Глава 7 Выжить, чтобы умереть.....	0114
Эпилог.....	0118
#5.....	0119
#6.....	0121

Виктория Борисова

Обычные суеверия

Проклятий нет, есть только зеркала, которые держишь перед душами мужчин и женщин.

Стивен Кинг, «Худеющий»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НЕЗНАКОМКА

Глава 1

Утро не всегда бывает добрым

Россия, Москва, год 2004

День начинался явно неудачно. Когда Вадим Переславцев сумел наконец разлепить глаза, голова просто раскалывалась от боли. Да еще дверной звонок заливался такой сердитой, настойчивой трелью, что, кажется, и мертвого мог бы разбудить...

Яркие солнечные лучи, бьющие прямо в лицо, снова заставили зажмуриться на мгновение. Первая мысль — неужели проспал? Морщась от противного вкуса во рту и с трудом оторвав голову от подушки, он потянулся за часами. Стрелки золотых «Ролексов» показывали половину десятого. Значит, действительно уже пора. От разминки на тренажере и утренней пробежки по парку опять придется отказаться.

Вадим медленно поднялся с низкой широкой кровати, похожей на лежбище для султана с гаремом, стукнулся локтем о дурацкую резную завитушку на спинке, от души, вслух матюкнулся и в который раз испытал досаду — за фигом было покупать эту бандуру в дорогом салоне «Декориссимо»? На престиж позарился, идиот. «Только для солидных клиентов...» Стоит теперь, полкомнаты занимает.

А звонок все не унимался. Похоже, настырный утренний посетитель просто нажал кнопку и не собирается ее отпускать. Вадим потер ушибленный локоть и поплелся открывать, шлепая босыми ногами по гладкому ламинированному полу.

Как он и ожидал, за дверью громоздилась фигура Рината Галеева — бесменного личного шофера, телохранителя, доверенного лица, а при случае — няньки в периоды запоев и прислуги «за все».

Ринат выглядел так, будто сошел со страниц дешевого детективного романа в мягкой обложке. Огромный, почти двухметрового роста, в неизменном спортивном костюме и кроссовках, с золотой цепью в палец толщиной на могучей шее, он как будто навсегда застрял в мятежных девяностых, когда «конкретные пацаны» разъезжали на тонированных «девятках» и стреляли друг в друга, а серьезные дяди делили куски бывшей государственной собственности.

Вадим привычно поморщился. Ну сколько можно говорить о том, что пора бы уже принять более цивилизованный облик! Со стороны глянешь — просто гроза окрестностей, перед людьми стыдно, а внимательнее присмотреться — так, декорация одна. Глуп, как пень, и труслив, как баба.

«С Ринатом пора расставаться, — в который раз подумал Вадим, — имидж только портит. Сходить, что ли, в агентство по найму... Сейчас ведь только обратись — кого хочешь пришлют! Как пиццу на заказ. Можно бы и водителя завести пореспектабельнее».

Впрочем, эта мысль скоро проходила. Все-таки с Ринатом столько лет вместе, своим человеком стал практически, а нового водителя пока найдешь да

пока приучишь... Морока одна.

Когда-то Вадим вытащил Рината из больших неприятностей, платил по царски и, по правде говоря, существующее положение его вполне устраивало. Насколько оно устраивало самого Рината, Вадим никогда не интересовался.

— Привет, Ринат. Ты молодец, как всегда вовремя. Свари пока кофе, а я хоть чуть-чуть себя в порядок приведу. А то поднять подняли, а разбудить забыли. Давай, действуй, сейчас поедем, — с этими словами Вадим направился в ванную.

Стоя под обжигающе горячим душем, Вадим пытался вспомнить события вчерашнего вечера. «Так, Сергей Данилов позвал в сауну — расслабиться там, отдохнуть культурно... И с чего это я так напился? Сначала ведь все спокойно было — выпили, посидели, поговорили за жизнь, а потом пошла какая-то чехарда. Нечего было коньяк пить после парилки».

Вадим вспомнил широкую кровать, шест для стриптиза, подпирающий потолок, и какую-то размалеванную голую девку с вытравленными почти до белизны блондинистыми патлами. «Посмотрим, что у тебя есть, котик!» — манерно тянула она, запуская руку под простыню, в которую он завернулся после парной на манер древнеримского патриция. Помада у девицы размазалась, рот стал как у клоуна, а короткие пальцы, украшенные длинными кроваво-красными ногтями, все тянули, перебирали тонкую ткань, подбираясь к самому сокровенному...

По правде говоря, все это выглядело совсем не эротично, а скорее смешно и почему-то немного страшно. Хоть и пишут в объявлениях об интим-услугах что-нибудь вроде «богини секса», «лучшие девушки Москвы» или там «супер-леди», а все равно суть одна — куски мяса, как их ни назови. Приехали из какого-нибудь Мухосранска, вчера умыться научились, а все туда же — «богини секса»...

Но и сам-то хорош! Вадим вспомнил, как, глуповато улыбаясь и пожимаясь от щекотки, кричал в ответ: «У меня все есть, кроме денег и совести! Хоть бы кто добавил того и другого!»

Бр-р! Ну сколько раз уже зарекался? Удовольствие в общем средненькое, дешевое, а теперь, извольте видеть, Вадим Александрович, башка трещит и во рту будто кошки нагадили. Окончание вечера и вовсе теряется в тумане. Вадим даже не мог вспомнить, было у него что-нибудь с этой крашеной лахудрой или нет. Хотя, наверное, было... Еще СПИД словить не хватает. «Нет, достаточно с меня таких развлечений», — в который раз подумал он.

Вадим стоял под душем уже минут пятнадцать, но легче почему-то не становилось. Стойкое ощущение внешней и внутренней нечистоты, похмелье, головная боль и вялость во всем теле — весь букет как был, так и остался. Сейчас бы вернуться в постель и давануть подушку минуток на триста — глядишь, и полегчало бы. Мелькнула даже мысль выпроводить Рината и остаться дома.

Но нельзя ведь, нельзя! Как раз на сегодня назначена важная встреча — в офис должны приехать учредители. Вадимова контора, гордо именуемая финансово-инвестиционным аналитическим центром, где сам он числился генеральным директором, была частью довольно крупного холдинга, в сферу интересов которого входили и нефть, и недвижимость, и высокие технологии. Так что визит учредителей — бывших региональных партийных боссов, отъ-

евшихся на приватизации после краха советской империи, был большим событием. Ничего не поделаешь, придется бороться с силами. Вадим тяжело вздохнул, решительно закрутил кран и вылез наконец из ванной.

Итак, что мы видим? Огромное, во всю стену, зеркало отразило красивое мужественное лицо, несколько опухшее и помятое после вчерашней пьянки, крепкое мускулистое тело бывшего спортсмена, покрытое ровным средиземноморским загаром. Вадим даже вздохнул с грустью, вспомнив недавний отпуск на Адриатическом побережье. Что ж поделаешь, если все хорошее в этой жизни так быстро заканчивается!

«А животик-то уже висит, — с грустью отметил он про себя, — не буду спортом заниматься — скоро совсем жиром заплыву. Да еще эти ночные пьянки-гулянки до добра не доводят...»

— Завязывать с этим надо, вот что, — наставительно сказал Вадим своему отражению.

Многих мужчин, да и женщин тоже в подобном состоянии посещают добродетельные мысли и благие намерения. Жаль только, что с улучшением самочувствия клятвы скоро забываются, а начало новой жизни откладывается на неопределенно долгий срок.

В этом отношении Вадим не был исключением, хотя и старался по возможности заниматься собой — купил дорогуший спортивный тренажер, иногда навещался в фитнес-клуб и даже бегал по утрам, если время позволяло. Но жизнь брала свое, текучка заедала, пробуждения, подобные сегодняшнему, случались все чаще и чаще... Тренажер большей частью пылился в стенном шкафу, а походы с друзьями в парилку, спортзал и бассейн почему-то заканчивались обыкновенной пьянкой и групповиком с веселыми девочками.

Не то чтобы Вадим был уж таким охотником до подобных утех. Он прекрасно отдавал себе отчет, что это — верный путь к тому, чтобы превратиться в ожиревшего борова и заработать инфаркт сразу после сорокалетия, а то и раньше. Он многократно пытался начать новую жизнь, но все как-то не получалось. Может быть, когда-нибудь потом...

А сейчас, стоя перед зеркалом, он продолжал давать себе бесполезные клятвы. Учитывая события недалекого будущего, это уже не имело никакого значения.

По дороге к центру города, удобно устроившись на заднем сидении темно-синего БМВ, Вадим неожиданно для себя самого подумал о том, как же красива бывает Москва в начале осени. Совсем скоро зарядят дожди, небо покроет серая хмарь и почти до Нового года потянется промозглое, сырое и слякотное время. Но пока Москва сияла последней красотой бабьего лета. Вадим вдруг по-новому увидел и ярко-синее небо, и увядающее золото листьев, старые московские дома и дворики, купола церквей...

Куда-то под сердце подкатил странный тревожный холодок. «А ведь это в последний раз. В будущем году уже не увижу», — почему-то подумал он. Конечно, тут же отогнал от себя эту дурацкую, неизвестно откуда взявшуюся мысль. К чему это? Жизнь была прекрасна и удивительна, дела в последнее время шли хорошо, явных врагов Вадим на тот момент не имел, да и тайных вроде бы тоже.

И все-таки... Что-то было не так.

Глава 2

Беда как женщина

Подъезжая к небольшому старинному особняку, где располагался его офис, Вадим заметил во дворе новенький, сверкающий безупречной полировкой джип темно-зеленого цвета.

«Да, хороша игрушка. Тысяч тридцать баксов, небось, стоит. Интересно, чья это? Неужели отцы-кормильцы приехали? Если да, то некрасиво получится... Вроде после обеда собирались», — подумал Вадим. Беспричинная тревога стала обретать вполне реальные, осязаемые формы. Впрочем, в том же здании располагались еще три конторы, посетителей всегда было много, и джип мог принадлежать кому угодно.

На входе в здание сегодня дежурил Петрович — старый, хитрый лис, бывший когда-то мелким кагэбэшным служкой. Он, поди, еще Дзержинского видел... Теперь вот заскучал на пенсии и подался в охрану. Как говорили в те незабываемые времена, в жизни всегда есть место подвигу, и Петрович несет свою службу истово и верно. У него не то что человек — мышь без пропуска не проскочит, а разовых посетителей он так тщательно записывает в журнал, будто досье ведет.

— Добрый день, Вадим Александрович! Погодка-то сегодня, а? Бабье лето.

Петрович гордо выпятил грудь, и глаза его так хитро улыбались из-под сильных старческих очков, как будто он сам эту погоду обеспечивал под неустанным контролем партии и правительства.

Вадим коротко поздоровался и повернул налево, к лестнице. Значит, не приехали пока учредители. Петрович предупредил бы обязательно, он таких вещей не упускает. И то хорошо, будет время собраться с мыслями и достойно подготовиться.

Поднимаясь на третий этаж в свой офис, Вадим снова почувствовал холодок около сердца. Неужели на работе что-то случилось? Беспокойство это нельзя было считать напрасным, ибо «диктатура закона» (жаль, забыли уточнить, какого именно) — штука опасная и непредсказуемая. Особенно в периоды смены элит. Эдак ты сегодня — честный бизнесмен, уважаемый человек, олигарх даже, а завтра — устроят в офисе «маски-шоу» и определят на полный пансион куда-нибудь в «Матросскую тишину». И попробуй, докажи оттуда, что ты не верблюд.

Но в офисе все было как обычно. Белые стены, стильная черная мебель, серый палас — привычный, спокойный и солидный интерьер. У дверей скучал дюжий охранник в камуфляже, порхали туда-сюда с бумагами девочки из бухгалтерии. За столом, уткнувшись в компьютер, сидел Боря Бейдер, один из самых ценных Вадимовых сотрудников.

В свои двадцать восемь лет Боря был мало похож на Мистера Мира. Он был толст, неуклюж, страдал астмой и говорил так, будто язык с трудом помещался у него во рту. Плюс еще бесформенные пигментные пятна вроде больших веснушек, расползающиеся по лицу, и неровные желтоватые зубы. Вадиму даже жалко его становилось иногда — вот уж не повезло парню! Словом, на свежего человека Боря производил отнюдь не приятное впечатление.

Однако через некоторое время знакомые совершенно переставали заме-

чать Борину неприглядную внешность и видели перед собой только доброго, умного, на редкость трудолюбивого человека, не озабоченного ни амбициями, ни сексуальными проблемами. Главное же его достоинство заключалось в том, что в своей области Боря был магом и волшебником. Только он мог превратить любого обер-мошенника в удачливого и респектабельного бизнесмена, чьи доходы, даже рассмотренные под микроскопом, не оставят ни у кого и тени сомнения в их легальности.

— Привет, Боря. Что новенького?

— Доброе утро, Вадим Александрович! — Боря наконец-то оторвался от монитора и даже чуть привстал, обозначая уважение к начальству. — Да так, ничего особенного. Платежка из Нижневартовска пришла. Деньги на Forex отправить или пока подождать?

— Делай как знаешь. Ты у нас большой специалист, тебе и карты в руки. Что еще?

— Больше пока ничего. Хотя нет, тут вас девушка какая-то дожидается. Говорит, из агентства пришла на работу устраиваться. Красивая.

Вадим вспомнил, что действительно с неделю назад давал поручение подыскать ему хорошенькую и желательно неглупую девушку, прозрачно намекнув, что она должна быть «без комплексов». Важным клиентам и партнерам иногда ведь тоже хочется расслабиться по полной программе. Куда деться приличному человеку, особенно иногороднему? Не подбирать же неизвестно кого на Ленинградском шоссе! Случайные знакомства имеют тенденцию плохо заканчиваться... А тут все чинно-благородно, с гарантией полной конфиденциальности и безопасности во всех смыслах. Правда, прежняя секретарша Марина недавно уволилась по собственному настойчивому желанию, хотя работы было немного, а платил Вадим хорошо. Как ни хотелось девочке работать в шикарном офисе и общаться с крутыми бизнесменами, видно, те самые «комплексы» все же оказались сильнее.

Вадим почему-то вдруг подумал, что раньше они назывались обыкновенным человеческим и женским достоинством. Дедушка Фрейд в гробу бы перевернулся от такой подмены понятий.

— Хорошо, Боря, я у себя, минут через пять позови ее, ладно?

В кабинете Вадим удобно расположился за столом и приготовился обзреть достоинства новой претендентки. «Посмотрим, что за девочка, — думал он, — а может, и того... На профпригодность проверим».

В дверь постучали — тихо и вроде бы робко.

— Да-да, пожалуйста! — весело отозвался Вадим.

Вошедшая девушка совсем не была похожа ни на тех хорошеньких куколок с глупенькими мордашками, которые прокладывают себе дорогу в жизни интимным женским местом, ни на холодных и холеных бизнес-леди новой волны (про себя Вадим называл их «бизнес-стервами») с дипломом магистра бизнес-администрирования в кармане.

Первое, что поразило Вадима, — это редкая, исключительная, гордая красота утренней посетительницы. Высокая, стройная, с отличной фигурой, одета дорого и модно, но не слишком — строгий брючный костюм, белая блузка, никаких украшений. Длинные черные волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, бледное точеное лицо, яркие губы... Девушка казалась бы совсем юной, если бы не глаза. Большие, черные, миндалевидные, широко расстав-

ленные, они были такими древними и мудрыми, что встречаться с их обладательницей взглядом было все равно что смотреть в бездну. «Тьма крошечная», — некстати пришло в голову Вадиму.

— Ну что же, проходите, садитесь, давайте знакомиться, — бодро начал он. Вадим уже решил для себя, что не возьмет на работу эту девушку. В офисе ей не место, но поближе познакомиться не мешает.

Девушка скромно присела на краешек стула.

— Меня зовут Диана, — тихо сказала она.

— Хорошо, Диана. Резюме принесли?

Девушка отрицательно покачала головой. В глазах ее мелькнуло удивление, будто слово «резюме» было ей совершенно незнакомо. Странная какая-то. Первый раз, что ли?

— Ну хорошо, давайте для начала просто побеседуем. Где работали раньше? С какой скоростью печатаете? Компьютером владеете? — задавал Вадим привычные вопросы.

Девушка молчала и только смотрела в упор своими черными бездонными глазищами. Под этим взглядом Вадим почувствовал себя так неудобно, словно стоял голый на ледяном зимнем ветру. Нет, точно странная, если не сказать больше — вообще с приветом! Сидит и пялится, как коза на афишу. В офисе она никогда не работала, это ясно. Чего пришла тогда, спрашивается? Он уже хотел закончить бесполезный разговор, вежливо отделаться от претендентки («большое спасибо, оставьте ваши координаты, мы с вами свяжемся, всего доброго!») и заняться собственными делами, но почему-то медлил.

Вдруг девушка вытянула вперед левую руку, сделала ею странный неуловимый жест, будто забирая, вытягивая что-то, и произнесла несколько слов на непонятном языке. Яркий полуденный свет за окном погас, все завертелось перед глазами у Вадима, и он потерял сознание.

Сколько это продолжалось, он не знал. Открыв глаза, Вадим с удивлением обнаружил, что лежит на камнях в темной и сырой пещере. Попробовал пошевелиться, встать — не получилось. Почувствовал, что связан, да так крепко и умело, что мог только голову поворачивать. Он рванул сильнее, но... Ничего. Только веревки впились в запястья и лодыжки да заныли руки, связанные за спиной.

Девушка так же сидела напротив, подкидывая ветки в костер. На ней теперь было длинное темное платье, волосы распущены по плечам, прекрасное лицо сосредоточено. В неверном мерцающем свете костра Вадим разглядел странную фигуру из белого камня. Вроде бы женщина, только многорукая, а вместо ног почему-то змеиный хвост... Сюр какой-то. Нечто подобное он видел только на полотнах художников-абстракционистов, когда однажды от нечего делать забрел на выставку в Манеже. Ходил, как дурак, почти час — так ничего и не понял. Конечно, эти самозваные гении после дозы наркоты и не то увидеть могут, но себя-то Вадим всегда причислял к людям серьезным и здравомыслящим! Никогда бы не подумал, что придется снова увидеть подобное творение, да еще при таких странных обстоятельствах.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Вадим заметил, что лицо статуи очень похоже на лицо его утренней посетительницы. Ну да, близнецы прямо! Та же линия скул, короткий прямой нос, чуть пухлые губы... С нее, что ли, вая-

ли?

От этого сходства почему-то стало еще страшнее. Прямо пот прошиб! Вадим даже зажмурился, как в детстве, когда на его глазах любимая собака Финька выбежала на дорогу и попала под машину. Видеть одинаковое отрешенное выражение на лицах двух баб — живой и каменной было невыносимо.

Вадим попытался успокоиться хоть немного, привести мысли в порядок и рассуждать логически, но легче не стало. Главное ведь непонятно, что происходит. Конечно, жизнь — штука непредсказуемая, все под Богом ходим, а если у человека деньги есть, то это и вовсе мощный фактор риска. Можно оказаться и в тюрьме, и в подвале какого-нибудь загородного дома, и даже просто в чистом поле с простреленной головой... Но чтобы вот так, связанному, непонятно где, в компании явно неадекватной девицы?

Совсем уж глупость получается!

Когда Вадим снова открыл глаза, в душе еще теплилась робкая надежда, что все это: и пещера, и огонь, и статуя — померещилось. А главное — эта черноволосая дрянь, которая непонятно как затащила его сюда! Знать бы заранее — на порог бы не пустил стерву.

Но наваждение не исчезло. Та же пещера, костер, и камни больно упираются в спину... Девушка сидела у огня все в той же позе, только статуя у нее за спиной как будто слегка засветилась изнутри призрачным зеленоватым сиянием. Если это и бред, то уж очень реалистичный!

Вадим наконец собрался с силами настолько, что смог заговорить.

— Эй, как я здесь оказался? — выдохнул он пересохшим горлом. — Меня что, похитили? Зачем?

— Молчи, — ответила девушка, не меняя выражения лица. — Молчи и жди, если не хочешь остаться здесь навсегда.

— Где я?

Девушка не удостоила его ответом. Она подбросила в костер горсть листьев и веток, и он вспыхнул ярким голубым пламенем. Быстро и легко, одним движением поднялась на ноги, да так и застыла неподвижно, подняв руки и обратив лицо куда-то вверх, к темным сводам пещеры.

Костер все горел неестественно ярким и ровным светом, рассыпая вокруг, как фейерверк, белоголубые искры. А девушка начала раскачиваться, извиваться всем телом, будто исполняя странный танец — сначала медленно, а потом быстрее и быстрее. В ее движениях было что-то змеиное, грациозное, завораживающее и опасное. Без слов, одним дыханием она напевала медленную, тягучую мелодию. Голос был нежен и чист, но от пения веяло такой невыносимой жутью, что Вадим изо всех сил вжался спиной в сырые холодные камни и попытался ущипнуть себя — может, проснись? Не получилось...

Наконец девушка остановилась.

— Нам-гет! Аддаа-ло Нам-гет... Хаддан! — звонко выкрикнула она.

Откуда-то сверху появилась черная птица размером чуть больше голубя и закружилась, хлопая крыльями. Девушка совсем не испугалась, напротив — протянула руку, и птица тут же уселась ей на запястье, вцепившись когтями в черную ткань платья. Девушка склонилась к ней и принялась что-то тихо-тихо нашептывать, время от времени указывая глазами на Вадима. И птица тоже косила на него умным черным глазом с ярким оранжевым ободком вокруг радужки — так, мол, все поняла.

Девушка выпрямилась и подошла к Вадиму. Она стояла над ним, связанным и беспомощным, и в лице ее было то же выражение, что и у идола у нее за спиной.

— Помни, сын земли, что день гнева близок, и нет за тебя ходатаев в мире мертвых, — заговорила она страшным, низким и хриплым голосом, исходящим, казалось, откуда-то из-под земли. — Смерть твоя уже у порога, а душа пуста и темна. Нет тебе прощения, ибо безумен тот, кто строит дом на песке, а счастье — на крови ближнего, которого предал. Будь же ты проклят, когда ложишься и когда встаешь, проклят будь твой хлеб и вода, дни твои и ночи. Пусть все, что хотел ты забыть, отныне и вечно будет с тобой!

Девушка осторожно взяла птицу обеими руками — и бросила Вадиму прямо в лицо. Он зажмурился, попытался закричать от ужаса и отвращения, но не смог. Из горла вырывался только хрип, как будто и голоса у него больше не было.

Костер погас, все исчезло. Последнее, что разглядел Вадим, — как лицо статуи мгновенно изменилось. Вместо красавицы на него теперь смотрела уродливая, злобная старуха. Морщинистые щеки, крючковатый нос навис над верхней губой, маленькие глазки-щелочки... Прямо Баба-Яга из детской сказки. Но самое ужасное — она улыбалась! В этой улыбке Вадим увидел вечную мудрость и какое-то мрачное, безжалостное злорадство.

Вадим очнулся за столом в своем кабинете. Так же светило солнце, и если не врут хваленые «Ролексы», времени прошло совсем немного. Девушки рядом с ним больше не было.

Дико болела голова, перед глазами плыли красные круги, но в общем состояние было более-менее терпимым.

«Что это было? — подумал Вадим. — Точно пора с пьянками завязывать. Кому сказать — здоровенный мужик в обморок грохнулся. Как говорят в народе, «песец подкрался незаметно». Надо бы к врачу сходить, что ли. Инфаркты с инсультами ведь того... помолодели в последнее время».

Вадим попробовал встать. Ноги были как ватные, но все же слушались.

Он подошел к окну, хотел открыть его — и обомлел. Из подъезда как раз выходила сегодняшняя посетительница. Быстрой походкой она подошла к темнозеленому джипу, открыла дверцу с водительской стороны и ловко, привычно села за руль. Машина мигнула фарами, аккуратно лавируя между другими припаркованными автомобилями, выехала со двора и скрылась из виду.

«Та-ак. Очень интересно. Если может позволить себе такую машину, то, спрашивается, на хрена козе баян, а ей работа? Наверняка есть папик богатенький или хахаль крутой. Хотя нет, скорее второе. Такая и покойника на грех наведет. И все-таки зачем она приходила? Что ей было нужно? Может, подосланная? А зачем? Да еще этот обморок... Отравить она меня не могла, это точно. А может, она того... Как это сейчас называется? Экстрасенс, ведьма, колдунья, что там еще...» — тут Вадиму стало стыдно от собственных мыслей и одновременно так страшно, как никогда в жизни. Хотелось срочно придумать какое-нибудь простое, логическое объяснение произошедшему и как можно скорее забыть его навсегда. Он осторожно добрал до своего кресла и сел, откинувшись на спинку.

— Нет, надо немедленно взять себя в руки! — твердо сказал себе. — Мистик,

тоже... Как баба расклеился. Ведьма, колдунья... Вот чушь какая, не верю я во все это! Сейчас куда ни плюнь — в колдуна попадешь. Обвешаются всякой всячиной и морочат головы дуракам. Порчу снимают, чакры открывают, ауру чистят... Чего не сделаешь, чтобы денег срубить по-легкому! Нет, наверное, все проще. Девчонке действительно нужна была работа, а я вырубился невовремя после вчерашней пьянки. А джип... Ну мало ли. Может, займы у кого-нибудь взяла, чтобы повыпендриваться. Всякое бывает. И вообще надо ехать домой. Здесь от меня сегодня все равно никакого толку. Жаль, конечно, что господа учредители должны вот-вот подъехать, но не умирать же из-за этого! И уж, конечно, предстать перед ними в таком виде совершенно невозможно. Лучше домой поскорее, отлежаться, врача вызвать...

С трудом держась на ногах и стараясь побороть подступающую дурноту, Вадим вышел в коридор, чтобы позвать Рината. Самому вести машину в таком состоянии было бы чистым безумием.

— Боря, ты тут остаешься за главного. Я на тебя надеюсь. Завтра приеду — во всем разберусь, — с этими словами Вадим нетвердой походкой вышел из офиса.

Будь он в нормальном состоянии, обязательно заметил бы обалделое выражение лица своего подчиненного. Кто бы мог подумать, что толстый, смешной, неуклюжий Боря окажется под таким сильным впечатлением от гордой и страшной красоты незнакомки? Но с другой стороны, кто сказал, что это доступно только красавцам? Во всяком случае произошло то, что произошло, и Боря тоже наблюдал из окна, как девушка садилась в темно-зеленый джип.

И даже записал номер.

Глава 3

Черная птица

Вернувшись домой, Вадим проспал как убитый почти сутки. На следующее утро он встал бодрым и отдохнувшим. Быстро вскочив с постели, натянул спортивный костюм и отправился бегать по парку. Прохладный ядреный воздух ясного осеннего утра подействовал освежающе и чуть пьянил, как молодое вино. Старый парк, могучие деревья, водная гладь пруда... Вадим по-настоящему любил все это.

Парк со всех сторон окружали унылые панельные дома, построенные в семидесятых годах теперь уже прошлого века. Редкие башни-новостройки, занимающие любой свободный пяточок, выглядели тут инородным явлением, как зубные коронки из металлокерамики во рту вокзального бомжа. Вадим приобрел квартиру в одном из таких оазисов цивилизации сразу после дефолта, когда цены на недвижимость резко упали.

Поначалу радовался: дом хороший, парк рядом и экология по сравнению с загазованным центром просто рай. Не учел только одного: дом по большей части заселяли очередники, получающие квартиры бесплатно.

А что это за публика — дело известное. Многодетные семьи, инвалиды, ветераны Куликовской битвы... В общем, если нужно лампочку в подъезде вернуть — плати сам, от них не дождешься. Консьержку нанять — то же самое. Еще и благодарности никакой, все принимают как должное — вы богатые, вы и платите! В конце концов Вадим плюнул на это дело и прекратил заниматься

благотворительностью. Дом сразу же пришел в некоторое запустение — консержки нет, домофон без конца ломается, на лестнице собираются подростки, но Вадиму было уже все равно.

Наверное, стоило бы подыскать вариант получше, но все как-то руки не доходили. Да и к чему все это? Цены сейчас на недвижимость в Москве просто ломовые. Лучше уж прикупить какое-нибудь бунгало в Греции или на Кипре, например... Намного дешевле обойдется. И вид на жительство заодно — от греха подальше. Мало, что ли, одного дефолта?

Будучи далеко не глупым человеком, Вадим хорошо понимал конечность существующего постсоветского бизнеса. Каждому ясно, что если алкоголик дядя Вася постоянно живет в долг и продает из дома вещи, то для него это когда-нибудь закончится очень плохо. Сейчас в масштабах огромной страны и бывшей великой державы происходит примерно то же самое. Страна, которая живет только продажей своих недр, обречена рано или поздно, как бы ни пьянила эйфория сверхдоходов от нефтяной иглы. Жаль, конечно, но это так. А значит, надо быть готовым ко всему и чемоданчик держать у двери — на всякий случай.

Вадим не стремился на запад. Он знал, что трудно вписаться в чужой образ жизни, особенно если здесь чувствуешь свою значимость, а там ты никто и звать тебя никак. Недаром ведь приятель Вова, что торговал запчастями к дорогим иномаркам и в Германию наведывался не реже чем раз в три месяца, ни за какие коврижки не хотел обосноваться там навсегда, хотя имелись и прочные деловые контакты, и хорошее знание языка, и даже постоянная подруга — крепкая и домовитая немочка Юта. «Это тут я — бизнесмен, а там — шайзе адерланд!» — отвечивал Вова на вопросы любопытствующих.

Прав был приятель, ничего не скажешь! И все же... Гораздо безопаснее и приятнее быть чужаком в свободной и богатой стране, чем все потерять при очередном крутом повороте. Поэтому Вадим старался максимально обезопасить себя. Большая часть его средств давно уже осела на кодированных счетах в западных банках, и время от времени посещала мысль — а не пора ли? Останавливало лишь то, что денег на первое обустройство было вполне достаточно, а вот на безбедную жизнь до самой старости — пока нет.

В таких условиях покупка по бешеной цене какого-нибудь архитектурного шедевра из стекла и бетона, что сейчас возводят в рекордно короткие сроки, чтобы продать по цене Версальского дворца, или, не дай Бог, бывшей коммуналки на Кутузовском или Ленинском проспекте представлялась ему как полным идиотизмом.

Поэтому Вадим ограничился тем, что сделал в квартире ремонт, бегал по утрам в парке, когда представлялась возможность, и стойко пытался не замечать окружающей его действительности. Тем более, что большую часть времени он проводил на работе, а семьей так и не обзавелся. В конце концов, так ли уж много надо человеку?

Бодрый и довольный, с ощущением счастливой легкости во всем теле, Вадим возвращался домой. Подойдя к подъезду, привычно набрал код и потянул на себя тяжелую железную дверь.

Странно. Не поддается почему-то! Неужели замок не работает? Или сам перепутал? Вадим нажал на сброс и снова набрал заветные цифры — медленно и внимательно. Нет, все равно глухо, как в танке! Куда только РЭУ смотрит?

Деньги за домофон, небось, исправно собирают. Вадим почувствовал, как в душе медленно закипает злость — слишком уж глупым и неприятным показалось его положение. Стоять возле собственного дома, как голый инженер Щукин из «Двенадцати стульев»!

Он зачем-то стукнул кулаком по двери (зря, конечно, только руку отбил!) и попытался успокоиться. Ну что психовать по мелочам? С минуты на минуту пройдет кто-нибудь, благо, время такое, что все выходят — на работу там, в школу или еще куда... Сейчас Вадим был бы рад видеть кого угодно из своих соседей, даже ворчливую пенсионерку Марью Степановну с шестого этажа или гомонящий выводок шкодливых отпрысков многодетной семьи Батаевых — вечной головной боли соседей, учителей и участкового, но, как назло, вокруг было пусто и тихо.

— Черт! Вымерли они там, что ли? Хоть бы кто появился!

Прямо за спиной Вадим услышал шорох крыльев. «Надо же, опять голуби разлетались! — подумал он с досадой. Вечно их подкармливают местные старушки, божьи одуванчики... Сидят себе у подъезда и крошат чуть зачерствевшие батоны, умиляются на воркующих сизарей, а потом эти жирные обнаглевшие твари чуть ли не с курицу величиной уже и летать не могут как следует. Только путаются под ногами да гадят где попало».

Но это был не голубь. Черная птица неизвестной породы сидела на ветке чахлой сирени, высаженной прямо под окнами, и рассматривала его в упор, поворачивая голову то вправо, то влево. В ярком утреннем солнце перья ее отливали синевой, а глаза с ярким оранжевым ободком смотрели зорко и совершенно осмысленно.

Вадим похолодел. Именно эту птицу он видел тогда, в пещере! Он пытался уверить себя, что все это бред, плод больного воображения, но мутный, нерассуждающий страх уже сдавил сердце.

— Кыш! — крикнул он срывающимся голосом и махнул рукой. — А ну, кыш отсюда!

Птица, кажется, совсем не испугалась. Она посидела еще немного, все так же бесцеремонно рассматривая Вадима в упор, потом не спеша, с чувством собственного достоинства расправила крылья и взлетела. У самых ног Вадима упало черное глянцевое отблескивающее перо, а птица еще покружилась немного над головой, прокаркала что-то явно оскорбительное и скрылась из виду.

Вадим дернул дверь изо всех сил, и она сразу же распахнулась — неожиданно и легко. Он ввалился в подъезд мокрый, как мышь, с бешено колотящимся сердцем. От утреннего хорошего настроения не осталось и следа.

В лифте Вадим привалился к стене, совершенно обессиленный. Вот глупость какая! Подумаешь — кодовый замок барахлит. А птица... Ну мало ли какая только тварь не заведется в большом городе! Вон, говорят, в подземельях метро крысы вырастают чуть не с собаку величиной, а в канализации крокодилы плавают. Может, это грач или эта... как ее... Пустельга какая-нибудь.

В видах птиц Вадим совершенно не разбирался, но внезапно всплывшее в памяти слово понравилось и привязалось, назойливо крутясь в голове. «Пустельга... Пустяки, чепуха — вот что такое ваши страхи, Вадим Александрович! — твердо сказал он себе, когда лифт наконец распахнул автоматические двери на девятом этаже. — О деле надо думать, а не голову себе забивать черт-

те чем!»

Вадим даже успокоился немного, но, подходя к двери своей квартиры, заметил нечто и вовсе необычное. На стене черной краской был нарисован странный символ — перевернутая пятиконечная звезда, вписанная в круг, и куча каких-то непонятных закорючек вокруг нее.

— Опять подростки балуются, — подумал он, стараясь сдержать тошноту, вдруг подступившую к горлу. — Да, да, конечно подростки! Распустили их родители... Заставить бы языком это вылизать.

Но все же где-то в дальнем уголке сознания черной точкой засела тревога. Слишком уж тщательно были вычерчены геометрические фигуры. Слишком аккуратно нарисованы чудные закорючки. Это было совсем не похоже на подростковое хулиганство. Но главное... Вадим даже не смог бы этого объяснить. Неведомый символ внушал тупой безотчетный первобытный страх.

Глава 4

Рыжая

Дальше дни потянулись за днями. Все было как всегда, разве что дела у Вадима пошли лучше обычного. Самые сложные сделки проходили без сучка и задоринки, деловые партнеры вдруг стали на удивление сговорчивы, Боря провел очень удачную биржевую операцию. Жизнь вошла в привычный ритм, и Вадим совершенно забыл про странный случай, который выбил его из колеи. Даже рисунок в подъезде оказался тщательно замазанным на следующий день. Вадим поначалу даже удивился: неужели у местных дебилов совесть проснулась? Но скоро выбросил это из головы.

Замазали — и слава богу.

Даже погода решила устроить приятный сюрприз. Осень стояла на удивление теплая и сухая. Солнце не палит, но еще греет, деревья стоят, будто гордясь своим багряно-золотым убранством, в воздухе летают легкие паутинки... Вадим каждый день подолгу бегал в парке, наслаждаясь последними погожими днями.

Ощущение было такое, словно он долго карабкался в гору и теперь стоял на пике удачи. Весь мир был у ног, и звезды радостно подмигивали сверху.

Только вот радости особенной это почему-то не приносило. Тревога, что поселилась в душе в тот трижды неладный день (так Вадим называл про себя визит черноволосой незнакомки), не оставляла. Она лишь съежилась до размера маленькой черной точки где-то в глубине сознания, но не исчезла совсем. И теперь он словно ждал чего-то с унылой обреченностью, утешая себя жалкой мыслью: а может, обойдется?

Не обошлось.

Все окончилось в тот день, когда Сергей Данилов, старый друг и компаньон по бизнесу, предложил расслабиться в сауне. Вадим потом с горечью вспоминал, что как раз в тот вечер ехать ему куда не хотелось. Ну что бы дураку не остаться дома? Но отказать было неудобно — в сложносочиненной и не вполне официальной иерархии холдинга Сергей занимал более высокое положение, к тому же Вадим, конечно, уже позабыл свои благие намерения. Предстоящий длинный и пустой вечер тоже не радовал, и он скрепя сердце согласился.

Когда Вадим приехал, веселье было в самом разгаре. Столы накрыты, друзья-приятели в белых простынях напоминали древнеримских патрициев, в бассейне с визгом плескались голые девочки...

Но Вадиму почему-то стало грустно. Он впервые с удивлением заметил усталость и скуку на лицах «хозяев жизни», как будто вовсе они не отдыхают здесь, а исполняют очередную тягостную, но обязательную повинность. И у девочек, что приехали из какого-нибудь Донецка или Тернополя, утверждающих, что по профессии они «фотомодэли», слишком уж явно звучит в речи украинский акцент, а глаза загораются живым блеском только при виде денег.

— Штрафную опоздавшему! Нагонять надо! — радостно проревел уже изрядно поддатый Данилов, протягивая Вадиму бокал с коньяком. Он выпил, но легче не стало, скорее наоборот. Раз и навсегда заведенный ритуал под названием «вот как мы, крутые, гуляем» наводил тоску.

Да еще музыка гремит слишком, прямо по ушам бьет. Жесткий, даже рваный гитарный ритм и хриловатый голос — не благостное бардовское мурлыканье, а приклатненный надрыв, почти крик Вадиму совсем не понравились. Где только Данилов каждый раз откапывает такой отстой из репертуара радио «Шансон»? Вроде приличный человек, с криминалом дел не имеет и не сидел никогда, а вот поди ж ты...

Через двор плыла,
Собой цвела
Ры-жа-я!

Надрывался магнитофон. И вдруг... Вадим с трудом удержался, чтобы не шарахнуть об пол дорогую японскую электронику. Резкая боль, словно раскаленная игла, пронзила голову. Перед глазами вспыхнул колдовской ярко-синий свет, и на фоне его, как живое, предстало нежное лицо рыжей Кати. Когда же это было? Давно. Десять лет прошло, нет, даже больше — двенадцать! Страшно подумать, как быстро время летит.

Он сжал виски ладонями, но легче не стало. Ох-х, как некстати сейчас все это вспоминать!

Это теперь Вадим стал вполне уважаемым бизнесменом и уже подзабыл события своей бурной молодости, а тогда был всего лишь мелким дешевым рэкетиром.

Вернувшись из армии, понял, что мир вокруг разительно изменился, и профессия инженера-механика, которую он осваивал в институте, перед тем как попасть в армию после первого курса, уже не гарантирует никакой стабильности в будущем. Да и грустно как-то на дядю горбатиться за копейки, когда вокруг пацаны-ровесники ездят на иномарках и небрежно кидают на стол в дорогих ресторанах пачки денег.

Институт тогда так и не окончил, бросил вскоре. Потом, уже много спустя, когда диплом понадобился, нашел по объявлению в газете учебное заведение с длинным и кучерявым названием «Международная академия финансов и менеджмента», заплатил денег и без проблем получил заветные корочки.

А тогда... Всего и не упомнишь. Пытался то работать в кооперативе по производству мягкой мебели, то заняться «челночным» бизнесом, но везде потерпел неудачу. Кооператив быстро обанкротился, даже зарплату не выплатили

работникам, а баулы со шмотками отняли местные братки на границе с Польшей. Тогда-то и появилась крамольная мысль — а я-то чем хуже?

Вадим аж скривился от запоздалого стыда за свою тогдашнюю глупость. Дон Корлеоне, блин. Сверхчеловек хренов. Сколотил банду поделщиков, и все они весело и не без успеха принялись трясти новоявленный класс мелких собственников.

Сейчас, конечно, смешно — ерунда, мелочевка, но себе они казались ужасно крутыми.

И только чудо его спасло тогда от тюрьмы или пули. В устойчивые криминальные группировки они не входили, соперничать с ними — кишка тонка, ребяташки болтали и пили слишком много, о некоторых оперативных хитростях понятия не имели. В общем, типичный дикий рэкет, легкая добыча либо для ментов из РУОПа, либо для более или менее серьезных бандитов.

Тогда-то и оказался в их поле зрения Семен Яковлевич Гольдберг — генеральный директор небольшого, но уютного совместного предприятия. Как оно называлось-то? Совсем из головы вылетело. И немудрено — сколько лет прошло! Располагалась контора в самом центре Москвы, в Третьяковском проезде, там, где теперь дорожные магазины, и директор — низенький толстенький еврейчик, разъезжающий на «Мерседесе» казался куда как завидной добычей.

В той конторе трудилась переводчицей милая девочка Катюша. Рыжие вьющиеся волосы, веснушки, веселые плутоватые зеленые глаза с золотистыми крапинками...

Вадим всегда очень внимательно относился к любой информации о предполагаемых «клиентах». А кто знает больше, чем секретарши? Часто к ним относятся как к неодушевленным предметам. Эдакое украшение офиса на двух ногах (ну о-очень длинных и стройных), ходит туда-сюда в короткой юбке, посетителям улыбается, кофе подает (а иногда и не только кофе)... А на самом деле эти девочки многое видят и слышат. Да еще если зуб имеют на своих начальников (а часто имеют, и еще какой!), то делаются просто бесценными источниками информации. Особенно если подъехать с правильной стороны — красиво поухаживать, в ресторан сводить разок-другой, в постель уложить, да не абы как, а с душевным подходом...

Катя его тогда очень выручила, сама того не подозревая. Кто же знал, что у этого Гольдберга давно все схвачено, сам он — американский гражданин и вообще Вадиму не по зубам? Вовремя сумели отойти в сторону — и то хорошо.

Хуже было то, что Катя полюбила Вадима по-настоящему. Да и он сам не то чтобы увлекся или влюбился, но как-то привык к ней. Почему бы и нет? Катя была не то чтобы красавицей, но очень милой, нежной... уютной какой-то. Никогда не скандалила, ничего не требовала, не рвалась замуж. В общем, не обременяла Вадима своим присутствием. Просто приходила вечером, ставила чайник, и от ее присутствия в доме сразу становилось тепло.

А на утро с ней ухарь
Крутит в пальцах рыжий шелк...

Рыжий шелк... Неожиданно Вадим как будто снова почувствовал его на ощупь. Было ведь это все, было! Когда Катя засыпала у него на груди, ее волосы рассыпались, как шелковый плащ, и пахли почему-то свежим сеном. Было

немного щекотно, но все равно приятно, и он осторожно гладил, перебирал шелковистые пряди. Может, у них и получилось бы что-нибудь хорошее... Во всяком случае, ни одна женщина потом больше так и не тронула его сердце.

Может, и получилось бы, не случись тогда та гадкая история с Магомедом Ходжаевым.

Вадим аж зубами скрипнул. Черт его дернул связаться с фальшивыми чеченскими авизовками! Ну хотелось побыть директором фирмы, даже фиктивной. И денег хотелось — настоящих, больших денег. Не век же рубли трясти из палаточников!

А вышло все боком — в длинной отлаженной цепи вольных и невольных посредников, не всегда ведающих, что творят и чем все это чревато, случился сбой. Деньги, что называется, зависли, и непонятно было, удастся ли получить их обратно.

Чеченец Магомед, как и практически все его соплеменники, шуток не понимал и на Вадимовы объяснения не реагировал. Он только каменел лицом, и в глазах его Вадим уже видел свою смерть. Очень плохую смерть. До сих пор он не забыл своих судорожных попыток сохранить лицо, предательски потные, липкие ладони, срывающийся голос.

И надо же было так случиться, что Катя пришла именно в этот момент! Она влетела в квартиру радостная, оживленная, пахнувшая дождем и весной. Весело защебетала на кухне, распаковывая принесенные свертки, и принялась готовить ужин.

Магомед скривился и процедил сквозь зубы: «Отправь девочку домой, к маме. Мешает». Надо ли говорить, что Вадим поспешил выполнить его приказ! Но даже в тот момент успел заметить долгий, оценивающий взгляд, которым Магомед смерил Катю с ног до головы.

В конце длинного и неприятного разговора Магомед сказал:

— Ладно, ты вот что. Говоришь, денег у тебя нет? Зато девочка есть. Пришлешь ее ко мне — подожду. Недели две, не больше. Вот через две недели и пришлешь ее ко мне с деньгами вместе.

Вадим сидел ни жив ни мертв. Ему, вот этому зверю — Катю? Господи ж ты мой... Вадим, конечно, знал, что по мусульманским обычаям женщина даже не друг человека. Доходили до него и темные, неясные слухи о своеобразных сексуальных наклонностях самого Магомеда. Что в них было правдой, а что нет понять трудно, но ни одну из девочек, что соглашались сесть к Магомеду в машину, никто больше не видел живой и здоровой. Недаром он выстроил себе огромный дом на отшибе, далеко не только от города, но и от всякого жилья вообще...

Будучи весьма неглупым человеком, Вадим очень ясно представил себе, что ожидает Катю, содрогнулся.

А Магомед спокойно продолжал:

— Что у нас там через две недели? Первое мая? Вот и хорошо. Двойной праздник будет. Иначе... Ты понял меня, Вадик? Где я живу, ты знаешь. Будь здоров.

Когда дверь захлопнулась, Вадим сел за стол на кухне и налил себе рюмку водки. Прямо почти второй день рождения... О том, что двухнедельная отсрочка — это еще не выход и кардинально проблему не решит, думать как-то не хотелось. Мысли появились потом, когда первая эйфория от того, что прямо

сейчас его убивать не будут, начала потихоньку развеиваться.

Мысли были невеселые. Долг есть долг. Денег таких, конечно, не собрать, а ссориться с Магомедом и его кодлой — занятие для самоубийц. Значит, остается один выход — делать ноги да побыстрее. И лучше за границу, чтобы с концами, чтобы не нашли. Эта идея, поначалу казавшаяся дикой, принесла некоторое успокоение и даже решимости придала. Не хотелось думать о том, что за границей его никто не ждет и что денег у него не так уж много (как нажил, так прожил!), а главное — даже загранпаспорта нет! Главное — теперь была цель и надежда. Вадим допил бутылку водки и заснул, как младенец.

Как он провел следующие две недели, лучше не вспоминать. Бегал по городу, как таракан по сковородке. Суетился, уговаривал, давал взятки, пускал в ход все свое обаяние... А еще пытался добыть деньги всеми возможными и невозможными способами, даже в казино один раз сходил. Проиграл, конечно, но даже не расстроился: семь бед — один ответ! Что бы он не делал — просил займы или пытался быстро продать что-нибудь — везде поджидал такой же облом.

Это ведь только кажется, что уехать очень просто, а оказалось — попробуй-ка! Виза, приглашение, загранпаспорт проклятый...

Вадим сразу понял — ни в Америку, ни в Германию, ни в какую другую первосортную страну его не впустят. Оставался вариант поехать в Польшу по туристическому ваучеру, а потом уже думать дальше. Тем более что там он уже был, совершая единственный свой челночный рейс. А недалеко от Кракова живет приятель Збышек, который когда-то учился с Вадимом в институте как представитель братской социалистической Польши, а потом, уже в начале девяностых, приезжал в Москву скупать черную икру. Вадим не рассчитывал, конечно, что его примут с распростертыми объятиями, но все ж таки не чужой человек. Поможет первое время, а там видно будет.

Роковое первое число приближалось с пугающей неотвратимостью. Накануне последнего дня отпущенного срока Вадим снова сидел за столом, обхватив голову руками, наливал себе рюмку за рюмкой и думал, как быть дальше.

Как раз сегодня девочка из ОВИРа сказала, что паспорт будет только завтра во второй половине дня. Черт, времени совсем не остается... Даже если сразу бежать на вокзал, поезд уходит только в полпервого ночи. Поздно. Вадим ругал себя последними словами еще и за то, что так поздно спохватился и без пользы провел последние отпущенные ему дни. Раньше это надо было делать, как он, дурак, не додумался! А теперь и форы никакой нет.

Если только... Если только, получив Катю, Магомед кинется искать его не сразу. Что-то подсказывало Вадиму, что не кинется. Слишком занят будет — по крайней мере до утра, а если повезет, то и дольше. Тоже... отсрочка! К тому же родителей у Кати нет, сама говорила, так что в случае чего искать ее будет некому.

Мыслишка была подлая, но по крайней мере конструктивная. Вадим даже повеселел немного. Оставался, правда, чисто технический вопрос: как уговорить Катю? Правду ей сказать ни в коем случае нельзя. Даже нельзя, чтобы догадалась о чем-то до поры до времени. Значит, надо придумать что-то другое. Предложить денег? Не возьмет, обидится. К тому же девочка вполне обеспечена — работает на совместном предприятии, зарплату получает приличную. И не такая она дурочка, чтобы к черту в зубы лезть за копейки. Припугнуть? Тем

более нельзя...

Бутылка опустела почти наполовину, когда наконец решение пришло. Оно было таким простым и ясным в своей очевидности, что Вадим даже рассмеялся. Чего мудрить-то, когда все лежит на поверхности? Она ведь любит меня, как кошка! И, чтобы мне помочь, пойдет на что угодно. Ну или почти на что угодно, что тоже не так уж мало. А значит, можно сказать правду!

Только не всю.

«Можно признаться, что есть серьезные проблемы. Тут уж врать не придется, — подумал Вадим с горьким юмором. — Что она может мне помочь, если съездит к Магомеду, — тоже правда. И передаст ему... Что передаст, кстати? Да в общем неважно. Натолкать кукол в дипломат и... Что и требовалось доказать».

Следующий день прошел как в тумане, в полусне. Ведь что удивительно — все удалось легко и просто. Катя сразу поверила, забеспокоилась почти по-матерински, хотя была намного моложе и с полным чемоданом резаной бумаги направилась навстречу своей печальной судьбе. Ринат отвез ее до порога, и у Вадима не было никаких оснований ему не верить.

А с паспортом все-таки прокатили. «Извините, будет только после праздников...»

Вадим смотрел в ясные голубые глаза девочки, сидящей за обшарпанным канцелярским столом, и изо всех сил подавлял желание схватить ее за плечи и тряхнуть изо всех сил. Хотелось крикнуть — да зачем он мне? Трупам документы вообще без надобности!

На улицу Вадим вышел ни жив ни мертв. В голову приходила только одна мысль — бежать. Скрыться, затеряться где-нибудь далеко-далеко на просторах необъятной Родины и надеяться, что не найдут.

Прямо из ОВИРа, не заходя домой, он отправился на Казанский вокзал и уехал в Сызрань — маленький паршивый городишко, который не на всякой карте найдешь, к дальним родственникам, которые и вспомнили-то его с большим трудом... А может, и не вспомнили даже. Просто времена тогда были трудные, и несколько зеленых бумажек с портретами американских президентов, отданные тете Маше «на хозяйство», расположили к нему все многочисленное семейство.

Только через месяц Вадим осмелился наконец позвонить в Москву — хотел узнать у Рината, что слышно. Новости оказались просто потрясающие. Оказалось, ему повезло — феерически, почти невероятно! В ночь накануне Первого мая в доме Магомеда произошел пожар. Говорят, взорвался газовый баллон. Огромный дом сгорел, как свеча, и все, кто в нем был, погибли.

Вадим от души надеялся, что это случилось раньше, чем Магомед и его приятели успели сделать с Катей все, что им хотелось бы.

Он вернулся в Москву, но от прежних дел отошел. Как будто пережитый страх сделал его гораздо более взрослым и рассудительным. «Хватит, наигрался, — твердо решил Вадим тогда для себя, — нечего тешиться дешевой романтикой. Делом надо заниматься».

И занялся, благо и тут подфартило. Деньги, зависшие на чужих счетах, потом все же удалось получить назад, хотя и частично. Поскольку Магомед погиб, а его наследники так и не объявились, Вадим, выждав некоторое время, спокойно их присвоил. Так был заложен фундамент его теперешнего финансо-

вого благополучия.

Вадим потряс головой, и наваждение исчезло. Но и развлекаться больше не хотелось. До парилки он так и не дошел, веселье друзей стало казаться надуманным и фальшивым, а девушки — некрасивыми и тупыми до отвращения.

«Какого черта они все выхваляются друг перед другом? А главное, какого черта я тут делаю? — думал он. — Уехать, что ли, отсюда? А дома что? Весь вечер в телевизор пялиться? Или вызвонить какую-нибудь шлюху, которая будет ничем не лучше этих? Тогда уж лучше здесь оставаться...»

Вокруг было много людей, но в тот вечер Вадим впервые напился в одиночестве.

Глава 5

Вопросы без ответов

На следующий день Вадимовы сотрудники с трудом узнали своего шефа. Несмотря на пьянки и загулы, он всегда появлялся перед ними чисто выбритый, небрежно-элегантный, благоухающий дорогим одеколоном. А тут... Всего за один день Вадим как будто постарел и осунулся. Красные глаза, мощный запах перегара, который не перебить никаким «Диролом», придавали ему какой-то жалкий и потерянный вид. Даже дорогой фирменный костюм выглядел мятым и потрепанным.

Буркнув что-то вроде приветствия, Вадим быстро прошел к себе в кабинет. Хотелось укрыться от любопытных взглядов и закрыть за собой дверь.

Устроившись на привычном месте за столом, он достал папку с последним контрактом, закурил и попытался сосредоточиться. Мысли путались, печатные строчки извивались и прыгали перед глазами. А еще — свет из окна падает какой-то тусклый, серый, не разберешь ничего. И холодно... Надо бы, конечно, включить кондишн на обогрев, только вот куда пульт подевался? Вадим пошарил на столе среди бумаг — нету. Он зябко поежился, откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

Не сказать, чтобы он особенно жалел Катю, но в этот раз Вадим провел действительно плохую ночь. Стоило закрыть глаза, и снова возникало лицо, которое он давно забыл. Заставил себя забыть. Катя молчала, ни в чем не упрекала его, как никогда не упрекала и при жизни, но от одного ее взгляда хотелось провалиться сквозь землю.

«Я же не хотел этого, не хотел! Я не виноват, что все так получилось! Это просто стечение обстоятельств, несчастный случай, и не более того! И в конце концов я не убивал ее!»

Вадим прекрасно понимал всю бессмысленность подобных самооправданий. В милиции почти всегда можно дать взятку, в суде нанять хорошего адвоката... Недаром ведь наша Фемида часто оказывается продажной, как девочка с панели. Но как дать на лапу человеку, которого уже нет в живых?

Нет, надо собраться. Прочь эти мысли. Так что там с контрактом?

Вадим выпрямился — и не поверил своим глазам. Напротив него, точно так же, как и две недели назад, сидела девушка с длинными черными волосами. Как же ее звали? Странное имя какое-то... Но если тогда она вызвала у Вадима ярко выраженный мужской интерес, то теперь внушала ужас и отвращение.

Вадим был готов на что угодно, лишь бы не смотреть на ее лицо, но и глаз оторвать не мог.

Девушка молчала, не двигалась, только смотрела в упор, улыбаясь мрачной безжалостной улыбкой пещерного идола. Лицо, которое раньше было нежным и юным, на глазах постепенно превращалось в зловещую уродливую маску ведьмы — старой, сморщенной, с крючковатым носом и серо-зеленоватой кожей. Глаза ее испускали синевато-зеленое мертвенное сияние. Длинные черные пряди волос разметались по плечам, и Вадиму показалось, что это живые, шевелящиеся змеи. Черная птица, что опять сидела у нее на плече, вспорхнула со своего места и принялась кружить у него над головой, издавая противные каркающие звуки и целя прямо в глаза острым крепким клювом и когтями.

Вадим запаниковал, вскочил на ноги и бестолково замахал руками, пытаюсь отогнать ее, но птица не отставала. Он с трудом удержался, чтобы не закричать, и выбежал прочь.

Все сотрудники были на своих местах и с удивлением уставились на него. Вид у Вадима был действительно безумный.

— Боря, зайди ко мне, — еле выговорил он белыми от ужаса губами.

Боря поднялся и пошел за ним. Вадим пропустил его в дверь впереди себя, но Боря вошел как ни в чем не бывало. Незнакомки в кабинете больше не было. И птица куда-то исчезла.

Вадим постарался задержать Борю у себя как можно дольше. Он попросил еще раз объяснить суть последней биржевой операции, но в смысл Бориных слов не вникал совершенно. Вадима сейчас занимали совсем другие мысли.

Очень интересно. Одна галлюцинация — это случайность, а три — уже система. Вот бы узнать, куда девалась эта девка? Не в окно же вылетела! Ну, может, эта погань пернатая и впрямь улетела... Хотя нет, окно закрыто.

Вадим вспомнил, что окна у него в офисе закрыты герметично, чтобы пыль и шум с улицы не проникали внутрь, а температуру и влажность воздуха в помещении регулирует кондиционер последней модели. Вот, кстати, и пульт лежит на столе, прямо перед носом... Почему-то от этого ему стало еще страшнее. Как только умудрился его сразу не заметить?

Но девка-то исчезла, это факт! Или ее тут вообще никогда не было? Нет, в первый раз точно была. И Боря ее тоже видел. Да уж, Боря... Сидит тут, бухтит что-то себе под нос, и горюшка ему мало. Да, кстати, Боря говорил, она пришла из агентства. Если так, там должны быть ее координаты.

К тому моменту, когда Боря закончил излагать и вопросительно поднял свои большие, светлые, неожиданно красивые глаза, у Вадима уже созрело решение.

— Боря, ты молодец и гений. Я, пожалуй, отъеду на часок. Если будет что-то важное — звони мне на мобильник, а нет — рули сам.

Вадим подхватил с вешалки плащ и быстро вышел. Оставаться одному в собственном кабинете больше не хотелось. Отныне и навсегда это помещение будет внушать ему страх.

Вадим отправился в агентство по трудоустройству, к услугам которого периодически обращался. Там его встретили как почетного гостя. Но все, даже девушка, которая подавала ему кофе, заметили его нездоровый вид, бледное

лицо и трясущиеся руки.

Менеджер, вертлявый молодой человек в ярком галстуке, нисколько не удивился просьбе. Он хорошо знал свой контингент и все анкеты Вадиму, конечно, предоставил.

С фотографий глядели молоденькие девчушки, хорошенькие и не очень, которые изо всех сил старались казаться деловыми, компетентными, уверенными в себе. В резюме мелькали фразы вроде «организовывала работу офисных служб» или «координировала поставки необходимых материалов»... Почему-то даже эти обтекаемые, привычные формулировки вызвали тупую, мутную злобу. Вот козы мичуринские, а? Бизнес-леди, блин... Уж написали бы проще — покупали бумагу и ручки или там чай-кофе подавали, а то строят из себя невесть что!

Просмотрев все анкеты, Вадим окончательно убедился в том, о чем давно догадывался. Конечно же, Дианы среди них не было.

«Ну что же, отсутствие результата — тоже результат, — думал Вадим за рулем по дороге к себе в офис. — Теперь остается только самый простой вопрос: что, черт возьми, происходит?»

Остаток рабочего дня тянулся бесконечно. Вадим с удовольствием убрался бы домой пораньше, но сегодня предстояло несколько важных встреч. Партнеры, как назло, запаздывали, и он бесцельно толкался по офису, изобретая всевозможные предлоги, чтобы не оставаться одному.

Кое-как закончив дела, Вадим отправился домой. В этот раз он не отпустил Рината у подъезда, как обычно, а попросил подняться в квартиру вместе с ним.

Ринат очень удивился — такого раньше никогда не было, но что поделаешь? Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак. И вообще шеф сегодня какой-то странный. Запил, не иначе. Это, конечно, его дело, но...

Ринат хорошо понимал, что если Вадим запьет всерьез и надолго, то на плаву уже не удержится. Ситуация меняется каждый день, а конкуренты пошли ох какие зубастые. К тому же с большими связями и возможностями. Того и гляди хозяева холдинга могут поменяться. Вряд ли Вадим сумеет сохранить свое положение при новом руководстве, а значит, с таким начальником надо расставаться, пока не поздно.

И возможно, даже с пользой для себя. Не век же ходить в должности «подай-принеси-пошел вон!». Ринат давно уже тяготился своими лакейскими обязанностями, но деваться было некуда.

Несколько лет назад по собственной глупости Ринат попал в абсолютно идиотскую ситуацию. Как-то вечером они с друзьями мирно квасили на квартире одного из них. Когда приняли на грудь достаточно, захотелось женского общества. Легко сказать, но где возьмешь телок во втором часу ночи? Хорошо, нашлась под рукой газета с рекламой, в которой состоятельным клиентам предлагали все земные радости круглосуточно. Вызвав проститутку по телефону и натешившись вдоволь, друзья решили заодно поправить за их счет собственное материальное положение. Двоих девчонок оставили в заложницах, а еще двоих отправили за деньгами, пообещав в противном случае убить оставшихся.

Конечно, такая идея могла прийти в голову только с пьяных глаз, да и то не каждому. Но, с другой стороны, кто же знал, что девчонки с перепугу побегут

на Петровку и недавно организованный РУОП покажет себя во всей красе? Уже через час в квартиру, выбив хлипкую дверь, ворвались омоновцы в масках. Всех, кроме насмерть перепуганных заложниц, положили лицом в пол, и по спинам загуляли дубинки.

Это уже потом незадачливые вымогатели поняли, наконец, что их дурацкая и жестокая пьяная выходка обойдется им очень и очень дорого. Кто же знал, что на сухом и казенном юридическом языке это называется «захват и удержание заложников, совершенные группой лиц», а главное — грозит серьезным тюремным сроком?

Сам Ринат вообще не понял, зачем ввязался в эту историю. Вадим никогда не был особенно жаден, и как раз в это время неожиданно разбогател. Работа не пыльная, платят хорошо, казалось бы, живи и радуйся, так нет ведь... И добро бы еще серьезное дело было. Нет, все же прав был герой известного кинофильма: самое дорогое на свете — это глупость, потому что за нее дороже всего приходится платить.

Мать Рината, Алия Загидулловна, узнав об аресте сына, прибежала к Вадиму в слезах. Не сказать, чтобы это его особенно тронуло, но Вадим боялся, что Ринат начнет рассказывать и про их общие дела тоже.

Поэтому Вадим надавил, где нужно, девчонки от своих показаний отказались, дело благополучно развалилось, и Ринат со товарищи вновь оказался на свободе.

Но странное дело — особой признательности к своему благодетелю он не испытывал. Ринату казалось, что Вадим держит себя барином и гоняет его, как мальчишку. Ринат умел терпеть и выжидать и вот теперь, кажется, дождался своего часа.

Глава 6

Вилла «Белый конь»

Дома легче не стало. Вадим метался по квартире, как зверь в клетке. Несколько лет назад, сопровождая в зоопарк сынишку двоюродной сестры Нади, приехавшей на пару дней из Питера, Вадим видел, как вот так же не находила себе места в слишком тесном для нее закутке черная пантера. В закрытом павильоне горел яркий электрический свет, взрослые и дети столпились за стеклом, отделяющим их от маленького загончика с нарисованными на задней стенке тропическими джунглями, а зверь все ходил взад-вперед и смотрел на людей тоскливо, злобно и обреченно, как будто знал, что из этой клетки ему все равно не выбраться.

Сейчас Вадим чувствовал себя примерно так же. Все вокруг его раздражало, хотелось на ком-нибудь сорвать свою злость. Тем более что он почти никогда не приходил домой так рано, и вынужденное безделье, одиночество и замкнутое пространство тяготили невероятно.

Огромный многоквартирный дом жил своей жизнью, люди возвращались с работы, вокруг хлопали двери, раздавались голоса, и это раздражало Вадима еще больше.

За стеной соседка Валентина — многодетная мать горластого, нахального и хулиганистого семейства громко скандалила со своим мужем. Ее резкий, визгливый голос действовал на усталый измученный мозг как бормашина.

— Дубина ты стоеросовая, бездельник, наказание мое! Только и можешь, что водку жрать да диван задницей просиживать! Или вон, с дружками своими, пьяницами, целый день шляешься. Господи, да когда же все это кончится!

Валентинин муж Коля, видимо, уже находился в состоянии блаженного подпития, а потому отвечал буйной супружнице довольно мирно.

— Ну Валь, че шумишь-то? Че шумишь? Мы с Толиком к его шефу ходили, он мне работу обещал, точно обещал, ну выпили на радостях, а ты шумишь, дура.

Но Валентина только завелась еще сильнее.

— Я дура? Это я-то дура? Работу ему обещали, скажите пожалуйста! Дадут, догонят и еще добавят, как же, дожидайся! Белого коня пришлют! А не хотите ли вы, Николай Иваныч, большим начальником стать? Да что же это за жизнь такая распрокаторжная, будто сглазил кто! — слышался звук, будто упало что-то тяжелое, и женщина громко, с надрывом, зарыдала.

И так без конца. Черт бы побрал эти дома! Перегородки будто картонные, каждое слово слышно. Вадим со стоном рухнул на кровать и накрыл голову подушкой. Чувствовал он себя из рук вон плохо — все тело сковывала обморочная тяжесть, голова просто разрывалась от боли, перед глазами вспыхивали и гасли разноцветные огоньки... Да еще эта идиотская фраза упорно вертелась в мозгу: «Белого коня пришлют!» И еще — «сглазили». С чего бы это? Своих проблем довольно, причем здесь алкаш Коля и его скандальная жена?

Вадим сел на кровати. Если уж все равно не получится отогнать назойливые мысли, попробуем рассуждать логически. Итак, белый конь. Что же это может означать? Лично мне его уж точно никто присылать не собирается. Впереди на лихом коне? Тоже нет. Что-то из книг? Посмотрим. Чего не сдела-

ешь, чтобы отвлечься! Вадим потянулся к книжной полке. Читать он всегда любил, и литературы скопилось довольно много.

Ну что там? Пелевинский «Generation P» — не то, «Аквариум» — не то, «Гарика на каждый день» — тоже. Под руки попался томик в бумажной обложке. Это еще откуда? Наверное, Ленка забыла — вечно она притаскивала всякую мутотень и читала ее с упоением.

Воспоминание о последней подружке тоже почему-то раздражало. Дура. Называла «миленький» и пекла блинчики с вареньем. Домашним уютom хотела соблазнить и все заглядывала в глаза, как собачонка, ждала, что предложение сделают. Как же, разыгралось воображение у девочки, захотела богатого мужа приманить! Сиськи и попка, конечно, ничего, но если бы к ним еще и голова прикладывалась...

Вадим зачем-то отнес ни в чем не повинную книгу на кухню и со злостью швырнул в мусорное ведро, но взгляд вдруг задержался на обложке. Крупными буквами, стилизованными под готический шрифт на фоне английского пейзажа с зелеными лужайками и замками из серого камня было выведено: Агата Кристи. Вилла «Белый Конь».

Надо же, белый конь! Вадим осторожно достал злополучный томик из мусорки, вернулся в комнату и начал читать. Женскую литературу как таковую он раньше на дух не переносил, презрительно называя «сопли в сахаре», а тут вдруг увлекся. Забавная логическая игра ума про неких изобретательных злодеев, которые организовали бюро по устранению неудобных за деньги, захватила не меньше, чем откровения бывшего шпиона. Время незаметно подошло к полуночи, когда Вадим перевернул последнюю страницу и отложил книгу в сторону.

А что, и правда забавно! Приходит клиент, заказывает убийство (не прямо, конечно, все больше намеками и полунамеками. Джентльмены, блин!). Ему показывают какой-то шарлатанский магический сеанс и призывают ждать результата. Вскоре жертва умирает, и вроде бы естественной смертью. Заказ выполнен, клиент платит, все довольны — кроме покойного, конечно. На самом деле вся магия — сплошное надувательство, для отвода глаз, а жертвы были банально отравлены. Весь фокус в том, чтобы создать атмосферу таинственности. Судебно-медицинские экспертизы тогда были не в моде, а судить человека за колдовство было уже невозможно. Хорошо придумано, ничего не скажешь!

«Но что если это действительно существует? — рассуждал Вадим. — Что если я оказался под колпаком у каких-то неведомых, а главное, неуловимых убийц? Да, именно убийц, ведь так бормотала та девка: «Смерть твоя у порога». А неуловимых потому, что с точки зрения Уголовного кодекса они безупречны».

Теперь надо разобраться. Если вся магия черная и белая — сплошное шарлатанство, средство запугивания слабонервных, то шансы есть. Я не кисейная барышня, с живым, конкретным, осязаемым противником справлюсь, не впервой. Во всяком случае, попытаюсь. А если против меня и правда какие-то неведомые силы, тогда дело плохо. Очень плохо. Интересно, куда мне теперь податься? В милицию? Даже не смешно. «Здрасьте, гражданин начальник. Меня тут пытаются убить при помощи черной магии. А может, белой, тут я не специалист. В общем, разберитесь и примите меры. Лучше всего будет сжечь

их всех на костре. Кого? Не знаю. Найдите». В лучшем случае меня просто обматерят и пошлют подальше, в худшем — вежливо выслушают и отправят в дурдом.

Вадим, конечно, кривил душой. Имелись у него, конечно, свои люди в правоохранительных органах, куда же без них! Сколько ни отлавливай «оборотней в погонах», а все равно каждый мент кушать хочет, и не только в полнолуние. Другое дело, что все они — сплошь убежденные материалисты, в сказочку про колдунов не поверят никогда. А если не поверят, то и помочь не смогут. И главное, не захотят.

Так что еще? В церковь? Можно попробовать. Всю жизнь был неверующим и некрещеным, и вот — пожалуйста. Хотя... Священники ведь тоже люди, и деньги они любят не меньше, чем все прочие. Вон, Данилову тут приспичило зачем-то новый офис освятить, так содрали будь здоров!

Остается только надеяться, что и попы недаром свой хлеб едят, за две тысячи лет должны были придумать что-то действенное против таких созданий. «Завтра же съезжу в церковь!» — решил Вадим.

Глава 7

Если друг оказался вдруг...

Успокоенный, Вадим незаметно уснул. Сначала ему снилось, что он идет по лесной тропе. Деревья стояли в пышной зелени, лучи солнца пробивались сквозь кроны, идти было легко и приятно. Вадим улыбался во сне. Он чувствовал, что в конце этой тропинки его ждет что-то важное. Его цель близка, и когда он дойдет, все будет хорошо.

И точно. Скоро он вышел на большую, освещенную солнцем поляну. Посреди ее стояла маленькая, но очень красивая белоснежная церковь. От блеска золотых куполов слепило глаза. Вадим еще удивился — кто ее здесь построил? И зачем, если вокруг нет жилья?

Медленно и осторожно он зашел внутрь. Пахло чем-то странным и приятным. Наверное, это ладан, догадался Вадим. С икон строго глядели лики святых. Перед ними горели маленькие серебряные лампадки. Спиной к Вадиму стоял высокий священник в черной рясе.

Вадим хотел окликнуть его, чтобы рассказать о своей беде и попросить о помощи, хотел объяснить, что заплатит сколько угодно, лишь бы избавиться от колдовского наваждения, но не смог даже открыть рот.

Предательская немота сковала язык, и он лишь промычал что-то невнятное.

И тут священник обернулся. Церковь, солнечная поляна, иконы, благостное настроение — все вдруг исчезло. В темноте полыхало ярко-синее адское пламя. Вместо священника стоял высокий парень в изорванной и залитой кровью армейской форме. Лицо его было страшно изуродовано, зияли пустые глазницы.

Хуже всего было то, что Вадим хорошо знал этого парня. Слишком хорошо. Прошлое снова всплывало в памяти.

Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. Закавказье. Горный учебный центр в Шемахе. Только не надо представлять себе белые комфортабельные корпуса на фоне красивого пейзажа. Нет, были просто палатки зимой прямо

на снегу, а в них — грязные, завшивленные, полуголодные «защитники отечества», полдня занятые растопкой маленьких железных печурок, а еще полдня — распилкой мокрых дров и сбором чахлого кустарника, чтобы было чем обогреться. Чему солдаты должны были там научиться — одному Богу известно, но для любого вероятного противника к концу двухмесячного пребывания в «учебном центре» они представляли собой просто легкие для поражения мишени. «Учебные», так сказать.

Вадим так и не смог понять, почему добротное и теплое обмундирование для горных условий выдавалось только на строевом смотре. И долго не мог забыть абсолютно гротескную картину: к самой большой палатке, где готовили пищу (не еду, а именно пищу) жалким подобием строевого шага двигаются сторбленные от холода, закутанные в черные от копоти, рваные и прожженные бушлаты, солдаты с котелками в руках. При этом они еще поют охрипшими на морозе голосами что-то бодро-маршевое. Потом, получив свою порцию горячего, тут же на морозе, стоя, пытаются проглотить ее как можно скорее.

Многие болели. Одессит Леня Фишман чуть не умер от гнойного аппендицита, потому что капитан Маслов не хотел нарушать главное условие учений — полную автономность. «Есть санчасть, пусть сами справляются», — говорил он тоном, не терпящим возражений. Палатка с красным крестом действительно была, но молоденькие санинструкторши Лена и Люся не закончили даже медучилище и большую часть времени развлекали господ офицеров. В лучшем случае они могли перевязать палец или дать аспирин. Пока бравый капитан понял, наконец, что полостную операцию им не сделать и вызвал помощь по рации, аппендицит осложнился перитонитом, и Леня выжил просто чудом.

В общем, желающих попасть в горный учебный центр по второму разу не было, да и быть не могло.

Как известно, москвичам в армии трудно, а на отдаленных национальных окраинах — особенно. Для Вадима служба была бы просто невыносимой, если бы не сослуживец и земляк Володя Старков. Он обладал удивительно легким, солнечным характером, умел пошутить к месту, а когда смеешься — уже легче. Общий язык Володя находил с кем угодно. Даже здоровенные чечены и дагестанцы, которых все боялись, почему-то не обижали его.

Вадима же, как москвича и студента, Володя выделял особо. Со временем они очень подружились. В горном учебном центре, в продуваемых ветром палатках, они мечтали о том, как вернуться в Москву, как пойдут по улице Горького, зайдут в ресторан «Пекин»... О красивых московских девочках, с которыми обязательно познакомятся. Даже мечтать и строить планы было счастьем. Это придавало сил и хоть немного отвлекало от унылой действительности.

В одну из таких ночей, непривычно смущаясь, Володя рассказал, что мечтает поступить в семинарию и стать священником. Вадиму сперва стало смешно — очень уж странное желание для молодого парня! Но потом, подумав, он понял, что в этом что-то есть. Володе это занятие подходило как никому другому.

Да и какая, в сущности, разница! Главное было — верить, что новая и прекрасная жизнь обязательно наступит, стоит только, сжав зубы, дотянуть свой срок здесь, выжить и выстоять.

Но сам Вадим выстоять не сумел.

Перед очередной отправкой в горы он запаниковал и решил избежать ее любым путем. Сослуживец Заур Имранов, неистовый горец и законченный наркоман, задумал решить для себя эту проблему путем подкожного впрыскивания бензина, и Вадим последовал его примеру. Возможно, если бы в санчасть явился только один солдат с подобным диагнозом, все сошло бы благополучно, но двое — это уже подозрительно. Начальник санчасти насторожился и... Результатом стало медицинское заключение со словами «в ране обнаружены остатки нефтепродуктов» и чистосердечные признания обоих «героев» в попытке уклонения от исполнения воинского долга путем членовредительства. Заур подписал эту бумагу из-за полного равнодушия к своей дальнейшей судьбе, Вадим — из страха, что будет еще хуже. Дело закономерно должно было кончиться трибуналом.

Но до суда обвиняемые содержались в части и выполняли воинский долг так же, как и все прочие. Когда Вадим рассказал Володе о том, что произошло, не надеялся, что друг сумеет помочь. Просто надо было хоть кому-то высказаться, облегчить душу. Володя только покачал головой и сказал:

— Да-а, ситуация, скажем прямо, хреновая. Но ты погоди пока лоб зеленкой мазать. Может, я еще что-нибудь придумаю. Где наша не пропадала!

И действительно придумал. Среди Володиных друзей, приятелей и просто доброжелателей оказался молоденький лейтенант из военной прокуратуры. Как Володя умудрился с ним подружиться, Вадим не знал, да это и не важно.

Через пару дней Володя пришел веселый, подсел к Вадиму на койку и сказал:

— Слушай, я, кажется, додумался. Ничего обещать не буду, но кое-что сделать попробую.

— Что? — Вадим спросил вроде бы безучастно, но в сердце уже затрепыхалась надежда — а вдруг?

— В общем, пиши другую объяснительную такого примерно содержания: ты прыщ на ноге расковыривал, а потом в бочку с бензином залез. Мы же все так от вшей спасаемся. Жаль только, они, подлые об этом не знают и не дохнут...

— Ну и что? При чем тут вши?

— А то! Бензин таким способом мог попасть в рану хотя бы теоретически. Потом инфекция, воспаление...

— Ну напишу, а дальше?

Володя таинственно улыбнулся:

— Меньше знаешь — крепче спишь. Есть у меня одна задумка... Так что пиши и этому своему джигиту скажи, пусть подпишет. Вытаскивать — так обоим. Напишешь — отдашь мне, а там посмотрим.

Утопающий хватается за соломинку, и Вадим, конечно, последовал совету друга. Вечером того же дня Володя шепнул ему на ухо:

— Кажется, все в порядке. Ничего не бойся, мы еще поживем!

А дело было так.

Получив новую объяснительную, Володя отправился в военную прокуратуру. Вызвав своего знакомого, упросил показать дело друга. Дескать, этот дурак сам попал под трибунал и его, невинного, за собой тянет. Кажется, грозят большие неприятности, и надо хотя бы знать, что там написано. Лейтенант долго отнекивался, но в конце концов дело вынес. Володя при нем взял объяс-

нительные и стал читать, хотя и без того прекрасно знал содержание этих бумаг. Увидев вдалеке военный патруль, быстро сунул листки в карман шинели. Когда опасность миновала, достал снова и отдал обратно.

Но достал из другого кармана.

Лейтенант унес дело и подмены не заметил. Но когда на заседании трибунала государственный обвинитель начал громко и с выражением зачитывать собственноручное Вадимово признание, у всех присутствующих просто глаза на лоб полезли. Суд, конечно, сошел на нет, но уже на следующий день Вадима вызвали в Особый отдел.

Сначала только уговаривали и стыдили. Белобрысый вьедливый капитан буравил его глазами и задавал каверзные вопросы: как, мол, такое могло получиться? Бумага не птица, не могла же она сама по себе улететь! Вадим только плечами пожимал — знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю, температура высокая была, что подписал — не помню. Потом пришел другой — пожилой подполковник с седыми висками. Он аккуратно открыл шторку, закрывающую политическую карту мира на стене, и принялся вещать с таким серьезным и значительным лицом, что Вадиму даже смешно стало.

— В мире сейчас такая сложная политическая обстановка! Советский Союз противостоит ползучей агрессии блока НАТО и всему мировому империализму...

Подполковник стоял с указкой в руке, словно учитель в школе на уроке географии, а Вадим только хлопал глазами и старался не прыснуть от смеха.

А тот вдруг присел рядом и заговорил тепло, по-отечески:

— Видишь, что творится? Враги кругом! И в такой момент отдельные несознательные бойцы, — тут он выразительно сверкнул глазами из-под куститых бровей, — своими действиями невольно играют им на руку!

Получалось, что в борьбе со всем мировым империализмом выход у Вадима один — честно все рассказать.

— Да я бы и рад! — Вадим уже справился с приступом неуместной смешливости. Он даже всхлипнул слегка, стараясь, чтобы вышло понатуральнее, — только не знаю я, что рассказывать!

Подполковник посмотрел на него долгим пристальным взглядом, сокрушенно покачал головой — нельзя, мол, с тобой по-хорошему! — и вышел.

Вадим остался один. Сначала обрадовался, думал, что все уже позади. Сердце просто пело от счастья — выкрутился! Но через несколько минут в кабинет вошел капитан Сырокомля — огромный, гориллоподобный верзила, славящийся в полку умением пускать в ход кулаки. Сзади топотал тяжеленными сапогами сержант-сверхсрочник с говорящей фамилией Перебейнос. Лица их не предвещали ничего хорошего, и Вадим понял, что радоваться рано.

— Ну шо? Думаешь, самый умный? — мрачно спросил сержант и начал медленно засучивать рукава гимнастерки.

— Ну не здесь же! — капитан укоризненно посмотрел на него. — Видишь — Ленин висит!

Потом подумал и добавил:

— И дорожку ковровую запачкаем...

Его завели в какой-то темный закуток и стали бить — умело и старательно. Вадим и сам не понял, как получилось, что под пудовыми кулаками «отцов-командиров», размазывая по лицу слезы и кровь, он рассказал о том, кто

ему помог.

Командир части собирался в том году поступать в академию, и скандал ему был совсем не нужен. Поэтому Вадима тихо перевели в другую часть, а Володя попал в Афганистан со следующим пополнением.

Вернувшись домой, Вадим не пытался его найти.

Он проснулся в холодном поту. Была глубокая ночь. Дрожащими руками Вадим долго пытался прикурить сигарету.

«Неужели такое теперь будет все время? А главное, почему я? Святым, конечно, меня не назовешь, но ведь другие-некоторые творили и не такое. И ничего, хорошо жили, сладко ели, крепко спали. Или, может, не так уж и крепко? Может, они тоже видят кошмары и зовут маму по ночам? А утром встают и отправляются творить то же самое...»

Помаявшись еще немного на липкой от пота простыне, Вадим понял, что заснуть все равно не удастся. Посмотрел на часы — половина четвертого, до утра далеко. Что делать-то, а? Здравая часть рассудка говорила, что надо бы все выяснить. Может, еще жив-здоров Володька, а все видения — только плод больной фантазии.

Вадим включил свет и долго рылся в ящиках секретера, пока не разыскал старую записную книжку в потертой кожаной обложке. Надо же, сохранилась, и при переезде не выбросил... Вадим переворачивал пожелтевшие обтрепавшиеся листочки, и странно было прикасаться к ним, будто действительно вернулся в прошлое. Вот и Володькин адрес и телефон, выведенный его размашистым, летящим почерком. А внизу страницы зачем-то нарисована смешная улыбающаяся рожица... Неужели правда его больше нет? Вот страничка осталась, а его — нету?

Эта простая и безжалостная мысль привела Вадима в такое волнение, что даже руки задрожали. Он уже потянулся к телефону, но в последний момент передумал. Рано ведь еще совсем, спят все, наверное. И вообще... Лучше уж самому приехать.

Вадим старался до мельчайших деталей вспомнить все, что Володя когда-то рассказывал ему о себе. Институт... Девушки... Папа с мамой... Точно, у него родители пожилые, уже тогда были пожилые, а сейчас, наверное, совсем старенькие. Если Володя действительно погиб, надо им чем-то помочь — денег подкинуть, лекарства купить, продукты или что там еще старичкам нужно. Не называя себя, конечно, инкогнито так сказать. Вадим представил себе, как появится в жизни незнакомых людей эдаким загадочным графом Монте-Кристо, и на душе стало немного легче. Может, тогда все кошмары закончатся?

И Катю надо постараться найти. Найти, поговорить, вымолить у нее прощение... Может быть, даже жениться на ней, чтобы попытаться загладить свою вину. И пусть столько лет прошло, не может быть, чтобы не простила. «Я ведь первый у нее был!» — вспомнил Вадим. В самом деле, первый. Не даром ведь говорят, что старая любовь не ржавеет. Вряд ли, конечно, Катя жива, но вдруг...

А главное, в церковь надо обязательно. Что там — покаяние, пожертвование на храм или что другое. Вон сейчас все бывшие коммуняки дружно постные рожи корчат и в церкви со свечками стоят. Некоторые даже храмы восстанавливают — оч-чень, говорят, богоугодное занятие. А скажи им завтра, например, ислам принять — всем скопом побегут обрезание делать.

Так, может, все-таки спасает не крест, а вера? Ладно, съездим, а там посмотрим. Как говаривал когда-то отец всех народов, «попитка не питка, верно, товарищ Берия?»

Глава 8

Куда ни кинь — все клин

Вадим с трудом дождался наступления утра. На работу не поехал — уже созрел четкий план действий, и просто сил не было откладывать его выполнение. Вадим сразу же отпустил Рината и сам сел за руль. Значит, сначала — на Первомайскую, потом — в Черемушки... Он на всякий случай сверился с картой. Пробки, конечно, полдня отнимут, но куда же от них деваться! Главное выяснить все, наконец расставить все точки над «е», как выражается Данилов после третьей рюмки.

Но поиски успехом не увенчались. В Катиной квартире давно жили другие люди, которые о прежних жильцах ничего не знали и знать не хотели, тем более что квартира уже сменила не одного хозяина. Смутное время, ничего не поделаешь.

Володиной же квартиры как таковой больше не существовало в природе. Ветхий пятиэтажный дом хрущевской постройки (быстрее строим — быстрее развалится) попал под первую очередь реконструкции, и теперь вместо него возвышались нарядные кирпичные строения.

Проезжая по Таганке, Вадим издали увидел очертания недавно отреставрированного монастыря. Все новое, нарядное, даже игрушечное как будто... Красиво. Вадим засмотрелся так, что чуть не проскочил поворот на Большую Андроньевскую, и вдруг хлопнул себя по лбу. Вот оно, как он мог забыть! В церковь же надо, а монастырь, наверное, еще лучше будет.

Он кое-как припарковался чуть поодаль, и двинулся к храму пешком. По пути изо всех сил пытался вызвать какие-нибудь благочестивые мысли, но ничего не получилось. Наоборот, крутилась в голове какая-то чепуха — что аренду пора платить за офис, что секретаршу новую так и не взяли на работу, а потому в бумагах бардак и на звонки отвечать некому, да еще вот эта напасть приключилась некстати...

Зайдя в церковь, никакой особенной благодати не ощутил. Ну да, иконы, свечки, пахнет чем-то таким... Вокруг суетятся безвозрастные тетки в платках и длинных мешковатых юбках с бледными одутловатыми лицами. Но еще хуже было другое. Постояв перед иконами минут десять и отчаянно припоминая, какой рукой положено креститься и как пальцы складывать, Вадим вдруг почувствовал себя так плохо, что едва не потерял сознание. В глазах потемнело, все тело корежила и скручивала невыносимая боль, казалось, что голова вот-вот лопнет и разлетится на куски. Ноги сами несли его прочь.

Уже в дверях Вадим столкнулся лицом к лицу с пожилым низеньким священником в черной рясе. «Что с вами, сын мой?» — участливо спросил он. Вадим отшатнулся. На него снова смотрело пустыми глазницами ужасное лицо из ночного кошмара.

Потом он долго сидел в машине, непрерывно курил, пытаясь унять противную дрожь в руках, и думал о том, что верно говорили в школе, когда попов называли захребетниками и дармоедами, угнетателями трудового наро-

да. Вот в кои-то веки явилась необходимость в их услугах — и ничего! Никакой помощи. Придется как-то справляться самому.

Вечером Вадим снова по-черному напился. Еще одна надежда была потеряна. Захмелеть по-настоящему он никак не мог, а, главное очень боялся заснуть. Поэтому когда в двенадцать ночи к нему вдруг заявился Коля Бык, Вадим обрадовался ему как родному.

Николай Семенович Быков ныне считался генеральным директором некоего, как он сам выражался, «общества с ограниченной уголовной ответственностью». В последнем Коля разбирался хорошо, ибо на его мужественном лице с перебитым носом ясно читалось криминальное прошлое, настоящее и будущее.

Коля как огня боялся своей молодой, красивой, безумно ревнивой и стервозной жены, а потому всех своих многочисленных случайных подружек водил «в гости» к приятелям. Сейчас был, видимо, как раз тот случай — Коля смущенно улыбался, переминаясь с ноги на ногу, а из объемистого пакета торчали горлышки бутылок.

— Привет, Вадим. Тут такое дело, понимаешь...

— Понимаю, понимаю! — улыбнулся Вадим, — давай, заходи и пассию свою тоже тащи сюда.

— Чего тащить? — не понял Коля.

— Ну телку, телку свою веди. Ты ведь не один? Или скажешь, что ты ко мне чаю зашел попить в первом часу ночи? И как тебе самому не надоест? А еще говоришь, что Ленку свою любишь.

— Ленку я люблю, но тело требует, — ответил Коля и через минуту появился снова рядом с крепкой румяной девахой явно из провинции.

— Знакомься, это Надя.

— Ох, Коля, ну и вкус же у тебя!

— Ничего, хорошего человека должно быть много! — Коля залихватски подмигнул и хлопнул девицу по обширному заду. — А главное дело, знаешь, какая девка темпераментная? Ураган просто. Правда, Надюха?

Девица покраснела и смущенно захихикала. Вадим понравился ей гораздо больше, чем грубоватый Коля. Что такое темперамент, Надя представляла себе довольно смутно, но если Коля остался доволен, может, и другу его она понравится?

— Шевелись, Надюха, давай, пошурши там по сумкам, накрывай на стол! А мы пока тяпнем от трудов праведных, — мощный Колин голос гремел на всю квартиру.

Удобно устроившись на диване, Коля достал из кармана маленькое зеркальце, короткую стеклянную трубочку и пакетик с белым порошком. Насыпав порошок на зеркальце двумя аккуратными полосками, он поочередно втянул их носом через трубочку.

— Эх, хорошо забирает!

Вадим с удивлением наблюдал за странными манипуляциями.

— Хочешь попробовать? Классная штука, между прочим. Третью ночь уже не сплю — и ни в одном глазу.

— А что это такое? — заинтересовался Вадим.

— Кокс. Кокаин то есть. Очищенный, высший сорт, прямо из Колумбии! Не

то фуфло, что пацаны на улицах толкают, не сомневайся. Стресс снимает капитально.

— Наркоманом стать не боишься?

— Да чего там! — Коля беззаботно махнул рукой, — одна живем. И потом, ломки от этой штуки никогда не бывает. Ну что, будешь?

— Буду, — решительно ответил Вадим. Если уж есть возможность не засыпать, ею обязательно нужно воспользоваться.

Порошок оказался горьковатым на вкус. Потом зубы во рту занемели, как после наркоза, а голова будто наполнилась цветами. Мир вдруг стал таким простым, понятным и прекрасным, как никогда раньше. Вадим наслаждался этим новым счастливым ощущением.

— Правда твоя, Коля, — пробормотал он, откидываясь на спинку мягкого кресла, — здорово!

— А то! — покровительственно хмыкнул тот. — Для хороших людей дерьма не держим!

Ночь прошла весело. Девушка Надя оказалась покладистой, а Коля был человеком широкой души.

— Мне ради друга ничего не жалко, а уж бабу тем более, — любил повторять он.

Спать совсем не хотелось, все заботы и тревоги, кошмарные видения и угрызения совести отступили куда-то далеко.

Для Вадима это стало началом конца. Жизнь превратилась в кошмар. Светлые промежутки эйфории после приема кокаина становились все короче и короче, а когда действие его проходило, чудовищные видения накатывали с новой силой. Теперь к ним добавились рвущие мозг мигрени и постоянные кровотечения из носа.

Медленно и неуклонно, сам того не замечая, Вадим превращался в развалину, тень человека.

Однажды, проснувшись среди ночи после краткого и тяжелого забытья, он пошел в ванную умыться, случайно посмотрел в зеркало и сам себя не узнал. Всклокоченные, давно не стриженные волосы, в которых изрядно прибавилось седины, запавшие мутные глаза, серая кожа с проступающими морщинами... Да уж, хорош, ничего не скажешь!

— Во что я превратился? — спросил он у своего отражения и сам же ответил: — Трясущийся наркоман, живущий от одной дозы до другой. Если буду продолжать в том же духе, долго не протяну, это точно. Выходит, девка была права. Смерть-то вот она, совсем близко... И душа моя действительно пуста и темна.

Вадим мазнул рукой по зеркалу. Изображение затуманилось, но легче стало совсем ненамного. Возвращаться в постель не хотелось, Вадим включил свет во всей квартире и уселся на кухне у стола с початой бутылкой коньяка и сигаретой. Непрошенные мысли все так же продолжали беречь измученный мозг, впиваясь, будто иголки.

Ну в самом деле, разве есть у человека душа? Конечно нет! Нас же этому всегда учили. Первичность материи, вторичность сознания, три источника, три составные части марксизма... Тьфу ты, черт, что за ерунда лезет в голову! Нет в человеке никакой души и быть не может.

Тогда что же так свербит и мучает где-то там, внутри? Почему именно те-

перь, когда дорвался до всего, чего так хотел, ничто не мило? Почему рука сама тянется к белому порошку, и его требуется все больше и больше?

И кстати, о порошке. Запас на исходе, надо бы Коле позвонить. Ему-то хорошо, у него нервная система как у первобытного человека. Не поспит ночь, снимет себе еще одну шалаву, а наутро как огурец. Везет же некоторым!

Вадим ошибался. Коле действительно почти всегда везло, но жить ему оставалось всего несколько часов.

Глава 9

Киллер с того света

Около десяти утра, собираясь уходить, Коля запирал за собой массивную железную дверь квартиры. Дел предстояло много, и он был совершенно трезв, собран и сосредоточен. В эту ночь он даже хорошо выспался, тем более что жена уехала к своей матери в Белгород.

Надо сказать, что маску эдакого рубахи-парня, шумного, простодушного и несколько дубоватого, Коля выбрал себе совершенно сознательно. На самом же деле при полном отсутствии какого бы то ни было образования, а тем более общей культуры он был далеко не глуп, а главное, обладал каким-то сверхъестественным, звериным чутьем. Да если бы не обладал, разве прожил бы так долго?

Коля попал в места заключения давно, еще при Советском Союзе. Тогда он был еще молод и неопытен, а потому и схлопотал срок за убийство в пьяной драке. В лагере он быстро стал стукачом, получил псевдоним Ежиков (начальник оперчасти майор Сомов оказался человеком с юмором), а вместе с ним — бесценные в условиях неволи жизненные блага в виде лишней пачки чая или передачи от родных и обязанность докладывать обо всем, что происходит в лагере. А иногда — и активно вмешиваться... По заданию своих благодетелей Коле пришлось совершить немало таких дел, по сравнению с которыми то, за что он был осужден, показалось бы просто невинной детской шалостью.

Потом, уже много лет спустя, Коля очень любил рассуждать о блатной романтике, но о том, как по указке «кумовьев» калечил и «опускал» непокорных экзов, старался не вспоминать. Администрация, правда, очень берегла свои «источники» и всячески старалась создать им авторитет среди осужденных. Коля, во всяком случае, считался «правильным».

Выйдя на свободу (кстати, досрочно, как вставший на путь исправления), он быстро сориентировался в новой ситуации. Да и старые лагерные связи помогли. Как известно, большинство новых русских вышли из цека и зека, так что Коля оказался при деле. Тогда еще не все пироги были поделены, и он сумел сколотить первоначальный капитал, торгуя чем ни попадя и разрешая возникающие конфликты привычным способом. Колины недруги недолго заживались на свете.

Он даже оказался одним из немногих выходцев из криминальной среды, кто сумел перестроиться, сменить кожаные куртки на дорогие костюмы и войти в легальный бизнес. Теперь Коля на вполне законных основаниях владел компанией по обустройству элитного жилья, обитал в престижном районе, обзавелся дорогими костюмами и женой-фотомоделью, ездил отдыхать на Багамы и Мальдивы... Прошлая жизнь если и вспоминалась, то размыто и по-

что нереально, как черно-белое кино, виденное когда-то в детстве.

Колина жизнь внешне выглядела вполне респектабельно, даже завидно... Мало кто знал, конечно, что девочки-дизайнеры в офисе, щебечущие что-то про дом, полный света и воздуха, дубовый паркет, кованые каминные решетки, были всего лишь вывеской, прикрытием для основной деятельности. Настоящие доходы Коля получал от волшебного белого порошка, который он в частных разговорах осторожно именовал «кокосовой стружкой». Скучающие рублевские жены, молодые оболтусы, проводящие свое время между ночными клубами и тусовками, поп-звезды и звездочки, страдающие от нервных перегрузок и непомерных амбиций, давно стали его верной клиентурой. Правда, в последнее время Коля и сам стал употреблять, но особого страха по этому поводу не испытывал. Чего там бояться? Однажды живем!

Поворачивая ключ в замке, Коля услышал за спиной шаги. Кто-то быстро спускался по лестнице. Коля еще успел обернуться — и увидел направленное на него черное дуло пистолета.

Но не поэтому в последний миг своей жизни он упал на холодный пол раньше, чем пуля разможила ему голову. Просто видеть перед собой этого парня в черной робе, тяжелых ботинках и лагерьной телогрейке на лестничной площадке элитного дома, охраняемого и снабженного самыми современными системами видеонаблюдения, само по себе было сумасшествием. Коля хотел было заорать от ужаса — и не смог, только рот разевал беззвучно, словно рыба, выброшенная на берег.

— Тебя же нет! — только и смог выдохнуть он, глядя в лицо убийцы, улыбающегося ему и демонстрирующего отсутствие двух передних зубов. — Ты умер!

Перед Колей стоял Веня Назаров, которого он когда-то с ребятами «опустил» на зоне. И сделал это даже не по приказу «кумовьев», а так... От скуки. К тому же парень был совсем молодой, красивый, борода почти не росла, фигура как у девушки. Ну как пройти мимо такого сладкого? Да еще и борзый не по чину. Кусался, царапался, но это зря, конечно. После того как передние зубы ему выбили костяшкой от домино, Веня уже не был таким симпатичным. Он потом проплакал всю ночь, как маленький, но под утро, вместо того чтобы занять свой угол в «петушатнике», умудрился разорвать рубаху и повеситься.

Гордый оказался, значит.

А сейчас он, невероятным образом воскресший из мертвых, смотрел Коле прямо в лицо, и улыбался этой ужасной беззубой улыбкой. Он ничуть не изменился с той ночи — последней в своей земной жизни, и даже кровь все еще стекала по подбородку, придавая ему сходство с вампиром из фильма ужасов. Как будто время остановилось почти двадцать лет назад...

Негромкого хлопка выстрела из пистолета с глушителем никто не услышал. Да и слышали бы — еще глубже схоронились за дверями. Кому же охота влезать в чужие неприятности! Время сейчас не такое. А жить всем хочется.

Тело нашли только через час.

В тот же вечер «Дорожный патруль» сообщил о случившемся.

«По одной из версий следствия причиной убийства стала коммерческая деятельность покойного»... А тысячи людей у телевизоров поерзают в кресле, сладко вжимаясь в свою привычную жизнь, может, не столь обеспеченную и яркую, зато безопасную и спокойную. Так вам и надо, господа бизнесмены! По-

пили нашей кровушки...

Глава 10

Соломинка для утопающего

В тот вечер программист Игорь задержался на работе дольше обычного — только что проведенный в офис удаленный биржевой терминал требовал повторного тестирования. Самого Игоря это обстоятельство не очень беспокоило: дома его ждать было некому, а работу свою он любил.

Лет десять назад Игорь закончил физтех, но быстро отказался от карьеры физика-теоретика — кушать что-то надо каждый день, а иностранных грантов на всех не хватает. Ему еще повезло, что вовремя переквалифицировался, а потому сумел вписаться в новую реальность быстро и относительно безболезненно. Заниматься частным извозом, стоять на рынке и торговать «Гербалайфом» ему не пришлось. Игорь серьезно увлекся новой профессией, относился к компьютерам почти как к живым существам, и, похоже, они отвечали ему взаимностью.

Правда, в офисный интерьер Игорь вписывался плохо. На фоне строгих костюмов персонала его долговязая фигура в джинсах и растянутом свитере почти до колен, с длинными волосами, забранными в хвостик кожаным шнурком, выглядела более чем экзотично. Многих это шокировало, но Вадим когда-то сумел разглядеть в нем компьютерщика от бога и, надо сказать, не пожалел об этом.

Закончив работу, Игорь выключил компьютер и на минуту прикрыл ладонями усталые глаза. Как всегда после долгого бдения за компьютером, окружающий мир казался немного нереальным, «глухим». Все, хватит работать, домой — и спать!

Он вышел в холл и вдруг увидел там своего шефа и работодателя. Что понадобилось Вадиму в офисе в половине одиннадцатого вечера, неизвестно. Почему он сидел один и смотрел в одну точку — тоже непонятно. Насколько Игорь успел узнать своего начальника, тот всегда любил большие шумные компании, рестораны, ночные клубы и общество красивых девушек.

Подойдя поближе, Игорь понял, что Вадим давно и тяжело пьян. Это было совсем уж странно! Если человеку типа Вадима Александровича пришла вдруг в голову идея напиться в одиночку поздним вечером, это легко было сделать у себя в кабинете, а не ютиться в холле на диванчике для посетителей за низким и неудобным журнальным столиком.

— А, Игорек! Привет, — Вадим поднял голову и уставился на него остекленевшим мутным взглядом. — Я думал, уже все ушли. Присаживайся, давай выпьем.

Игорь замялся.

— Нет, Вадим Александрович, спасибо, конечно... Вы же знаете, я не по этой части.

Он уже направился было к выходу, но вдруг застыл на месте. В глазах Вадима он увидел такое отчаяние и затравленное, безнадежное одиночество, что просто не смог спокойно пройти мимо и осторожно опустился на краешек дивана. Мягкое сиденье, обитое черной искусственной кожей, почему-то показалось ему скользким, холодным и очень неприятным на ощупь. На миг возник-

ло совершенно абсурдное чувство, будто оказался на спине огромной хищной рептилии, которая только до поры до времени притворяется флегматичной и безопасной, но стоит зазеваться на мгновение — сразу же утащит в темную глубину, откуда нет выхода...

— Давайте я вас лучше домой отвезу. Поздно уже, — тихо сказал Игорь.

— Да ты что, Игорек! Время детское. Еще Ринат, сука, где-то шляется. Да ладно, х... с ним. Вот сейчас допью и поеду куда-нибудь. Раз-звлекаться. Любишь развлекаться, Игорек? Нет? Ведь ты у нас хороший мальчик... Ну и правильно. Лучше не надо. Скучное это занятие.

Представив себе Вадима за рулем в таком состоянии, Игорь справедливо подумал, что, скорее всего, в этом случае шеф завтра окажется в морге. Они работали вместе уже давно, и Вадим был совсем неплохим начальником. Ну, может, выпендривался иногда чуть больше, чем следует, напуская на себя вальяжный барственный тон, порой напоминал новых русских из анекдотов, но к своим подчиненным относился неплохо. А самому Игорю помог однажды выпутаться из нехорошей истории...

Он вспомнил, как однажды промозглым осенним днем возвращался с родительской дачи. Дорога была скользкая, накрапывал мелкий дождь, да еще и выпил немного.

Может быть, поэтому не сумел вовремя затормозить, когда на пустынном шоссе его грубо подрезал новенький «Мерседес». Дальше все было как в тумане — несильный, но вполне ощутимый удар, противный скрежет металла и наглый голос с блатной растяжкой:

— Ну, парень, ты попа-ал!

Трое крепких, плечистых парней, затянутых в черные кожаные куртки, вытащили его из машины, забрали документы и популярно объяснили, что теперь он должен пять штук «зелени», сроку у него — неделя, а потом включает-ся счетчик, и тогда...

Лучше и не думать.

Три дня Игорь ходил сам не свой. Все валилось из рук, даже операционная система в компьютере зависала все время, а он и не замечал. В голове крутилось только одно: где взять денег? Дома телефон звонил каждый вечер. Тот самый наглый голос напоминал, что времени остается все меньше и меньше, и если он хочет жить еще долго и счастливо, то с деньгами лучше поторопиться.

Как-то вечером Вадим, проходя мимо, остро и цепко посмотрел в глаза — и кивнул на дверь своего кабинета.

— Зайди, Игорек.

Игорь пошел за шефом покорно и обреченно. Он прекрасно понимал, что разговор, скорее всего, будет неприятным. Вадим удобно расположился в своем вертящемся рабочем кресле за столом.

— Ты у меня сколько работаешь? Года два? — спросил он.

— Два с половиной, — буркнул Игорь.

— Вот видишь! — Вадим как будто обрадовался. — Даже с половиной. И раньше с тобой никаких проблем не было. До недавнего времени.

Игорь сидел у стола, сцепив руки до белизны в костяшках, глядя в пол и предчувствуя самое худшее. Неужели еще и с работы уволят? Вадим долго молчал, и под его колючим, испытующим взглядом Игорь чувствовал себя так, что лучше бы провалиться.

— Ты чудной какой-то стал в последнее время, — сказал шеф наконец. — Знаешь об этом? Ходишь, как пыльным мешком ударенный. Что у нас сервер через пень-колоду работает, я вообще молчу. А если помнишь, биржевые заявки в режиме онлайн проходят. Пока ничего не случилось, но не дай бог...

Он задумался ненадолго и мрачно подытожил:

— Еще немного — и будем прощаться.

Игорь еще ниже опустил голову. Он прекрасно понимал, что шеф совершенно прав, и его претензии отнюдь не пустые придирки. А Вадим продолжал, и в голосе его теперь звучали совсем уж нехорошие нотки:

— Говорят еще, ты денег назанимал у всех. Это мне уже совсем не нравится. Наводит, знаешь ли... — Вадим сделал рукой неопределенный жест, будто дым отгонял. — Наводит на нехорошие мысли. Так что или рассказывай все как есть, или... Завтра можешь не приходить.

Игорь вздохнул. Грустно, конечно, когда неприятности сыплются со всех сторон, но уж совсем противно, когда окружающие думают о тебе хуже, чем ты есть на самом деле. Пока он сбивчиво излагал свою историю, Вадим слушал внимательно, и — вот уж странно! — лицо его постепенно светлело, как будто предполагал он поначалу нечто гораздо худшее.

— По-нят-но! — медленно, по слогам протянул он. — Разводка это, Игорек. Обыкновенное разводилово.

— Что? — Игорь непонимающе уставился на Вадима.

— Тебе бы стоило иногда от компа отрываться, — Вадим посмотрел на него с легкой укоризной, — а то ведь с концами в виртуальное пространство уйдешь. Люди деньги так зарабатывают — подставляют свои машины, а потом счет выставляют. Не свезло тебе, конечно, но что поделаешь, со всяким может случиться. Ты когда должен деньги отдать?

— Через четыре дня.

— А как с ними связываешься?

— Да никак. Сами звонят каждый вечер, — вздохнул Игорь. Он вспомнил, что сегодня разговор еще предстоит, и настроение испортилось окончательно.

— Так ты что, ничего про них не знаешь? Никаких координат не осталось?

— Почему? Номер машины я запомнил, и телефон на АОНе высвечивается...

— Молодец! — Вадим совсем повеселел. — Это ты молодец. Вот что значит технический склад ума. Пиши давай, — он пододвинул листок бумаги и ручку.

Игорь торопливо нацарапал номера. Трудно было представить, что его проблема и вправду может разрешиться легко и быстро, но так хотелось надеяться на чудо! Вот придет волшебник, взмахнет палочкой — и беды как не бывало.

— И... что дальше? — осторожно спросил он.

— А ничего. — Вадим пожал плечами, — разбираться надо. И для этого есть специально обученные люди. Не даром же они хлеб едят, и даже с маслом! Ну, в общем, не бери в голову. Иди, работай.

Игорь вышел из кабинета, не веря своему счастью. Действительно, тогда все решилось как по волшебству — звонки прекратились, денег с него больше никто не требовал, и стал он жить-поживать, как раньше. Только через полгода в судебном репортаже по телевизору увидел знакомые лица. Какой-то капитан Арэфьев с чувством рассказывал, как в результате спланированных

оперативных мероприятий удалось выйти на банду вымогателей и взять их с поличным, так что теперь мирные граждане могут спать спокойно — преступники предстали перед судом и теперь понесут заслуженное наказание.

Игорь выключил телевизор. Историю эту он к тому времени уже забыл, но в сердце жила огромная благодарность к человеку, который сумел спасти его от неприятностей, хотя в общем-то мог этого и не делать.

А вот сейчас Вадим, всегда казавшийся таким умным, сильным, уверенным в себе, сидит перед ним пьяный и несчастный и смотрит в одну точку. Что же произошло, чтобы довести человека до такого состояния? Как бы там ни было, одного его оставлять нельзя. Долги надо платить. Подумав так, Игорь принял решение.

— Вот что, Вадим Александрович, давайте лучше ко мне поедем. Выпьем, закусим, о делах наших скорбных покалякаем, — притворно заблажил он.

— А ты один живешь, Игорек? — Вадим посмотрел на него с подозрением. — Ах да, знаю, что один. Ладно, поехали, только пожрать и выпить купим по дороге, а то я уже все допил. И еще кое-что у меня с собой есть. Хочешь попробовать? Ладно, ладно, шучу. Поехали.

Игорь жил в добротном кирпичном доме недалеко от метро «Автозаводская». По дороге в его машине Вадим быстро отключился. Откинувшись на спинку сиденья, он водил руками перед собой, будто мух отгонял, и бормотал во сне что-то неразборчиво, Игорю показалось, что его шеф не то жалуется кому-то, не то просит у кого-то прощения.

— Ну что, выпьем? На брудершафт? И не надо больше по имени-отчеству, ладно?

— Хорошо, Вадим.

Игорь разлил по рюмкам дорогой французский коньяк. Пить он не умел, и пока мусолил свою рюмку, Вадим хлестал коньяк, как воду, только что не из горлышка, но не пьянел и все так же смотрел перед собой остекленевшими, мертвыми глазами. От него веяло таким холодом, что Игорь почувствовал себя неуютно. Будто рядом с покойником.

Он долго ерзал на месте, пока наконец не решился спросить:

— Вадим... Я понимаю, не мое дело, если не хочешь — не говори, но... Ведь что-то происходит с тобой в последнее время?

Игорь ощутил странное чувство, как будто реальность перевернулась с ног на голову. Когда-то Вадим разговаривал с ним напористо и резко, требовал ответа, а он сам тщательно подбирал слова, чтобы никого не обидеть и не сказать лишнего, но сам вопрос остался неизменным — что-то происходит, правда? Что-то не так?

Вадим несколько секунд смотрел на него отсутствующим взглядом, будто не мог вспомнить, кто он такой, потом ответил совершенно спокойным и трезвым голосом, как будто и не пил вовсе:

— Правда. Ты не дурак и не слепой.

— Тогда расскажите... То есть расскажи. Может, я чем-то смогу помочь?

— Я бы тебе рассказал. Только, боюсь, ты не поверишь. Я и сам не верю, представляешь? Иногда готов сам себя в дурдом отправить.

Игорь подумал, что Вадим почти созрел для этого. Дурдом не дурдом, но лечебница для алкоголиков — это уж точно.

— Так что же все-таки случилось? Ты скажи, я понятливый.

— Видишь ли, Игорь... — Вадим замолчал ненадолго, подбирая нужные слова. — Кажется, меня хотят убить.

Игорь не сразу нашелся, что ответить. Неужели у шефа паранойя началась? Или... это правда? Тогда действительно хреново.

— Убить? Так кто же? И за что? И как ты об этом узнал? — осторожно спросил он.

Продолжая монотонно опрокидывать в себя рюмку за рюмкой, Вадим поведал свою историю. Разумеется, он сказал не все. Умолчал про рыжую Катю и про ту нехорошую роль, которую сыграл в Володиной судьбе.

Получалось, что однажды к нему явилась загадочная незнакомка. Она пришла ниоткуда и исчезла в никуда, а у него с тех пор все пошло наперекосяк. Появились кошмарные сны, галлюцинации наяву, и теперь он ни спать, ни работать, ни вообще жить нормально не может. Про кокаин, разумеется, тоже умолчал.

Таким образом, все, что Вадим рассказал Игорю, было чистой правдой. Только не вся, как обычно.

Игорь сидел задумавшись. Вадиму он поверил. Приходится верить тому, что видишь. Если здоровенный мужик, не страдающий избытком воображения, меньше чем за месяц становится сам на себя не похож, тут должна быть какая-то причина.

— Эй, ты чего притих? — голос Вадима вывел из задумчивости. — Что, испугался? Или не веришь мне? Не молчи, давай выпьем лучше!

Игорь ответил не сразу. Он зачем-то повертел в руках пустую рюмку и сказал:

— Кажется, я знаю человека, который может во всем этом разобраться.

— Правда знаешь? — Вадим удивленно поднял брови, и в глазах у него впервые за вечер мелькнуло осмысленное человеческое выражение. — Так что ж ты молчал? Звони ему! Сейчас же звони, а то...

Он сокрушенно покачал головой, опрокинул еще рюмку и мрачно закончил:

— А то не понадобится уже. Поздно будет.

Андрей когда-то учился вместе с Игорем на физтехе. Он еще тогда увлекался йогой и восточными философиями. Потом вдруг ударился в оккультизм, получил зачем-то второе высшее образование — на этот раз психологическое — и занялся вовсе странными делами. Он то исчезал из Москвы на несколько месяцев, возвращался худой, дочерна загорелый, одаривал знакомых восточными сувенирами и на все расспросы только таинственно улыбался. То запирался дома и писал книги, которые потом издавались в серии «Неведомый мир». То часами сидел за компьютером, пытаясь расшифровать центурии Нострадамуса. Андрей вполне вписывался в образ классического чудака не от мира сего, может быть, даже тихого сумасшедшего, если бы не одно обстоятельство — время от времени он проводил какие-то странные (и весьма недешевые!) полупсихологические-полуоккультные семинары. Услугами его охотно пользовались самые разные организации, начиная с крупных корпораций и заканчивая спецслужбами. Впрочем, о своих клиентах он не особенно распространялся.

Теперь Андрей бывал в Москве редко, но Игорь все же надеялся его застать. Набирая номер и слушая долгие гудки, он все время повторял про себя: «Андрюха! Ты мне нужен сейчас. Очень нужен. Ну, пожалуйста, отзовись, что тебе стоит!»

Так и вышло. Когда Игорь почти потерял надежду, в трубке что-то щелкнуло, и он услышал знакомый голос:

— Слушаю.

Игорь вдруг вспомнил, что время уже подбирается к трем ночи, и ему стало стыдно. Разбудил ведь, наверное, человека...

— Привет! Извини, что поздно, но тут такое дело...

— Точнее, рано, — спокойно поправил Андрей. — Ты не мельтеши, говори, что стряслось.

Игорь набрал в грудь побольше воздуха и принялся рассказывать. Он старался не думать о том, что его история выглядит дико и глупо, тем более среди ночи. Андрей не перебивал, не задавал вопросов. Игорь даже засомневался было — не отключился ли приятель, не заснул ли с трубкой в руке?

— Хорошо, я понял. Завтра в восемь у меня. Ничего обещать не могу. Приходите вместе, поговорим, а там посмотрим.

На следующий день Игорь пришел на работу с тяжелой головой. Поспать удалось часа два, не больше, и чувствовал он себя как выжатый лимон. Вадим же, напротив, выглядел бодрым и оживленным, вел себя как обычно, будто ничего не случилось. Игорь даже засомневался — неужели все, что было прошлой ночью, просто померещилось ему? И не пил Вадим у него на кухне, и не рассказывал никаких сумасшедших историй, и не пришлось Ринату звонить ни свет ни заря... Под утро Вадим почему-то засобирился домой, и как Игорь его ни уговаривал, остаться и лечь спать не захотел. Ринат явился сонный и взлохмаченный, ни слова не говоря, провел шефа к машине, заботливо, как ребенка, усадил на заднее сиденье, хлопнул дверцей и уехал.

Когда рабочий день подходил к концу, Игорь уже начал надеяться, что все обойдется. Ну мало ли что люди спяну говорят? Он уже предвкушал, что сейчас поедет домой, выпьет стакан горячего крепкого чаю с лимоном, а потом задернет поплотнее шторы на окнах, завалится в постель и будет спать... Спать... Спать...

Но не тут-то было. Когда маленькая стрелка часов на стене вплотную подобралась к цифре семь, Вадим подошел к нему и тихонько тронул за плечо.

— Ну что, поехали? Где он там живет, этот твой чудотворец? Рината я уже отпустил. Незачем ему знать.

Игорь вздохнул — пропала надежда на спокойный вечер! — и покорно пошел к своей машине.

В однокомнатной холостяцкой квартире Андрея царил почти казарменный порядок. Стол, компьютер, диван, застеленный пестротканым покрывалом, вдоль стен — стеллажи с книгами, записями, фотографиями и разнообразными безделушками, которые Андрей всегда привозил из путешествий. Даже странно, что при такой тесноте ни одна бумажка не валяется где попало. Видно, что каждая вещь в этом доме точно знает свое место.

Сам хозяин выглядел так, что его легко было принять за студента или младшего научного сотрудника. Он относился к тому типу людей, которые мало

меняются с годами — ни тебе начинающейся лысины, ни живота, ни седины на висках... А главное — в лице, в глазах не заметно было той усталой озабоченности, с которой, собственно, и начинается старость. Потертые джинсы и мешковатый вязаный свитер скрывали очертания худощавой жилистой фигуры, но когда Вадим неловко задел локтем хрупкую деревянную фигурку на стеллаже, изображающую черного африканского колдуна, Андрей успел подхватить ее быстрым, почти неуловимым движением. «Спортом, небось, занимается до сих пор! — с завистью подумал Игорь. — Ему-то хорошо, время есть, и на работе сидеть не надо от звонка до звонка...»

Пока Вадим излагал свою историю, Андрей вежливо улыбался и согласно кивал. Символ, который Вадим видел возле двери своей квартиры, даже тщательно зарисовал в блокноте. Но когда уже в конце разговора Игорь заглянул в глаза друга, увидели, что они были словно подернуты льдом.

Вадим тоже остался недоволен. Всю дорогу до дома он молчал, а потом вдруг спросил:

— Слушай, Игорек, скажи честно — у тебя все друзья такие?

— Какие?

— Ну не от мира сего! Этот твой приятель, по-моему, вообще псих. Живет как нищий, а гонору столько, будто бога за яйца поймал.

Глава 11

Окно в пустоту

Ровно через неделю под самый конец рабочего дня Игорь напряженно думал: ехать домой или позвонить давней подруге Светке? С одной стороны, он очень устал, а Светка наверняка захочет поехать куда-нибудь в ночной клуб, и придется торчать там чуть ли не до утра. Сидеть в густом сигаретном дыму среди мелькания разноцветных огней, пить дурацкие коктейли со льдом и разговаривать, пытаясь перекричать гремящую техномузыку, ему совсем не улыбалось. Ну почему нет в жизни совершенства, и если девушка красива и умна, ее не прельщают тихие радости?

А с другой стороны — соскучился все же! И на работе атмосфера какая-то похоронная в последнее время. Вадим уже сам на себя не похож, сотрудники перешептываются по углам, бухгалтерша Надежда Сергеевна вообще уволилась ни с того ни с сего, зарплату вовремя не выплатили... В общем, фигня полная. Так что, может, и правда развеяться не помешает?

Игорь уже вытащил мобильный, но в этот момент аппарат сам зазвонил у него в руке. Странно, номер вроде бы незнакомый...

— Приходи, надо поговорить, — услышал он в трубке голос Андрея.

— Когда?

— Да прямо сейчас. Сможешь?

Игорь молчал. Ну вот, опять накрылся вечер, придется ехать... А что поделаешь, если сам напросился?

Андрей помолчал и добавил:

— Один приходи. Понял?

Игорь добирался до Медведково почти полтора часа. Пробки московские, будь они неладны! Пора бы уже подумать о том, чтобы пересесть на метро —

гораздо быстрее и дешевле получится. Он уже не рад был, что ввязался в эту странную историю, и теперь вот вместо свидания с любимой девушкой придется пилить на другой конец города неизвестно зачем.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, он думал о том, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

На этот раз Андрей не улыбался. Напротив, был очень серьезен и сосредоточен, глаза смотрели устало и грустно.

— Проходи, садись. Как дела не спрашиваю, знаю, что плохо.

— Что, совсем безнадежно? — спросил Игорь. Приглашение приехать одному, без Вадима, показалось странным и оптимизма не добавило.

— Честно говоря, да. Ты передай своему Вадиму, что я ничего не смог поделать.

Игорь опустил голову. В глубине души он немного досадовал на себя — вот, обещал помочь человеку и не помог. Да еще и Андрюха явно что-то недоговаривает... За дурачка его держит, что ли?

А тот продолжал тихо и твердо:

— Я вообще не хотел браться за это дело. Твой Вадим мне совсем не нравится, да ты, наверное, это и сам понял.

Игорь недовольно засопел. Слова приятеля почему-то обидели его. Мелькнула даже нехорошая мыслишка — а может, просто завидует Андрюха? Ему-то уж точно не светит носить костюмы по две тысячи баксов и ездить на БМВ!

— Не любишь новых русских? — спросил с некоторой долей ехидства.

Андрей досадливо поморщился:

— Новых русских я действительно не люблю, но не в этом дело. Он врет.

— Так ты считаешь, он врет? Просто от не фиг делать всю эту кашу заварил?

— Ну во всяком случае недоговаривает. Например, ты знал, что он наркоман? Нет? Я так и думал.

Андрей помолчал недолго, вертя в руках маленькую пеструю ракушку с острова Мадагаскар. Игорь тоже молчал, потрясенный услышанным. Еще бы! Он всегда считал, что наркотики — это где-то там, далеко, их употребляют только вконец опустившиеся люди да отвязные рок-музыканты. От своего шефа он уж точно такого не ожидал.

— Откуда ты знаешь?

Андрей пожал плечами.

— Да тут и знать нечего. Зрачки расширенные, взвинченность неестественная, слов — поток, но почти ничего по делу, носом шмыгает все время, а на платке — кровь... Это кокаин, и скорее всего колумбийский, высшей очистки. Такой баксов сто за грамм стоит.

— Значит, в наркоте все дело? А остальное он просто придумал? — спросил Игорь. Такое тривиальное объяснение немного разочаровало, но и успокоило в то же время. Надо же, как просто может объясняться все таинственное и загадочное! Мало ли какие глюки посещают наркомана под кайфом...

Но Андрей отрицательно покачал головой:

— Нет. Если бы это было так, Вадим мог бы считать, что ему повезло. Здесь совсем другое.

Ну вот, опять намеки, полунамеки, таинственный тон... Игорь почувствовал, что снова начинает злиться. Тоже мне, сверхчеловеком себя возомнил!

Великим гуру, никак не меньше. Не можешь помочь — ну что ж тут поделаешь, люди не боги, только зачем столько важности на себя напускать?

— Хочешь сказать, ты знаешь, что именно? Ты все-таки выяснил, в чем дело?

— Да. Целое расследование провел, представляешь? Даже обидно, что зря.

— Почему зря?

Андрей не ответил, как будто вообще пропустил вопрос мимо ушей. Он выложил на стол перед Игорем длинный белый конверт без подписи.

— И еще вот что. В прошлый раз он у меня пятьсот долларов оставил. Аванс, надо понимать. Дешево же он меня ценит, ну да бог с ним. Ты отдай ему, ладно? Забери, спрячь, пока не забыл.

Игорь машинально сунул конверт в карман толстовки. Вот еще новости! Это с каких пор Андрюха так разбогател, что пятьсот баксов для него не деньги?

— И самое главное, — друг заговорил очень медленно, серьезно глядя Игорю прямо в глаза:

— Я знаю, работу сейчас найти непросто, но ты уходи отсюда как можно скорее. Лучше всего — прямо завтра, время не ждет.

Игорь нервно сглотнул слюну. Он и сам догадывался, что дела в конторе идут в последнее время не лучшим образом, но постороннему-то откуда об этом знать? Рука автоматически потянулась в карман за сигаретами. Андрей досадливо поморщился, но потом махнул рукой, пододвинув девственно чистую пепельницу — ладно, травись, если иначе никак не можешь. Игорь торопливо закурил, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Может быть, ты расскажешь мне, в чем дело? Я ведь уже большой мальчик и могу сам решать, что делать дальше.

— Я знаю, ты хороший парень и просто так друга не бросишь. Тем более если чувствуешь себя обязанным. Но сейчас лучше поверь мне — Вадим не стоит твоих забот, всего, что с ним сейчас происходит, он вполне заслуживает.

В словах Андрея, а главное в голосе было столько горькой убежденности! Но Игорь все никак не мог успокоиться:

— Андрей, ты пойми, я не могу видеть, как на моих глазах погибает человек, который мне доверился. Может быть, не самый лучший, но ведь и не самый плохой из всех! Меня он когда-то сильно выручил...

Андрей легко, пружинисто поднялся со стула, распахнул окно, разгоняя рукой сигаретный дым.

— Хорошо, я могу рассказать тебе о том, что узнал. Но ты сам-то уверен, что тебе это нужно? Или просто свою совесть хочешь успокоить?

Игорь загасил в пепельнице тлеющий окурок и тут же нервно прикурил новую сигарету.

— Нет, не хочу. С моей совестью все в порядке, — буркнул он.

Андрей тяжело вздохнул, присев на край дивана.

— Ладно, слушай, но учти — ты сам напросился.

Он задумался ненадолго, будто не зная, с чего начать, потом заговорил медленно, будто взвешивая каждое слово:

— Знаешь, человека можно убить не только ножом или пулей. Атака на нематериальном уровне может оказаться гораздо действеннее и страшнее.

— Значит, Вадим прав? Его и правда медленно убивают?

Андрей кивнул.

— Да. Такое воздействие в оккультизме называется энвольтованием на смерть.

Игорь аж подскочил на месте. Вот уж не ожидал, что Андрюха всерьез воспринимает всю эту муть! Неужели совсем скрейзился от своих странных занятий? Скоро, пожалуй, начнет стучать в бубен, видеть будущее в стеклянном шаре и общаться с маленькими зелеными человечками. Так и до психушки недалеко! Прямо хоть сейчас вызывай санитаров.

— Ты что, и правда веришь в... сверхъестественное? — осторожно спросил он.

Но Андрей, казалось, ничуть не смутился.

— Есть многое на свете, друг Гораций, дороже трехпроцентных облигаций! — насмешливо произнес он нараспев. — А если серьезно... Видишь ли, мы с тобой физики. Ты никогда не задумывался, почему так много нашего брата приходит к разного рода мистицизму? Копни любого гуру, парапсихолога или специалиста по НЛО — обязательно обнаружишь либо шарлатана, либо физика по образованию.

Игорь задумался. А ведь и правда! Сколько уже бывших однокашников стали людьми глубоко верующими! Большинство почему-то тяготеют к буддизму и потом изводят близких родственников распеванием мантры «Ом» по утрам, исполнением йоговских упражнений посреди малогабаритной квартиры и строгим вегетарианством, то есть питанием какой-то дрянью из каши и травы. Брр! Такая гадость. Игорь даже поежился от отвращения и тихо порадовался, что уж его-то чаша сия благополучно миновала.

— Хорошо, а при чем тут Вадим? Физтех он не кончал, в Бога не верит, а в мистику тем более.

— А если человек, допустим, в радиацию не верит, может он заболеть лучевой болезнью или нет? То-то же. В мире существуют силы, которые действуют объективно, независимо от наших знаний и нашей веры.

— Это какие такие силы? Неужели магия?

— Ну да. Человек есть мощнейший генератор энергии, просто не все умеют использовать ее направленно. Любое действие, слово, даже мысль вызывают какие-то изменения во внешнем мире. Это теперь придумали кучу названий — телепатия, пирокинез, телекинез, суггестия... А раньше не утруждались, называли просто колдовством.

Игорь поежился, словно в ознобе. От самой мысли, что любого человека можно убить на расстоянии или просто тихо и незаметно довести до смерти, ему стало как-то не по себе.

— Подожди-подожди... Если есть воздействие, значит, его можно как-то снять или нейтрализовать? Или хотя бы найти тех людей, кто это сделал? Ведь они же убийцы, пострашнее любых бандитов!

Андрей только головой покачал:

— Найти их возможно, но лично я бы не советовал.

— Послушай, но ведь это же страшно! — Игорь вскочил с места и нервно заходил по комнате взад-вперед. — Если такая секта или тайное общество действительно существуют, то мы все можем чувствовать себя в опасности! Сегодня он, а завтра — ты или я...

Но Андрей остался спокоен.

— Вот мы и подошли к самому интересному. Ты заметил, что Вадим не рассказывал содержание своих видений и кошмарных снов? И вроде бы понятия не имеет, кому и зачем понадобилось его убивать?

Опять верно! Игорь даже удивился — и как это я разу не подумал?

— В прошлом у него есть много такого, о чем не хочется вспоминать. То, что с ним сейчас происходит, всего лишь угрызения совести. Несколько раз в своей жизни он предал тех, кто ему верил, а теперь расплачивается за это. Ему, конечно, не повезло, очень не повезло... А потому платить придется полной мерой.

Андрей стоял, сложив руки перед собой, лицо его было сосредоточенно. Широко раскрытые голубые глаза смотрели куда-то в пространство, будто видели там нечто, недоступное обыкновенному человеческому зрению. Голос звучал спокойно и ровно, но каждое слово казалось почему-то необыкновенно весомым и важным, заражая незыблемой верой. Игорь смотрел на друга со смешанным чувством изумления и страха — никогда еще не доводилось видеть его таким! Прямо не то пророк, не то святой, не то просто сумасшедший...

— Людям кажется, что миры разделяет стена, а это всего лишь занавеска. Если подойти слишком близко, увидишь за ней окно в пустоту. И пусть Бог поможет тому, кто оказался на пороге, потому что больше ему никто не сможет помочь.

— А делать-то что?

Андрей слегка тряхнул головой, и наваждение исчезло. Теперь он снова выглядел совершенно обычно, так же как и всегда. Игорь вздохнул с облегчением — ну слава богу, а то не хватает еще одного тронутого!

— Да ничего. Ни ты, ни я здесь ничего изменить не можем, а потому лучше все оставить как есть и отойти в сторону.

Оставшись один, Андрей вытянулся во весь рост на стареньком диванчике и закрыл глаза, снова и снова прокручивая в голове все детали разговора. Он очень устал за эти дни, но, кажется, не зря старался.

Игорь ему поверил. С ним теперь все будет в порядке, это точно.

Андрей внимательно просмотрел все линии вероятности дальнейшей судьбы товарища, но не нашел ничего настораживающего. Даже интересно стало, устроится он теперь работать в фирму, занимающуюся разработкой новых бухгалтерских программ, или займется компьютерной графикой и создаст популярную игру по мотивам произведений фантаста Максима Сабурова о приключениях колдуна Аватара? Познакомится в бухгалтерии одной из фирм-партнеров с веселой рыжей Танюшей, будет навещать ее почти ежедневно вроде бы по делу — как там программа? Не глючит? Нареканий нет? — а уже в следующем году станет отцом сразу двоих парнишек-близнецов или поедет зимой кататься на лыжах в Яхрому и встретит там отчаянную сноубордистку по кличке Рысь?

Время покажет.

А вот Вадим... тут все гораздо хуже. С некоторых пор Андрей ощутил в себе способность к ясновидению и не знал, считать это даром или проклятием. В присутствии Вадима он сразу же почувствовал сильнейший дискомфорт, как будто не живой человек рядом, а полуразложившийся труп, по какому-то недоразумению не похороненный до сих пор.

Потом «считал» информацию его видений — и чуть не задохнулся от отвращения. Уж, казалось бы, пора ко всему привыкнуть, но простота и обыденность предательства потрясли его. Если бы не Игорь — отказался бы сразу. Вадим вполне заслужил свою участь, но друг находился в реальной опасности, и его необходимо было хотя бы предупредить. Есть люди, с которыми рядом даже стоять нельзя.

И что уж там греха таить... Самому стало интересно докопаться до истины. Андрей разыскал кучу материалов про колдовство и магию, читал, сравнивал разные источники, рылся в Интернете (это, правда, не очень помогло — слишком уж много там всякого информационного мусора), расспрашивал осведомленных людей...

Первой зацепкой стал таинственный символ, изображенный возле двери квартиры Вадима. Пантакль ненависти, изображенный по всем правилам магического искусства, — это тебе не «Спартак-чемпион» или там «Люська-дура».

Андрей вздохнул. Эх-х, верно говорил старик Соломон: «Во многая знания многая печали...» Одни протоколы ведьмовских процессов чего стоят! Его даже передернуло. Экстрасенсорные способности оказали плохую услугу. До сих пор страшно вспоминать, какой поток человеческих страданий обрушился с пожелтевших страниц, но остановиться уже не мог — шел, как охотничья собака, учуявшая след. И все только для того, чтобы убедиться — колдовство существует примерно столько же времени, сколько само человечество, но достоверных сведений на эту тему очень и очень мало.

Вроде бы и книг написано огромное количество, от средневековых трактатов до изысканий современных ученых, но почему-то никому из исследователей в голову не пришла простая мысль — а откуда берутся такие сведения? Протоколы допросов инквизиции пестрят чистосердечными признаниями обвиняемых, но как их получали?

Оказывается, все вопросы должны были сопровождаться мучениями, добровольные признания законом не признавались. А попытки применялись просто людоедские — несчастных, подозреваемых в колдовстве, жгли огнем, вырывали ногти, кости размалывали в тисках... После ареста об освобождении не могло быть и речи, обвиняемый мог рассчитывать разве что на легкую смерть.

Потому, чтобы избежать новых страданий, люди готовы были не только признаваться в чем угодно, но и изобретать себе все новые и новые преступления, а еще — выдавать сообщников, обрекая новые жертвы на такую же участь. Что поделаешь, слаб человек... Так что большинство сожженных на кострах за колдовство, никакого отношения к нему не имели, а их «преступления» существовали только в воспаленном воображении церковников. Потом, много позже описания шабашей, «черной мессы» и прочих непотребств взяли на вооружение сатанисты, но мало кто задумался о том, что авторами их «теоретической базы» оказались благочестивые католические священники!

Чего же они так боялись? Почему вся Западная Европа была ареной борьбы с колдовством не год, не два, а почти четыреста лет? Число погибших никому доподлинно не известно, но по самым скромным подсчетам составляет около двухсот тысяч человек (в основном женщин) — по тогдашней численности населения сопоставимо с потерями в большой войне.

И в то же время... Колдовство процветало практически повсеместно. Ис-

панская инквизиция прославилась своей жестокостью, а в каждой деревне имелаась собственная ведьма, которая принимала младенцев, лечила заболевшую скотину и продавала желающим приворотные зелья. В Англии король Генрих VIII издал закон против ведьм в тысяча пятьсот сорок втором году, а самая знаменитая колдунья того времени матушка Шиптон дожила до глубокой старости и умерла естественной смертью.

Редко, очень редко, но в протоколах допросов записано было, что обвиняемый как бы не замечал мучений пытки, упорно отмалчивался и не отвечал на все вопросы. Это явление называлось *Maleficium taciturnitatis*, то есть заговор молчания. Можно, конечно, предположить, что некоторые индивидуумы, обладающие невероятно сильной волей, способны выдержать самые страшные истязания, но вот чтобы совсем их не замечать... Что это были за люди, обладающие столь удивительными способностями? Какие тайны они хотели сохранить даже ценой собственной жизни?

В общем, вопросов было больше, чем ответов. Андрей было уже отчаялся, когда в руки ему попала недавно изданная книга профессора Беспалова «Ересь и колдовство в средневековой Европе».

Книга эта и сейчас лежала на столе. Андрей потянулся за ней, взял в руки. Что и говорить, профессор Беспалов — человек особенный. Сама судьба его могла бы стать темой для романа — тут и дворянское происхождение, и сталинские лагеря, и война... Но главное — могучий ум и удивительно новый и свежий взгляд. Войны, дворцовые перевороты и заговоры, крестовые походы и костры инквизиции — все эти события, многократно описанные в учебниках истории, предстают в совершенно другом свете.

Получается, что в Европе еще много лет после официального принятия христианства жили люди, исповедующие древние языческие культы! Именно за ними и шла настоящая охота. Зверски уничтожая сотни и тысячи невинных, церковники просто пытались уничтожить представителей другой религии.

Другой культуры. Даже другой расы, может быть!

Только вот не очень-то это получилось. В своей книге профессор многократно ссылался на свидетельства ученого монаха Лафатера — личности в своем роде уникальной. Его трактат «О нежити, нечисти, и злобе сатанинских духов» сыграл немалую роль в смягчении нравов. Лафатер полагал, что хотя колдовство действительно существует и является опаснейшим преступлением, но совершают его (причем очень редко!) только чернокнижники, всю жизнь посвятившие изучению оккультных наук. А бедные женщины, которые запретные книги никогда в глаза не видели, признаются либо под пытками, либо когда их разум помутнен дьяволом. И в том, и в другом случае их нельзя сжигать, потому что будут уничтожены невиновные. Сами судьи, осуществляя казнь, становятся пособниками дьявола!

Так что для своего времени Лафатер был почти гуманистом, и кто знает, сколько жизней спасли его усилия? На сколько лет ускорили прекращение позорной охоты на ведьм в просвещенной Европе?

Но чернокнижники все-таки были! Тот же Лафатер пишет о знаменитом Киприане — мистике и маге, жившем на Датских островах в конце десятого века.

По одной из легенд этот Киприан был таким грешником, что даже дьявол изгнал его из ада, а по другой — человеком честным и порядочным, который,

будучи удручен царящей в мире несправедливостью, написал книгу о том, как творится зло и как можно его исправить. Книга эта ходила в списках по рукам еще много лет, потом следы ее затерялись, и сейчас почти невозможно доподлинно установить, о чем там говорилось... А возможно, она была не одна!

Значит, есть другая, тайная история. До нас доходят только ее невнятные отголоски, но и этого достаточно, чтобы усомниться в официальной версии. Немало же надо мужества ученому, чтобы написать такую книгу!

А вот профессор Беспалов осмелился. Андрей зачем-то бережно погладил твердую глянцевою обложку. Как всегда, прочитав хорошую книгу, он испытывал чувство благодарности к автору.

Правда, пока читал, возникло стойкое ощущение, что профессор знал гораздо больше, чем решился написать. Вот бы с кем поговорить! Но фамилия автора обведена черной рамочкой. В предисловии редакция выражает сожаление о его кончине на восемьдесят седьмом году жизни. Этой, последней, своей книги он так и не увидел — тихо отошел во сне почти сразу, как закончил ее. Что ж, можно только позавидовать...

Зато разрозненные куски информации наконец сложились в одно целое. Андрей никогда не интересовался криминальными разборками, но теперь знал, почему в последние годы так часто гремят выстрелы наемных убийц и почему так неуловимы загадочные киллеры.

Он чуть усмехнулся про себя. Редкий случай, когда знание совершенно бесполезно! Сколько ни нанимай охрану, ни покупай бронированные «джипы» и «Мерседесы», доступные лишь главам государств и воротилам наркомафии, от этих убийц спасения нет.

В самом деле, как спасешься от неприкаянной души, которая лишь на краткий миг обретает тело, чтобы отомстить за свою смерть и снова кануть в небытие, на этот раз уже навсегда? Для нее нет ни замков, ни заборов, и самая бдительная охрана бессильна...

Если бы только знали политики и бизнесмены, уголовные авторитеты и высокие чиновники — словом, люди, рвущиеся к деньгам и власти любой ценой, готовые по трупам идти к своей цели, что каждый из них находится в опасности! «Поднявший меч от меча и погибнет...» Остается только подивиться могуществу и отваге мага, решившегося приоткрыть завесу между мирами, чтобы хоть мертвые могли совершить свое правосудие!

И разве поверит кто-нибудь, что разгул криминала в Москве конца девяностых годов двадцатого столетия тесно связан с последствиями средневековой охоты на ведьм Западной Европе? Точнее, всего лишь с одним эпизодом — одним из многих тысяч! Андрей в который раз подивился, как прихотливо и странно действует порой закон единства, открытый еще друидами древней Британии. Как он там формулируется-то? Если отбросить изыски языка и толкования переводчиков, получится что-то вроде «любой феномен существования прямо или косвенно связан с любым другим в прошлом, настоящем или будущем», то есть «все влияет на все».

Черт, аж дух захватывает! Получается, каждый поступок, каждое слово, даже мысль могут иметь совершенно непредсказуемые отдаленные последствия. Андрей чуть приоткрыл глаза и на краткий миг воочию увидел тонкие, но прочные нити, опутывающие все вокруг и уходящие в бесконечность.

Прямо паутина какая-то! Иногда эти связи очевидны и заметны невооруженным глазом, иногда нет, но потяни за одну — и все изменится.

Он потряс головой, и видение исчезло. Андрей поднялся с дивана, ощущая непривычную вялость, и подошел к окну. Стоял, вдыхая прохладный, чуть влажный воздух, пахнувший прелыми осенними листьями. Легкий ветерок чуть колыхал тюлеву занавеску. Ночь выдалась безлунная, нигде не видно ни огонька, ни освещенного окна, словно вымерло все вокруг, исчезло, испарилось куда-то.

Андрей еще долго всматривался в ночную темноту, как будто пытался разглядеть там что-то важное. На секунду показалось, что вот оно, окно в пустоту! Протяни руку — и окажешься в совсем ином мире...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИЗ ДАЛЕКОГО ДАЛЕКА

Глава 1 Гнев Божий

Германия, Аугсбург, год 1645

Лето 1645 года от рождества Христова в окрестностях славного города Аугсбурга выдалось на редкость жарким и засушливым. Посевы сторели на корню, и люди только и могли что бессильно вздымать руки к небу, предчувствуя голодную зиму и разорение.

В городе цены на хлеб мигом взлетели почти вдвое, и многим семьям пришлось затягивать пояса потуже. Знающие люди качали головами и говорили, что здесь, конечно не обошлось без колдовства. В самом деле, разве сатана, враг рода человеческого, в черной злобе своей не ищет любую возможность навредить людям? И разве не ведьмы, его верные помощницы, могут при желании вызвать град, засуху, неурожай и болезни?

Мало-помалу народ начал роптать на бездействие властей. Он требовал немедленно найти и покарать виновных, дабы зло не осталось безнаказанным.

Дошло до того, что чернь на улицах плевала вслед бургомистру и судье, крича при этом:

— Пусть остерегутся власть имущие, подкупленные богачами! Пусть остерегутся они вместе с женами и детьми! Все знатные семьи города предались магии!

Городской магистрат начал расследование и скоро выявил виновных. Жену трактирщика Целлера и вдову Циммерман арестовали по подозрению в колдовстве. Первая держала в доме большого черного кота. Многие видели, как она гладила его и даже о чем-то тихо разговаривала, чего уж точно не подобает делать доброй христианке. Ясное дело, что под обличьем кота скрывался сам дьявол!

Напрасно потом Маргарета пыталась убедить судей, что кот — это просто кот, бессловесная божья тварь, очень умная и ласковая, а главное — превосходно ловит мышей и крыс, которые сильно досаждали раньше ее хозяйству. Маргарету трижды поднимали на дыбу, вывернули плечевые суставы, но упорная баба все запиралась.

Только когда судья приказал привязать ее к железному «ведьмину креслу» да развести под ним огонь пожарче, трактирщица не выдержала и призналась, что наводила засуху, подвешивая горсть земли в мешочке из кожи некрещеного младенца над огнем в очаге, что отнимала молоко у соседских коров, а главное — что посещала шабаша на горе Блосберг, где плясала с демонами и предавалась с ними самому гнусному распутству, а кот ее каждый раз на этих сборищах принимал вид красивого молодого человека с огненными глазами и маленьким хвостиком с кисточкой на конце.

Она указала также своих сообщниц — пятнадцать других женщин, которые тоже отплясывали богомерзкие танцы на шабашах, губили скот, портили погоду и насылали на людей неизлечимые болезни. Судейские чиновники и

священник только диву давались: все названные ведьмы были известны в городе своим благочестивым поведением, каждую неделю ходили в церковь и исповедовались, а Марта Штюмер столь щедро раздавала милостыню неимущим, что чуть не довела себя до нищеты.

Воистину козни сатаны не знают равных по изобретательности и коварству!

Вдова Циммерман — уродливая горбатая старуха — жила в покосившейся лачуге у самой городской черты и часто бродила по улицам, стуча клюкой по камням мостовой и бормоча себе по нос что-то непонятное. Седые космы развевались на ветру, голова мелко тряслась на тонкой шее, а прохожие поспешно отводили глаза и спешили творили крестное знамение, дабы уберечься от сглаза. На допросе вдова то хохотала, то скулила от боли, словно побитая собака.

Сколько ни пытали старуху, палачам так и не удалось добиться признания. Да что там признание — она и слова не могла произнести по-человечески. Не иначе как сам дьявол проник в ее тело, дабы затворить уста изнутри, решили судьи и отступились.

В протоколе записали: «Ведьма кивнула головой, что следует понимать как признание своей вины», и этого оказалось вполне достаточно для смертного приговора.

Обеих сожгли на костре на площади перед ратушей. Маргарета не могла идти сама — в застенке на нее дважды надевали «испанский сапог». Палач привязал женщину к столбу, и когда поленница уже загорелась и дым стал подниматься к небу, ведьма, собравшись с силами, крикнула:

— Я невиновна! Я невиновна, как и все другие, кого я оговорила под пытками!

Отец Иоганн Бинсфельд, ученый богослов из Мюнхена, тюремный духовник, в обязанности которого входило принимать последнюю исповедь осужденных, только перекрестился и горестно провозгласил:

— Сие есть последнее усилие сатаны спасти свою ученицу!

А старуха Циммерман все так же трясла головой и щурила глаза, как будто не понимала, где находится. Когда огонь подобрался к ее босым пяткам, она пронзительно закричала, и крик этот ничем не напоминал человеческий. Только бесы могут издавать столь отвратительные звуки. Жалостливые горожанки крестились украдкой — если пламя костра причиняет такие муки, то каково же теперь придется грешной душе в аду, в огне негасимом?

Ведьм постигло заслуженное возмездие, но засуха все продолжалась.

Ни капли дождя не упало на землю за долгие недели, и крестьяне уже отчаялись спасти хотя бы часть урожая. Видно, колдовство и чародейство пустили глубокие корни в славном Аугсбурге и его окрестностях! Стражники волокли в тюрьму все новых и новых подозреваемых. Ведьм водили в цепях по улицам, дабы они указывали своих сообщниц. Судейские чиновники, палачи, тюремные писцы не знали отдыха, трудились от зари до зари и каждый день добивались от арестованных признаний в новых и новых ужасных преступлениях.

А солнце все палило так же безжалостно и сурово, словно сам Бог как верховный инквизитор и судья вознамерился сжечь землю за людские прегрешения.

Глава 2

Охота

Тюремный писец Йозеф Шнайдер — вихрастый белобрысый и веснушчатый паренек девятнадцати лет от роду — с тоской следил, как муха бьется о стекло. Он скучал и с нетерпением ждал, когда этот бесконечно длинный день подойдет к концу, можно будет выйти на улицу, выпить кружку пива в харчевне, а потом пойти домой, съесть кусок яблочного пирога, что так замечательно печет его матушка, и, сотворив вечернюю молитву, уснуть сном честного труженика, уставшего за день. Жаль, до вечера еще далеко!

Здесь, в подземных казематах, среди привычной сырости дневная жара почти не ощущалась. Тонкий лучик солнца еле-еле пробивался сквозь зарешеченное оконце под самым потолком. Господа судьи ушли выпить и закусить, а потом, пожалуй, будут играть в карты... Даже палач тихо посапывает в углу, уронив голову на грудь.

Очередной подозреваемый, ученый аптекарь Альбрехт Доденхайм, с самого утра висит на дыбе, подвешенный за одну руку, и угли тихо тлеют в жаровне под его голыми пятками. Дело писца — в точности записывать каждое слово, произнесенное на пытке, дабы не пропало оно втуне, но что же тут записывать, если проклятый колдун упорно молчит? Недаром вон и палач из сил выбился...

Третьего дня означенный Доденхайм сам явился в городской магистрат и заявил, что занимается колдовством и чародейством, но к засухе непричастен и готов подробно рассказать обо всем, чем занимался у себя в доме за наглухо запертыми ставнями.

Аптекарь не ведал, что уже попал под подозрение, — его служанка, шестнадцатилетняя Барбара Келлер, арестованная этим утром, почти сразу же призналась, что хозяин ее знает с темными силами, вызывает духов и беседует с давно умершими людьми, а по ночам варит отравляющее зелье. Рассказала она также о том, что раз в месяц к нему приходят гости — всегда двенадцать человек. И не днем, как все добрые люди, а среди ночи. Аптекарь всегда сам впускает их в дом, а ей приказывает только приготовить холодный ужин и не выходить из своей каморки до утра. Но однажды Барбара подсмотрела, как они входили, закутанные в черные плащи до пят, с капюшонами, опущенными на лица.

Судья насторожился. Он почти ежедневно слышал от арестованных ведьм про шабаша на горе Блоксберг, но чтобы здесь, в городе, под самым носом у властей и церкви процветала мерзость колдовства... Это было вовсе неслыханно! Нужно было расспросить арестованную как можно подробнее. Когда Барбаре сдавили пальцы в тисках и кровь начала капать из-под ногтей, она охотно призналась, что это были вовсе не люди, а демоны. Даже припомнила, как разглядела у одного из них козлиные копыта вместо ног и долго потом чувствовала в доме запах серы.

Судья не мешкая отправился в магистрат, чтобы отдать приказ стражникам арестовать колдуна. Никак нельзя было допустить, чтобы столь опасный преступник скрылся из города! Но не успел судья подписать бумагу, как Доденхайм явился сам, будто почувствовал опасность и хотел обмануть правосу-

дие лживым покаянием. Его, конечно, немедленно арестовали и привели в тюрьму. В доме провели тщательнейший обыск и нашли множество подозрительных предметов: книги на неизвестных языках, сушеные корешки, даже диковинный предмет, именуемый микроскопом. Один из стражников случайно заглянул в окуляр и тут же отскочил в сторону, побледнел как смерть, принялся судорожно креститься дрожащими руками и шептать молитвы.

И было чего испугаться! Взгляду предстало кошмарное чудовище с невиданной мордой и жуткими щетинистыми лапами. Значит, и правда хозяин — колдун, раз держит у себя в доме демона, заключенного в волшебном кристалле!

Товарищ стражника, служивший когда-то подмастерьем у стекольных дел мастера в Амстердаме, вынул муху из-под окуляра и показал ее реальные размеры, потом поймал другую и положил ее под микроскоп. При увеличении она выглядела точно так же, как и первая, но все равно микроскоп стал тяжелой уликой против обвиняемого. Надо иметь поистине дьявольскую изобретательность, чтобы создать аппарат, при помощи которого страшного демона можно сотворить из обычной мухи.

Поначалу в застенке Доденхайм говорил охотно и много, но нес такую ужасную, богопротивную ересь, что судья велел применить пытку. В самом деле, разве может честный человек и христианин поверить, что настоящие колдуны и ведьмы вовсе не желают зла людям, а всего лишь молятся иным богам и стараются использовать свою силу исключительно во благо.

С ужасом слушал судья речи о том, что они не боятся ни креста, ни святой воды и отнюдь не теряют волшебную силу в момент ареста, как писали ученые-инквизиторы Якоб Шпренгер и Генрих Инститорис в знаменитом трактате «Молот ведьм», а, напротив, могут отвести глаза страже, пройти мимо незамеченными или наслать временную слепоту... Утверждение, что все осужденные по закону за ведовство — суть несчастные жертвы, под пытками оговорившие себя и других, возмутило судью до глубины души. Этот наглец осмеливается спорить с самой святой церковью! Разве не сказано в Священном писании: «Ворожеи не оставляй в живых»?

И уж совсем нелепой и кощунственной выглядела сама мысль о том, что пройдет всего триста лет — и сам Папа Римский будет перед всем миром приносить принародное покаяние за существование священной инквизиции!

Судья приказал вычеркнуть эти слова из протокола допроса, дабы богомерзкие бредни не смущали более никого, и Йозефу пришлось долго и тщательно, строка за строкой вымарывать написанное.

Подвешенный на дыбу, Доденхайм продолжал богохульствовать и кощунствовать. Он отказался прочесть «Отче наш», как подобает христианину. «Бедный еврейский проповедник сам был казнен по ложному доносу, а потому никогда бы не допустил, чтобы невинных мучили во имя его!» — заявил аптекарь столь гордо и заносчиво, словно сам был верховным судьей. Потом стал глумиться над судьями, да так, что не раз вогнал почтенных господ в краску.

Главному городскому судье, господину Фридриху фон Шнеевейсу, он предложил пришить рога к своей шляпе. Когда тот, багровея от злости, спросил, что имелось в виду, Доденхайм только рассмеялся. «Спросите у графа Пургшталя, когда он в следующий раз приедет к вам на воскресный обед! Если посмеете, конечно... Ведь, если не ошибаюсь, именно ему вы обязаны столь вы-

соким назначением?»

Клауса Атенштадта, подающего надежды молодого юриста, спросил, какая часть из конфискованного имущества казненных идет на покрытие его карточных долгов. Не потому ли всего за три дня было арестовано шесть богатых горожанок (а четверо из них уже и признались!), что господину судье так не везет в игре?

Отцу Иоганну, который в нарушение всех правил присутствовал при пытках и помогал судье советами, находя в этом особенное удовольствие, напомнил о содомском грехе, совершенном в монастыре близ города Мюнхена с молодым послушником. Если уж по Каролинскому кодексу, принятому почти сто лет назад, распутство, противное природе, тоже карается сожжением на костре, как ведовство и чародейство, то почему бы почтенному патеру, столь сильно радеющему о нравственности своей паствы, не ввергнуть в огонь себя самого?

Даже палач Фриц Вебер, здоровенный детина, славящийся умением получать признания даже от самых упорных подозреваемых, не избег общей участи. Пока он вбивал Доденхайму деревянные клинышки под ногти, тот посмотрел ему прямо в глаза, улыбнулся и доверительно посоветовал не покупать сегодня дочке новое платье с брабантскими кружевами — ведь ей так и не придется его поносить. Не пройдет и двух недель, как четырнадцатилетняя Бабелин Вебер, единственная радость своего отца, будет обращена в пепел и золу, а самому палачу придется уплатить немалые издержки за казнь, как и родственникам прочих осужденных. Так что денежки лучше побережь!

В довершение всего невозможный аптекарь назвал судейских и палача истинными слугами дьявола, умножающими зло на земле, и заявил, что не скажет более ни слова. Как раз в этот миг часы на городской ратуше пробили полночь, и судья почел за лучшее отложить допрос до утра.

В ту же ночь двенадцать человек исчезли из города бесследно, бросив свои дома и имущество. Вне всякого сомнения, они были сообщниками арестованного и сбежали, убоявшись справедливого возмездия, но Доденхайм так не назвал ни одного имени, хотя на завтра его пытали целый день без отдыха.

Йозеф с досадой покосился на арестованного. В тюрьме юноша служил почти полтора года и успел навидаться всякого, но такого закоренелого грешника встречать еще не доводилось. Другие молили о пощаде, взывали к Богу и святым, клялись в своей невинности или покорно каялись в совершенных грехах, но издеваться над правосудием себе еще никто не позволял! Недаром ведь говорят, что только дьявол может помочь своим слугам вынести мучения пытки, не чувствовать боль, сохраняя полное присутствие духа и, даже находясь в руках правосудия, вредить добрым христианам.

Йозеф присмотрелся внимательнее и заметил нечто действительно странное: раны на теле узника, нанесенные огнем и железом, уже покрылись тонкой розовой кожицей. Кажется, пройдет несколько дней — и все заживет без следа.

Писарь зябко передернул плечами. Сколько раз его душа содрогалась от ужаса, когда ведьмы и колдуны сознавались в своих преступлениях, и каким утешением было сознание того, что здесь, перед судом, их власть кончается! Как сладко было думать, вытягиваясь по вечерам в своей постели под одеялом, что и он, человек слабый и грешный, все же причастен к великому и бла-

городному делу очищения родного города от скверны. Ведь если бы слуги Господа не стояли на страже, приспешники Сатаны давно бы уже уничтожили этот мир!

А теперь Йозеф не знал, что и думать. Хуже всего, что проклятый колдун сумел-таки посеять зерно сомнения в сердце. В самом деле, если ведьмы и вправда могут вызывать по своему желанию засуху, бури и градобития, то почему бы не использовать такую мощную силу против враждебных стран? К примеру, чем вести долгую и изнурительную войну с мусульманами, Австрия вполне могла бы нанять на службу одну-единственную ведьму и ее колдовством опустошить земли поганых язычников.

Конечно, взывать к помощи дьявола — это страшный грех, но и война порождает кровопролитие, насилие и грабеж, а потому вряд ли является богоугодным делом...

Йозеф потряс головой, отгоняя крамольные мысли, но это не помогло. Как нарочно, они лезли в голову снова и снова.

Только сегодня утром давала показания Катарина Пальдауф. Обритая наголо, с безумными от ужаса глазами, она ничуть не напоминала веселую и разбитную, острую на язык базарную торговку, у которой матушка Йозефа покупала капусту и яблоки всего несколько дней назад. Катарина сразу же сказала, что желает во всем признаться, обратиться к Богу и обрести наконец вечный покой. Она поведала судьям о том, как ела на шабаше жаб, требуху и ножки младенцев, вырытых из могил. О том, как отреклась от христианской веры, трижды наступив на крест, и целовала под хвост черного козла. О том, как дьявол, восседая на высоком троне, выслушивает отчет каждой ведьмы о совершенных злодеяниях, а если какая-нибудь из них откажется творить зло, бесы ее жестоко наказывают — бьют кнутом, полосуют своими длинными острыми когтями или прижигают раскаленным железом.

При этих словах несчастная покосилась на орудия пытки, разложенные перед ней, запнулась на мгновение, но справилась с собой и продолжила ровным голосом:

— Я испортила корову Эльзы Штольц, и теперь он не дает молока. Колдовством я убила своего кузена Эрнста Винера, с которым поссорилась в прошлом году из-за наследства. Заговорами и чародейством я погубила также Ганса Беме и троих детей моей соседки Эмеренцины Пихлер — Гертруду, Франца и маленького Фрица.

Йозеф на секунду перестал скрипеть пером — не далее как час назад по дороге в тюрьму он видел всех троих, мирно играющими в палисаднике перед домом. Конечно, дьявол может создавать фантомы и наваждения, но дети выглядели такими здоровыми и веселыми...

А несчастная Катарина все продолжала таким же монотонным голосом, будто механическая кукла:

— За свое злодейство я получила пять золотых слитков.

— Где же они? — быстро спросил помощник судьи Атенштадт. В глазах его сверкнул огонек алчности. Кто бы мог подумать, что у бедной женщины где-то припрятано такое богатство! — Где спрятано золото? Отвечай немедленно, иначе нам придется пытать тебя снова!

В глазах измученной женщины вспыхнул испуг. Она сложила руки на груди и быстро-быстро залепетала:

— Не надо меня мучить больше, добрые господа! Я все скажу... Золото я спрятала в сундуке, но при первом ударе колокола к воскресной мессе оно превратилось в конский помет!

Катарину увели обратно в камеру, а судьи потирали руки, довольные, что так легко удалось сломить упорство еще одной ведьмы. Всего три допроса с пристрастием — и вот уже получено полное признание!

Главный судья быстро утвердил смертный приговор и, придя в благодушное настроение, хотел было уже приказать палачу удавить осужденную перед сожжением, но потом передумал.

Сколько таких признаний Йозеф успел записать за свою не такую уж долгую службу! Но только сейчас, изнывая от скуки и вынужденной неподвижности — господа судьи строго-настрого запретили отлучаться куда-либо — он впервые задумался.

Неужели жизнь колдуньи действительно так страшна? Если в награду за измену Богу достаются только побои, фальшивые деньги и тухлая еда, ведьмы давно бы уже перевелись! Или... Их и не бывает вовсе?

Йозеф почувствовал, как испарина выступает на лбу. Мысль была абсурдная и еретическая, но все же так много явных несоответствий, натяжек и прямой лжи, что даже удивительно стало — как судьи, почтенные и образованные люди, в чьи обязанности входит установить истину, сами не замечают этого?

Йозеф вытер мокрый лоб рукавом. Некстати вспомнилась ему Анна Штраус, жена богатого мельника, сожженная еще в прошлом году. Незадолго до того у нее умер новорожденный ребенок. Дитя успели окрестить, и это вызвало сильнейшие подозрения: а что, если его принесли в жертву дьяволу? Известно же, что некрещеный младенец не может войти в царство небесное и душа его обречена на вечные муки в аду.

Сначала Анна все плакала, а потом призналась, что сама убила маленького сынишку, чтобы душа его досталась сатане, а тельце пошло на волшебную мазь. Крохотный трупик в могиле нашли нетронутым, но мать все равно сожгли...

Зачем же они оговаривают себя? К чему честным женщинам возводить на себя чудовищную напраслину и губить не только тело, но и бессмертную душу?

Ответ напрашивается сам собой. Йозеф вспомнил «испанский сапог», тиски для пальцев, которые палач затягивает так, что кровь выступает из-под ногтей и кости хрустят, словно сухие веточки, плети, вымоченные в крепком соляном растворе... На секунду представил себя на месте арестованных — и содрогнулся от ужаса.

Разве он сам смог бы выдержать мучения пытки? Каково это — в одночасье быть оторванным от дома, родных и друзей и переносить столь жестокие истязания? А потом валяться на холодных камнях, чуть прикрытых гнилой соломой, в зловонии и грязи и отгонять крыс, кусающих за ноги... И при этом нет ни малейшей возможности доказать свою невиновность! Вор или убийца имеет право на справедливый суд, но только не ведьма. Ни одна из них еще не вышла на свободу оправданная, сохранив и жизнь, и честь, и доброе имя. Ни набожность, ни праведная жизнь, ни стойкость, с которой иные переносят мучения, не может помочь им.

К примеру, та же Марта Штюмер так и не призналась ни в чем, только молилась и повторяла «прости им, Боже, ибо они не ведают, что творят». Ее подвесили на дыбе, жгли пятки, подбородок, прикладывали горящие комья серы к подмышкам, но несчастная женщина упорно продолжала твердить, что не виновна ни в чем, даже когда смертный пот выступил у нее на лбу.

В этот момент в застенок залетела большая пестрая бабочка. Здесь, среди осклизлых сырых камней, запаха крови, горячей человеческой плоти, грозных окриков судей и воплей пытаемых, она выглядела чудом, пришельцем из другого мира. И судьи, и писец, и даже палач уставились на нее, словно замороженные. Бабочка покружилась немного, трепеща разноцветными крылышками, и выпорхнула в окно.

Марта вдруг вскрикнула, судорожно мотнула головой и бессильно обвисла. Гримаса боли разгладилась, лицо стало спокойным и отрешенным, словно все происходящее больше не касалось ее. Палач спустил с дыбы бесчувственное тело. Судья Шнеевейс приказал записать в протоколе, что дьявол, явившийся под видом бабочки, свернул шею обвиняемой, чтобы она не успела выдать сообщниц. Тело приказали зарыть под виселицей, словно падаль, поскольку ведьма умерла без исповеди и святого причастия.

Йозеф вспомнил, как Марта раздавала хлеб нищим, как разрешала всем окрестным мальчишкам рвать яблоки у себя в саду... Всего несколько лет назад он и сам не раз туда наведывался!

Слезы подступили к горлу. Если хоть на минуту допустить, что Марта и вправду была невиновна, то все, что произошло с ней, выглядит чудовищным злодейством! Мало того что добрая женщина умерла в страшных мучениях, так даже в христианском погребении ей было отказано...

Может, и правда настоящих слуг дьявола не надо искать на горе Блоксберг? Может быть, они не имеют рогов на голове (если только почтенный фон Шнеевейс не пришьет их к своей шляпе), и ноги у них самые обыкновенные, ничуть не похожие на козлиные копыта? Они едят не жаб и требуху, а откормленных каплунов и свежую телятину, вместо крови некрещеных младенцев попивают мозельские и рейнские вина, но суть их деяний не та же — губить души честных и простых людей, заставляя признаваться в том, чего не совершали, а потом предавать мучительной смерти?

Перед глазами на миг вспыхнуло яркое голубое пламя. И голова... Будто огнем жжет изнутри! Йозеф с силой сжал виски ладонями, но боль только усилилась.

Трудно разобраться, когда тебе всего девятнадцать лет и все, во что верил, в одночасье оказалось поставлено под сомнение!

В этот момент узник пришел в себя и тихо застонал.

Глава 3

Жертва милосердия

Ярнес Тибад, известный в Аугсбурге как ученый аптекарь Альбрехт Доденхайм, медленно открыл глаза. В застенке было сыро и темно, в нос бил отвратительный запах паленой плоти. Мужчина не сразу понял, то горят его собственные ноги.

Боли не было. Заклятие действует безотказно. Тибад еще раз покосился на свои обожженные ступни, увидел раны, оставленные железными крючьями, ожоги от раскаленных щипцов на ребрах и тут же отвел взгляд. Не об этом надо думать сейчас, совсем не об этом!

Сознание возвращалось медленно, толчками, так течение крови постепенно восстанавливается в членах, затекших от долгой неподвижности. Вновь провалиться в беспамятство было бы гораздо легче, но сейчас придется обратиться с мыслями и принять решение. Времени осталось совсем немного.

Тибад чуть прикрыл глаза, чтобы мрачная обстановка не отвлекала и не вызывала смятения духа. Он старался вспомнить все в деталях, с самого начала, словно шаг за шагом пройти весь путь, который привел сюда.

Перед внутренним взором предстала тайная комната, предназначенная для собраний, скрытая в обширном подвале дома. Любой посторонний обнаружил бы там только бочки с вином да копченые окорока, но стоит повернуть незаметный рычажок, надежно спрятанный между бочками, как стена бесшумно отодвинется и взгляду посвященного предстанет удивительное зрелище.

Небольшой зал идеально круглой формы, ровно тринадцати локтей в диаметре. Стены с пола до потолка затянуты переливчатым черным бархатом. Посреди возвышается алтарь черного дерева, покрытый тонкой резьбой. Над старинным бронзовым треножником, украшенным кованым узором, днем и ночью поднимается сладко пахнущий дымок.

В ту ночь грандмастер пришел один. В разгар охоты на ведьм в городе нельзя было подвергать опасности всех членов сообщества, но и обряд полнолуния провести необходимо.

Тибад не мог дожидаться, пока гость закончит творить заклинания и маленький пергаментный свиток с очередным посланием к богам догорит в жертвенном пламени. Странно было видеть лицо друга и учителя таким же безмятежно-спокойным, как и всегда, будто ничего особенного не случилось и на площади перед ратушей не полыхают почти ежедневно совсем другие костры... Но прерывать обряд нельзя ни в коем случае, тут грандмастер совершенно прав. Только когда маленький язычок огня дрогнул последний раз и погас, Тибад решился обратиться:

— Скажи, Мастер, что происходит? Мир сдвинулся с места! Когда-то мы были учителями мудрых, советниками правителей и короли считали за честь, если кто-то из нас становился воспитателем наследников трона. А теперь? Мы прячемся в подполье, словно крысы!

Глаза учителя, темно-синие, как море перед штормом, казалось, заглядывали прямо в душу. Он слушал, не перебивая, а Тибад говорил горячо и сбивчиво, спеша выплеснуть все, что накопилось на сердце:

— О нас ничего не знают, но почему-то боятся и ненавидят! Священники распространяют чудовищную ложь, нелепые и опасные выдумки, нагнетая страх и ненависть, а люди внимают и верят им...

— Пожалуй, ты и прав, — задумчиво откликнулся грандмастер, — люди любят творить для себя чудовищ, чтобы потом сладко трепетать от ужаса.

— Но зачем?

Он равнодушно пожал плечами.

— Такова человеческая природа. Куда легче нарисовать в своем воображении рогатого дьявола с когтями и копытами или ведьму, летящую на помеле по ночному небу над церковным шпилем, чем хоть раз заглянуть в темные глубины собственной души и убедиться, что настоящие монстры обитают именно там.

— И так будет всегда, пока мы не посмеем сказать правду о себе! Пока не поделимся своими знаниями и верой, не вырвем людей из темноты, грязи, голода и невежества!

— Брат мой, — голос учителя звучал мягко, успокаивающе, — разве ты забыл, что мы все поклялись хранить тайну? Огонь в очаге согревает дом и помогает готовить пищу, но, вырвавшись наружу, приносит неисчислимые бедствия. Если тайные знания попадут в руки людей, последствия будут куда хуже!

— Но почему? Разве накормить голодных, дать всем нуждающимся кров, одежду, вылечить болезни — это не достойная цель?

— Люди устроены так, что не могут жить в мире и согласии. Дай им завтра все, о чем они мечтают, и они сразу же начнут грызться между собой, как свора голодных собак.

— А если дать им знание?

Грандмастер чуть усмехнулся.

— Если не изменить их природу — а значит, уничтожить человечество — любое знание люди используют только на то, чтобы сделать оружие более совершенным. Если сейчас в самых кровопролитных войнах гибнут сотни и тысячи, то тогда целые города и страны будут сметены с лица земли! Реки потекут отравленной водой, земля превратится в выжженную пустыню, и самый воздух станет ядовитым и смертоносным для любой живой твари...

Он помолчал недолго и тихо спросил:

— Но скажи, брат мой, разве это гнетет тебя по-настоящему?

Тибад смущенно потупился.

— Сегодня арестовали четверых — мать и трех дочерей. Стражники вели их в тюрьму и гоготали, словно жеребцы, спорили, которая скорее признается... Они уничтожают невинных, потому что не могут добраться до нас! Разве это справедливо? Разве можно спокойно смотреть, как честные и простые люди погибают мучительной смертью?

— Простые, говоришь? — грандмастер вскинул брови. Взгляд его резанул, словно лезвие бритвы. — Может, слишком простые? Разве не эти люди сбегаются каждый раз на площадь пред ратушей, чтобы посмотреть, как очередная ведьма корчится в огне? А кто, по твоему, пишет доносы на соседей, чтобы завладеть малой долей имущества, положенной по закону? Кто арестовывает, допрашивает и пытает? Кто богатеет на поставках дров для сожжений? Кто сочиняет ученые трактаты, оправдывающие столь бесчеловечную жестокость?

Тибад, пристыженный, опустил голову.

С тех пор он старался как можно реже выходить из дома и видеться с людьми. Невыносимо было смотреть, как ходят по улицам стражники — гордо, по-хозяйски, с подозрением посматривая на каждую встречную женщину — мол, уж не ведьма ли ты, голубушка? Еще хуже, когда эти же стражники водят по улицам ведьму в цепях и требуют от несчастной указать своих сообщниц.

Но самое страшное — когда толпа мужчин и женщин, старых и молодых, даже детей — собирается на площади и ждет с жадным нетерпением, пока очередную осужденную привезут на казнь. Дом аптекаря совсем неподалеку, а потому крики сжигаемых заживо и восторженный рев толпы долетают даже сквозь наглухо закрытые ставни.

Последней каплей стал арест Барбары.

За те полгода, что она служила в доме, Тибад успел привязаться к девочке, веселой и шустрой, как птичка-королек. Что бы она ни делала: гладила сорочки, развешивала простыни во дворе, гремела кастрюлями на кухне или подметала улицу перед домом — все у нее получалось как-то особенно споро.

Ну зачем она только отправилась на рынок? По городу как раз водили очередную ведьму, и измученная женщина просто показала на Барбару пальцем. Девочку тут же схватили...

Тибад прождал до вечера, неизвестно на что надеясь. Ему ли, умеющему видеть сквозь стены и читать в сердцах людей, как в раскрытой книге, рассчитывать на разум и милосердие судей!

Он понимал, что трудно убедить фанатиков, но все же... Думать, как почти ребенка станут мучить в застенке, а потом сожгут на костре, было совершенно невыносимо. Хуже всего, что жертва оказалась напрасной. Все-таки прав был грандмастер, тысячу раз прав!

Глава 4

Хранитель

Тибад скривился от боли. Заклятие помогает не чувствовать раны и ожоги, но кто поможет справиться с душевным страданием? Что может быть хуже, чем погибнуть так глупо и бессмысленно? А главное, по его вине все члены ковена должны сниматься с привычного места и пуститься в долгие скитания, дабы сохранить себе жизнь! И Книга будет утрачена для них на долгие годы...

Аптекарь вздрогнул всем телом, как от удара. Книга. Только это еще имело значение. Последняя, единственная в мире копия! Ее надо спасти любой ценой. Эти тупые фанатики теперь разграбят его дом, ведь имущество казненных подлежит конфискации, и, пожалуй, могут швырнуть Книгу в костер, а этого допустить никак нельзя.

Тибад чувствовал, как жизненные силы с каждой минутой покидают тело. Еще немного, и будет поздно. А значит, надо собраться с духом и действовать немедленно. Нужно найти хранителя, который будет оберегать бесценный раритет, но где же его взять теперь?

Тибад обвел взглядом подземелье. Палач спит в углу... Только мальчишка-писец сидит за столом и смотрит на узника круглыми, как блюдца, удивленными глазами. Хорош хранитель, нечего сказать! Но ничего не поделаешь, выбирать не приходится.

Тибад собрал остатки сил и прохрипел:

— Юноша! Слышишь ли ты меня?

Йозеф поднял глаза от бумаг на столе — и встретил его взгляд. Боль в голове мгновенно прошла. Все окружающее вмиг исчезло, писец видел только далекий, мерцающий голубоватый свет — теплый и ласковый, словно материнские ладони.

— Встань и подойди.

Йозеф поднялся, опрокинув стул, но даже не заметил этого. Тихий голос действовал завораживающе, и сейчас оставалось только одно — повиноваться.

— Слушай внимательно и запоминай. Все, что я скажу тебе, очень важно...

Йозеф даже рот приоткрыл, старательно ловя каждое слово. Он и не понял, как получилось, что беспомощный, измученный пытками узник обрел над ним такую власть. А тихий властный голос шелестел:

— Сегодня ночью, сразу после сигнала к тушению огней, ты пойдешь ко мне в дом. За резной панелью в библиотеке — это третья комната от входа — ты найдешь книгу. Достань ее и храни при себе.

— За резной панелью... Хранить при себе... — повторил Йозеф.

— Никому ее не показывай, а лучше и вовсе не открывай. Не бойся, книга принесет тебе счастье!

— Счастье... — протянул Йозеф тоненьким, почти детским голоском. Глаза его остекленели, на губах заиграла блаженная улыбка.

— Ты понял меня, юноша?

Йозеф послушно закивал.

— Ты сделаешь так, как я сказал?

Он снова кивнул. «Смертельно бледен, зрачки расширены, вид почти безумный... Транс слишком глубокий, — отметил про себя Ярнес Тибад, — надо заканчивать прямо сейчас, иначе умрет или сойдет с ума».

— После того как я досчитаю до пяти, ты придешь в себя и забудешь о нашем разговоре.

Вот и все. Тибад наконец-то вздохнул с облегчением. Подобие улыбки промелькнуло на его бледном лице. Остается последнее усилие — и можно уходить спокойно.

В застенке на мгновение стало совсем темно. Оконное стекло со звоном лопнуло и разлетелось на тысячи осколков. Йозеф Шнайдер почувствовал такой сильный удар, что едва устоял на ногах. Палач проснулся в своем углу и вскочил, обводя пыточную мутным непонимающим взглядом.

И только мертвое тело бессильно обвисло на веревках.

Глава 5

Каждому свое

Господа судьи, вернувшись в тюрьму после обильной трапезы, были весьма недовольны, что узник скончался так быстро. Фон Шнеевейс даже побранил палача и пообещал вычесть два талера из его жалованья, но вскоре остыл и решил, что беда, в конце концов, небольшая. Главное — колдун не ускользнул от рук правосудия! На следующий день тело Альбрехта Доденхайма было сожжено на костре при большом скоплении народа.

Совсем скоро некому стало и вспоминать об этом случае. Почему-то вышло так, что в городе не осталось никого из свидетелей жизни и смерти ученого аптекаря.

Палач Фриц Вебер действительно пережил смерть дочери и вынужден был оставить свое ремесло.

Всего через неделю после смерти Доденхайма очередная обвиняемая Эльза Кранц под пыткой призналась, что посещала колдовские шабаши. Каждый раз она называла все новые и новые имена. Обмолвилась, что видела на шабаше юную Бабелин Вебер.

Все видели, как побледнел палач, услышав имя обожаемой дочери. Но закон есть закон, и делу дали ход. Бабелин арестовали в тот же день, как ни умолял палач пощадить его дитя. Судья Шнеевейс распорядился не пускать палача в тюрьму, пока шло следствие.

Долго вытягивать из Бабелин признание не пришлось. Второй палач, Мартин Таннер, хоть и был молод, но в сноровке почти не уступал Фрицу. Не прошло и суток, как Бабелин призналась во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях. Так, еще будучи одиннадцатилетней девочкой, она впервые согрешила с демоном-инкубом, которого привела ей нянька, старая Лизелотта. Потом, посещая шабаши, много раз вступала в распутную связь с другими демонами, неоднократно беременела и даже рожала детей, которых тут же убивали другие ведьмы, чтобы приготовить из них еду для всего сборища.

Даже тюремные стены не могли остановить пришельца из ада. Навещая узницу, он многократно творил чудовищное распутство, приняв для этого обличье тюремщика. Несколько раз девочку находили в камере почти без чувств. Понятно, что только дьявол мог сотворить такое!

Из-за юного возраста колдуньи городской магистрат распорядился сжечь ее на утренней заре, дабы не возбуждать в толпе сочувствия к обвиняемой.

Только несчастный отец видел, как его дочурку везли к месту казни. Только он слышал, как грохочут колеса по булыжникам мостовой, и звук этот преследовал его до самой смерти.

Девочка неподвижно сидела, скорчившись на соломе. Она казалась безучастной ко всему, что происходило вокруг. Большие голубые глаза смотрели куда-то в пространство. Когда Фриц подошел ближе, Бабелин вдруг задрожала всем телом.

— Дьявол! Он опять пришел! — крикнула она, и слезы потекли из глаз, оставляя дорожки на грязном, изможденном личике.

Она забилась в угол, попыталась закрыть лицо руками, но цепи мешали.

Фриц стоял, не в силах двинуться с места. Он видел тонкие пальчики, переломанные в тисках, и бурые пятна запекшейся крови на платье из брабантских кружев. Видел, как палач привязал его девочку к столбу и поджег поленницу...

До самого последнего момента Фрицу Веберу казалось, что все это происходит не с ним, что это лишь дурной сон, и стоит лишь проснуться, как вновь все будет хорошо.

Платье вспыхнуло — и в один миг превратилось в черные хлопья пепла. Несколько секунд он видел свою дочь обнаженной среди языков разгорающегося пламени, как она извивается и кричит от боли, силясь разорвать цепи...

Крепкий сорокалетний мужчина за один день превратился в старика. Волосы его поседели, руки стали дрожать. В тот день он не пошел домой — видеть комнату, где недавно была Бабелин, кровать, на которой она спала, ее платья, кукол, шкатулку с рукоделием было невыносимо. До вечера Фриц бесцельно кружил по городу, а потом пошел и мертвецки напился. Так было и на следующий день... и на следующий...

А вскоре кто-то донес, что Фриц Вебер в кабаке за кружкой громко возмущался тем, что должен выплачивать непосильные издержки наряду с обычными горожанами.

Его вызвали в ратушу и заставили просить прощения. В свое оправдание провинившийся нашел сказать только одно — он был вне себя от горя и не помнил, что говорил.

На службу он так и не вернулся. Темным осенним вечером, возвращаясь домой, поскользнулся и упал с моста в реку. Труп, страшно распухший и обезображенный, нашли только через несколько дней... Были, конечно, подозрения, что бывший палач впал в страшный грех самоубийства, но, поскольку прямых свидетельств не было, его все-таки похоронили в освященной земле.

Уже зимой, незадолго до Рождества, отец Иоганн Бинсфельд принимал последнюю исповедь очередной осужденной — жены пекаря Марии Лемп. Женщина призналась, что неоднократно подмешивала в хлеб отраву из волшебного пузырька, данного ей дьяволом на шабаше, и уже много людей умерли от этой порчи.

Входя в камеру, духовник привычно осенил себя крестным знаменем и провозгласил:

— Возрадуйся, грешница! Смиренно прими наказание, ибо краткая боль избавит тебя от вечных мук. Радуйся, что тебя схватили и осудили. Ты изба-

вишься от демона, терзающего тебя, и, может быть, обретишь спасение души... Ради божественного милосердия покайся теперь во всех грехах, расскажи без утайки о вреде, который ты успела причинить.

Женщина застонала и чуть приподнялась с пола. Зазвенели цепи, сковывающие ее по рукам и ногам.

— Я ни в чем не виновна, святой отец, — тихо сказала она. Видно было, что каждое движение, каждое слово причиняет мучительную боль.

Отцу Иоганну это совсем не понравилось.

— Зачем же ты призналась? Как тебе не совестно! — устыдил ее священник.

— Посмотрите на мои ноги, святой отец! Они переломаны!

— Ах, ты не желаешь раскаяться? Значит, я не нужен тебе. Так подыхай же, как собака, без исповеди и святого причастия! Отправляйся к дьяволу, которому ты всю жизнь служила! — крикнул почтенный священнослужитель и в раздражении так сильно топнул ногой, что оцарапал лодыжку о ржавую железную скобу, к которой крепились кандалы несчастной.

Домой он вернулся в плохом настроении, а уже на следующий день нога так посинела и распухла, что отец Иоганн не смог встать с постели. Послали за лекарем, тот сделал кровопускание по всем правилам медицинской науки, но больному лучше не стало.

В бреду он то богохульствовал и ругался, то шептал молитвы на латыни. Через неделю скончался от антонова огня. Перед смертью он ненадолго пришел в себя, и экономка еще долго вспоминала, как по лицу отца Иоганна катились крупные слезы.

— Там огонь, Эльза! Негасимый огонь... Я видел его. А теперь я иду туда навечно... — прошептал он.

В ночь перед Рождеством судью фон Шнеевейса разбил жестокий апоплексический удар. Он прожил еще полтора года, пуская слюни, марая простыни и мыча что-то невнятное, пока не скончался в жаркий летний день, подавившись собственным языком. Граф Пургшталь все так же продолжал навещать его молодую жену по воскресеньям. Благородный человек, он так сочувствовал горю бедной женщины!

Видать, его сочувствие привело к тому, что спустя полгода после смерти мужа кроткая белокурая Эдельберта родила мальчика. Ребенок унаследовал имя и состояние судьи и орлиный нос и рыжие волосы графа.

Атенштадт окончательно проигрался в карты. После того как охота на ведьм мало-помалу пошла на убыль (курфюрст баварский Людвиг, обеспокоенный, что, если так пойдет и дальше, в городе Аугсбурге не останется ни одной женщины, распорядился запретить допросы под пыткой в своих владениях и давать каждому оговору формальный ход), денежный ручеек, питающий пагубную страсть, стал иссыхать. А денег, как назло, требовалось все больше — в игре пошла сплошная черная полоса.

Пришлось продать дом, чтобы покрыть хотя бы часть долгов. Атенштадт потерял место в магистрате, почет и уважение соседей и друзей, но влечение к азартным играм не оставляло его. Когда жители Аугсбурга стали шарахаться от бывшего помощника судьи, как от зачумленного, он бежал в портовый город Гамбург, где всегда немало ошивалось пришлого люда.

Там Атенштадт вскоре опустил окончательно. Вряд ли кто-нибудь из

прежних знакомых сумел бы узнать почтенного члена судейской коллегии в грязном оборванце с лихорадочным блеском в глазах. Он стал завсегдатаем притонов в порту, где игра нередко заканчивалась потасовкой, а то и ударом ножа.

Как раз накануне праздника Воскресенья Христова, когда все добрые христиане приходят в храм, дабы очиститься от грехов, в таверну «Старая черепаха», где в это время шла азартная игра, пришел высокий бледный господин, одетый во все черное. Не говоря ни слова, он сел за стол и бросил перед собой горсть золотых монет.

Все, кто был в тот час в таверне: пьяные матросы, раскрашенные портовые шлюхи, пронырливые личности неопределенного рода деятельности, сам трактирщик — потом говорили, что при виде странного гостя почувствовали необъяснимый страх. Даже собака забилась в угол и тихо скулила. Никто не осмелился подойти и заговорить с незнакомцем.

Атенштадт сидел в углу и тянул из кружки кислое пиво. Как раз вчера он снова проигрался в пух и прах. Будь проклята эта полоса невезения... Он завистливо косился на золото, призывно блестящее при свете тусклой сальной свечки, но подойти не смел. Когда незнакомец обернулся, Клаус вздрогнул от неожиданности.

— Эй ты! Сыграем?

— С радостью, милостивый господин! Но мне нечего больше поставить...

— Если выиграешь, заберешь все это. А если нет — пойдешь со мной.

Усилием воли Атенштадт подавил внутреннюю дрожь и сел к столу.

— Сдавай! — незнакомец протянул колоду.

Сердце радостно затрепетало в груди бывшего судейского чиновника.

За время, проведенное в притонах, он научился некоторым маленьким хитростям. Этот странный господин, похоже, ничего не смыслит в игре, а золото — вот оно! Неужели наконец-то настал долгожданный миг удачи?

Пока Клаус тасовал и сдавал карты, руки слегка дрожали от возбуждения. Вот так... Так... И так... Открыл свои карты, побледнел и закусил губу до крови.

Он ушел с бледным незнакомцем в черном, и больше его никто никогда не видел.

Писец Йозеф Шнайдер пропал из города в ту же ночь, когда Доденхайм умер в застенке. Что с юношей стало дальше, никто не знал...

А через двадцать лет в Эльзасе объявился ученый монах Лафатер. Он был весьма сведущ в богословии, но вот странность — ни один монастырь или университет не числил его в своих учениках. Зато написанный им трактат «О нечисти, нежити и злобе сатанинских духов» надолго пережил своего создателя, и люди просвещенные часто ссылались на сей труд, доказывая необходимость более тщательного рассмотрения аргументов против обвиняемых в колдовстве.

Книга, о которой так беспокоился ученый аптекарь перед смертью, исчезла бесследно. Пройдет более трехсот лет, пока она не обнаружится за тысячи миль от города Аугсбурга самым неожиданным образом...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СКРЫТО — НЕ ЗАБЫТО

Глава 1 Узел судьбы

Россия, Москва, год 1992

Над городом стояла ночь. Луна напоминала огромное всевидящее око. Запахи нагретого за день асфальта и бензиновых выхлопов мешались с тонким ароматом свежей зелени и влажной земли. Был канун весеннего равноденствия — колдовской ночи, когда духи неба и земли празднуют вечное возрождение жизни.

Далеко за чертой Москвы, вдали от городского шума, не затихающего ни днем ни ночью, от огней и неоновых реклам, светились окна в большом добротном кирпичном особняке, окруженном высокой оградой. Странный это был дом, и странные люди там собирались.

Сегодня у них было очень важное дело. Окна зашторены наглухо, чтобы ничего из происходящего внутри не досталось постороннему глазу. Да и не ходят здесь чужие, нечего им тут делать. Дом стоит в лесу, а до ближайшей деревни километров двадцать, не меньше.

Просторная, свободная от всякой мебели комната освещена четырьмя масляными светильниками, подвешенными к потолку. В их тусклом мерцающем свете фигуры людей в длинных черных одеждах с надвинутыми на лицо капюшонами кажутся призрачными, нереальными. Эти фигуры образовали правильный круг. Люди молчат и не двигаются, но их воля и разум, их внутренняя энергия создают конус силы чудовищного напряжения. В центре этого круга, рядом с маленькой бронзовой жаровней, испускающей легкий, странно пахнущий дымок, стоят еще двое — мужчина и женщина. На них были такие же одежды, но капюшоны откинута и лица открыты.

Длинные черные волосы девушки, свободно падающие почти до талии, придерживает только узкий ремешок на лбу. Глаза ее закрыты, руки свободно повисли вдоль тела, тонкое бледное лицо ничего не выражает. Раскачиваясь из стороны в сторону, она поет нескончаемую песню на древнем языке, неизвестном почти никому из живущих.

И кажется, нет в мире больше ничего, кроме этого тихого, душу и кровь ледящего пения.

Мужчина высок и крепок. Возраст его трудно определить, но до старости ему явно еще далеко. Светло-русые волосы и борода придают ему сходство с древним викингом. Ярко-синие глаза смотрят твердо. В противоположность девушке, он неподвижен, только его руки, тонкие и белые, двигаются в такт пению. Одну за другой они сплетают и завязывают в узлы какие-то разноцветные веревочки.

Этот странный обряд продолжается бесконечно долго. Наконец точным резким движением мужчина связывает концы веревочек крепким узлом и швыряет их в жаровню. На краткий миг вспыхивает яркое голубое пламя, потом гаснет.

Только луна по-прежнему плывет над миром, да еще людям, чьи судьбы

сплелись сейчас колдовским узлом, не дано спать в эту ночь.

Глава 2

Катя

Катя Ключевская не спала, хотя было далеко за полночь. Только что ей позвонил Вадим. На часы он никогда не обращал внимания, но Катя не сердилась на него. Она была по уши влюблена и потому счастлива слышать любимого в любое время дня и ночи.

Всегда, сколько Катя себя помнила, в доме звучали бардовские песни. Вместо колыбельной она засыпала под голос Окуджавы, призывающий всех присутствующих срочно взяться за руки.

Катины родители были типичными шестидесятниками. Они познакомились на вступительных экзаменах в институте, а поженились на следующий день после получения диплома. Обожали выезды на природу с гитарами и палатками, бесконечные посиделки на кухне, разговоры о политике и литературе (в основном не одобряемой официально).

Несмотря на прожитые вместе долгие годы, родители восторженно и влюбленно смотрели друг на друга и не менее восторженно, но с некоторым удивлением — на подрастающую дочь. Катя уродилась, что называется, ни в мать ни в отца, и скоро начала смотреть на них как на любимую, знакомую, вдоль и поперек прочитанную книгу.

И только один раз Катин отец по-настоящему поразил ее. Это было очень давно, в конце семьдесят девятого года. Москва готовилась к новогодним праздникам. У Кати они всегда ассоциировались с запахом мандаринов, шуршащей елочной мишурой, бутылками шампанского для взрослых, а главное — с тем особенным, радостным возбуждением, которое каждый раз обещает что-то новое, необыкновенное, что обязательно должно сбыться в наступающем году...

И вдруг по телевизору проскочило невнятное сообщение о вводе советских войск в Афганистан. Катя даже испугалась, когда увидела окаменевшее лицо отца.

— Что случилось, папа? Тебе плохо?

— Нет, ничего, Котенок, все в порядке.

— Пап, ну я же вижу. Ты мне сам говорил, что врать нехорошо.

— Ладно, иди сюда, — отец ласково привлек ее к себе и усадил на колени. — Понимаешь, Котенок, случилось кое-что действительно плохое. Нельзя устанавливать свои порядки в чужой стране, тем более в такой. Хоть бы Киплинга почитали... Боюсь, это плохо кончится и для нас, и для них.

— Папа, но ведь всегда можно что-то сделать!

— Нет, Котенок, не всегда. Но знаешь, если ничего нельзя изменить, надо все знать, все видеть и не дать себя обмануть. Конечно, ты еще маленькая для таких разговоров, но я думаю, со временем ты все поймешь.

Этот разговор Катя запомнила навсегда. Позже она действительно поняла, как важно видеть только то, что видишь, а не то, что тебе предписано, или то, что хотелось бы.

Время шло. После школы Катя сумела пробиться в иняз и считалась там если не блестящей, то весьма способной студенткой. В общем, жизнь текла ров-

но, спокойно и почти счастливо.

Но летом девяносто первого года пьяный водитель КамАЗа смял в лепешку старенький «москвич» с Катиными родителями.

Катя осталась совершенно одна, к тому же грянули всем известные перемены. Скромные сбережения ушли на похороны и поминки, родственников не осталось, а многочисленные друзья-приятели папы с мамой и сами оказались растерянными и испуганными, как дети, столкнувшись с неласковым оскалом рыночной экономики. Словом, о продолжении учебы на дневном отделении не могло быть и речи.

Катя совсем было упала духом, но, как это часто бывает, помощь пришла с совершенно неожиданной стороны...

Когда-то у Катиного папы был приятель Сема Гольдберг. В своем диссидентстве он пошел чуть дальше кухонных разговоров — по ночам размножал на ротапринте в родном НИИ солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» и продавал желающим по двадцать пять рублей. Случись такое раньше, Сема, конечно, познакомился бы с ГУЛАГом лично и сгинул бы в его бездонных недрах, но времена были уже не те. К тому же у Семы имелся официально оформленный вызов в Израиль — так, на всякий случай...

Он благополучно отбыл на историческую родину, как водится, до нее не доехал и обосновался в Нью-Йорке. Когда на прежней родине задули ветры перемен, Семен Яковлевич Гольдберг вернулся туда уже как американский гражданин, стал бойко скупать по бросовым ценам все, что плохо лежит, и продавать на Западе уже по ценам мирового рынка.

При всей своей акульской хватке Семен Яковлевич был не чужд некоторой сентиментальности и охотно взял на работу дочь погибшего друга, учитывая, конечно, Катин почти совершенный английский и вполне пристойный немецкий.

Таким образом, состоялась взаимовыгодная сделка. Семен Яковлевич получил грамотного, толкового и преданного сотрудника, а Катя — интересную, хорошо оплачиваемую работу и к тому же гарантию от многих неприятных моментов, с которыми, как известно, сопряжена профессия секретаря-референта.

И вот однажды в промозглый и слякотный ноябрьский вечер Катя возвращалась домой. Возле нее вдруг затормозила красная «девятка» и незнакомый красивый парень предложил подвезти. Катя прекрасно знала, какими неприятностями могут быть чреваты подобные ситуации, но... Ей показалось, что этого человека она ждала всю свою жизнь. Вадим довез ее до самого дома, был очень мил и деликатен, робко попросил телефончик.

Конечно же, они стали встречаться. Вадим часто и охотно водил ее по ресторанам, делал подарки, при случае мог подкинуть денег на модную тряпку. «Ты покупай сама, я все равно в них ничего не понимаю», — говорил он.

Но для самой Кати важнее было другое — Вадим уважал ее, считался с ней, живо интересовался ее работой.

Завтра начинаются длинные майские праздники. Хорошо понимая предпраздничное настроение своих сотрудников, мудрый Семен Яковлевич решил распустить их на день раньше. «Лучше пейте дома, чем на рабочем месте», — любил повторять он.

Катя улыбнулась. Пить она не любит и не умеет, но впереди почти две недели свободы! Правда, завтра ей предстоит небольшое дело: Вадим просил

отвезти деньги для своего компаньона. За этим, собственно, и звонил так поздно. Этот компаньон Кате совершенно не нравится. Смотрит зверем, и по роже видно — бандит. Но Вадим так просил! Завтра у его важное дело, а деньги надо отдать срочно. Да и чего бояться? Ее отвезет Ринат, он же доставит обратно. Кроме того, Кате было приятно, что любимый человек доверяет ей даже больше, чем своему другу. Вадим сказал, что Ринату про деньги лучше не говорить.

А вообще-то надо поспать. Завтра будет длинный день. Утром Катя собиралась отправиться на Измайловский рынок. У подружки Наташи через неделю день рождения, и хорошо бы поискать что-нибудь для нее. Наташа замужем за бизнесменом, дорогим подарком ее не удивить, а вот от какой-нибудь оригинальной безделушки наверняка придет в восторг.

Вечером поедет к Вадиму. Потом надо будет выполнить его поручение, а потом... Вадим обещал, что они пойдут куда-нибудь потанцевать.

Наверное, это будет ночной клуб. Катя уже представляла себе, как будет двигаться под музыку в объятиях любимого, как после этого они поедут к нему домой. И как будут любить друг друга всю ночь.

Все будет просто прекрасно!

Глава 3

Сергей Петрович

На другом конце города в тесной хрущевке на узком диване лежал без сна старик. Когда-то он был мужем и отцом, но уже много лет его некому было так называть.

Большую часть своей жизни Сергей Петрович Старков был очень одиноким человеком. Закончив институт, тихо инженерил в небольшом НИИ. Работа состояла в бесконечном переписывании прошлогоднего вранья и составлении планов такого же вранья на будущий год.

Со временем Сергей Петрович пристрастился к весьма необычному хобби — изготовлению ювелирных поделок из серебра, благо его запасы в родном НИИ были практически неконтролируемыми. Сергей Петрович занимался этим больше для собственного удовольствия, чем для заработка. Просматривал книги, каталоги, альбомы по искусству. Он стал очень неплохим специалистом, обладал тонким вкусом, хорошо чувствовал стиль. Знакомые охотно обращались к нему, когда требовалось нечто оригинальное и необычное.

Так и текла его жизнь медленно и ровно до тридцати пяти лет. К этому возрасту Сергей Петрович превратился в закоренелого старого холостяка, был застенчив, близорук, неловок, обществом других людей тяготился, никаких перемен для себя не ждал. И вдруг...

Любовь, конечно, всегда приходит неожиданно, но как могла болезненная задумчивая некрасивая девушка разбудить подобные чувства — непонятно. Ира работала в каком-то машбюро, любила поэзию и природу и к своим двадцати семи годам утратила всякую надежду выйти замуж. Сергей Петрович тогда сильно активизировал ювелирную деятельность — денег стало требоваться больше, смотрел на Иру преданными собачьими глазами, старался угадывать все ее желания и чувствовал себя так, будто получил прекрасный и незаслуженный подарок. И уж совсем невозможное счастье принес тот день,

когда Ира, смущенно улыбаясь, сообщила, что беременна.

Володька родился здоровым, крепким и крикливым. Увидев его впервые, Сергей Петрович понял, что никого и ничего ближе и дороже этого комочка, завернутого в голубое одеяльце, у него нет. Даже Ира, по-прежнему любимая, как-то отошла на второй план. После родов она долго болела, и Сергей Петрович стал и отцом, и матерью для своего сына. Сам купал, кормил, укладывал спать.

Потом Володька стал подрастать, и родители не успели оглянуться, как сын вымахал в здорового красивого парня. Он был веселым, общительным, хорошо разбирался в технике, играл на гитаре. Сергей Петрович часто недоумевал, как могли они, двое серых мышат, произвести на свет такого сына.

Беда пришла осенью восемьдесят шестого года.

Володя только окончил первый курс и сразу попал под осенний призыв в армию. Сергей Петрович навсегда запомнил лицо сына в тот день, когда они прощались на вокзале, — открытое, радостное, родное лицо.

— Папа, мама, не грустите, я скоро вернусь, — крикнул Володя из окна вагона.

Сначала он служил в Азербайджане, писал веселые письма, словно был не в армии, а в турпоходе. Что-нибудь там про красоты природы, про горы, про новых товарищей...

Ира спускалась к почтовому ящику по четыре раза на день, но каждый раз бледнела лицом, вынимая сероватый конверт без марки. «Будто с войны... — шептала она. — Мама от отца сперва треугольнички получала, а потом вот в таком же конверте — похоронку». И тут же, прямо на лестнице, спешила распечатать письмо, увидеть знакомый почерк, впиться взглядом в каждую букву. Как будто удостовериться хотела, что Володька жив-здоров и с ним все в порядке.

Вначале письма приходили регулярно, но потом в части случилась какая-то непонятная история, и Володя попал в Афганистан.

А еще через месяц — погиб. Он действительно вернулся домой скорее, чем они ожидали.

У Сергея Петровича было такое чувство, что небо расколосось и земля ушла из-под ног. Цинковый гроб, хлопоты с похоронами, поминки — все прошло будто в тумане, в полусне. В памяти остался почему-то только толстый военком, который привез гроб. Он много ел, много пил и все призывал «поменьше голосить и вообще не драматизировать».

А никто и не голосил. Сергей Петрович вообще, кажется, не проронил ни слова. Только смотрел на длинный цинковый ящик с телом своего мальчика, как будто хотел сквозь металл в последний раз увидеть родное лицо.

У него оставалась еще Ира, но это было еще тяжелее. После того как пришло известие о смерти сына, она не кричала, не плакала, не искала сочувствия у окружающих. Она просто закончилась, перестала существовать. Ира теперь смотрела на мир пустыми, тусклыми, безжизненными глазами. Жила, как заведенный автомат, — вставала по утрам, шла на работу, где ею были очень довольны — печатать она стала еще быстрее и безошибочнее, чем раньше, возвращалась домой, бестолково топталась на кухне, пытаясь что-то приготовить, причем нередко в суп сыпала сахар, а в чай соль, потом принимала снотворное и шла спать.

И только один раз, спустя два года после Володиной смерти, Сергей Петрович проснулся среди ночи и обнаружил с удивлением, что Иры рядом нет.

Из-под двери в комнату сына пробивалась тонкая полоска света. Он подошел ближе, осторожно заглянул внутрь да так и ахнул. Жена разложила по комнате одежду сына, просматривала его школьные тетрадки, будто надеялась найти там что-то важное. Сергей Петрович бросился к ней, обнял, прижал к себе, пытаясь утешить, говорил какие-то нежные жалкие слова, в которые сам не верил.

Наконец Ира немного успокоилась и затихла в его объятиях, продолжая всхлипывать, как обиженный ребенок. Утешая ее, Сергей Петрович сам не замечал, что по его щекам текут слезы.

Так они и просидели всю ночь на диване среди разбросанных по комнате вещей сына, плача и обняв друг друга. Одежда, книги, тетради, старые игрушки их мальчика казались теперь такими же мертвыми, как и он сам.

Как будто из них тоже ушла жизнь.

После той ночи Ира прожила недолго. Сердечный приступ успокоил ее навсегда. Придя домой с работы, Сергей Петрович застал ее мертвой на диване и увидел, что она улыбается — впервые за долгие месяцы.

Оставшись в одиночестве, Сергей Петрович окончательно замкнулся в себе. Равнодушно вышел на пенсию, когда подошел его срок, и был даже рад, что больше не надо общаться с сослуживцами, выслушивать их назойливые соболезнования и отвечать на идиотские вопросы. Шли годы, менялась жизнь, круто менялась. Рухнула система, которая казалась незыблемой, кончилась грязная и кровавая война, которая отняла его мальчика, потом полки магазинов запестрели импортным изобилием, а деньги превратились в труху.

Ему было все равно. У стареющего одинокого и очень несчастного человека осталось только одно желание — еще раз увидеть сына, хотя бы во сне. Поговорить с ним, вымолить прощение за то, что не сумел уберечь. Но Володя все не приходил. По большей части Сергей Петрович мучился бессонницей и только под утро проваливался ненадолго в беспокойный, тяжелый и тревожный сон.

И вот по ночам, когда накатывали тяжелые мысли и воспоминания, Сергей Петрович стал все чаще возвращаться к любимому делу, которое в прежние, счастливые времена давало возможность сводить концы с концами. Сергей Петрович убеждал себя и немногочисленных старых знакомых, что изготовление серебряных украшений помогает прожить на нищенскую пенсию инженера в условиях бешеной инфляции.

Это было правдой лишь отчасти. Деньги его больше не интересовали. Он любил свое дело, и это было последнее, что у него осталось.

В окно лился холодный лунный свет. Поняв, что заснуть все равно не удастся, Сергей Петрович поднялся с постели и включил лампу. Ну и что дальше? Почитать, что ли? Он пробежал взглядом по книжным полкам. Когда-то он здорово пополнил свою библиотеку за счет книг, которые тоннами свозились в макулатуру. Сведя близкое знакомство с работниками склада вторсырья, Сергей Петрович за бутылку водки или небольшую денежную мзду легко получал туда свободный доступ.

Среди огромных отвалов мусора иногда попадались просто бесценные экземпляры. Например, лет двадцать назад по чьему-то недосмотру там оказа-

лись совсем уж редкие книги, которые были вывезены из Германии еще после Второй мировой войны. Зачем — неизвестно, после войны победители тащили что ни попадя, случалось и не такое. Например, один политработник, а по совместительству военный корреспондент долго таскал за собой тяжеленную печатную машинку «Ундервуд» с широкой кареткой. Потом, уже в Москве, вдруг оказалось, что она печатает слова справа налево.

В общем, книги долго пролежали в каком-то хранилище, потом кем-то были списаны и подлежали уничтожению. Сергей Петрович иностранных языков не знал, но кожаные тисненые переплеты, старинная веленевая бумага, готический шрифт и непонятные, но красивые рисунки, выполненные тонкими черными линиями, внушали невольное уважение.

Таким образом, три старинных толстых фолианта были спасены от уничтожения и заняли свое место в библиотеке скромного советского инженера.

Ну откуда ему было знать, что это бесценные рукописные гримуары четырнадцатого века? И среди них — единственный, последний экземпляр знаменитой книги Киприана? После смерти монаха Лафатера он долгие годы пролежал в тайных запасниках монастырского хранилища, а вот теперь, после войны, оказался в России.

Но есть вещи, которые не могут просто лежать. Они сами выбирают время, и тогда появляются люди, которые нужны для работы этим вещам или силам, заключенным в них.

После смерти жены в квартире Сергея Петровича царил привычный беспорядок. Разыскивая себе что-нибудь почитать, он случайно задел причудливую, винтом завернутую стопку книг, которая и так держалась на честном слове. Пришлось подбирать книги с пола.

Одна из старинных немецких книг оказалась раскрытой. На пожелтевшей от времени странице Сергей Петрович вдруг увидел рисунок настолько редкого по красоте медальона, что так и замер.

Эта вещь просто завораживала. Захотелось сделать ее прямо сейчас, немедленно, ведь заснуть все равно не удастся, можно попробовать хотя бы занять себя.

Никогда еще работа не шла так легко и споро. Медальон получился еще красивее, чем в старой книге. Сергею Петровичу даже показалось, что украшение испускает какое-то голубоватое сияние.

Он еще раз полюбовался своим изделием. Такая красота, даже жаль будет расставаться. Но что поделаешь, не самому же носить.

Разнообразных побрякушек, изготовленных в часы бессонницы, скопилось уже довольно много, а пенсия еще не скоро. Надо будет завтра выйти с ними на рынок. Деньги, конечно, не главное, но жить-то надо.

Будет лишний повод хоть ненадолго уйти из дома и занять себя чем-нибудь.

Глава 4

Магомед

Магомед Ходжаев тоже не спал всю ночь. Близкое полнолуние растревожило и его. Волком хотелось завывать на луну... Тем самым волком, что на чеченском знамени.

Магомед родился в ссылке, в маленьком шахтерском поселке недалеко от Караганды. До сих пор помнится ему пыльная, продуваемая всеми ветрами, неприютная степь.

Когда чуть-чуть подрос, слушал и запоминал рассказы старших о том, как целый народ везли через всю страну в телячьих вагонах. Как выбрасывали под откос трупы тех, кто не выдержал дороги. Как уже здесь, в Казахстане, издевался над ссыльными комендант Юдин...

Маленький Магомед слушал — и впитывал, впитывал в себя, как губка, горе и злобу своего народа.

Потом умерла мать. Работа откатчицы в шахте не способствует здоровью и долголетию, и Асет Ходжаева скончалась за неделю до своего двадцать девятого дня рождения. Магомеда отправили к родственникам, жившим в Чуйской долине. Уже в те времена многие оборотистые людишки ездили туда за коноплей. Людишек, конечно, ловили, но у чеченцев они часто могли найти приют и защиту, ибо они были преступниками, врагами государства, а чеченцы жили по принципу «враг моего врага — мой друг».

Время шло. Для подрастающей чеченской молодежи героями становились бандиты, воры, грабители и убийцы. Банда Ахмеда-Маргелы, еще в шестидесятые годы наводившая ужас на среднеазиатских зубных техников, стала легендой в устах подростков.

Потом началось возвращение на историческую родину. Тогда чеченский криминалитет уже превратился в мощную силу, которая до поры ждала своего часа.

И, как известно, дождалась. Грянул девяносто первый год. До этого времени бешеный нрав Магомедовых соплеменников знали только те, кому довелось служить в армии или сидеть в тюрьме.

После — узнали все остальные. Будет еще и первая, и вторая чеченская война, и Грозный превратится в мертвый город, разбитый бомбежками и артобстрелами, и русские матери снова будут получать похоронки на своих мальчиков, гибнущих в мирное вроде бы время, а пока джиган еще только-только вырвался на свободу.

Жить стало легко и вольготно. Связи вплоть до высших российских кругов обеспечивали надежную защиту. Магомед отправился в Москву «гонять воздух». Афера с фальшивыми авизо легко приносила большие деньги. Правда, для прикрытия такой деятельности часто бывает нужен русский Вася — должен же кто-то быть директором подставной фирмешки, расписываться в бумагах и ставить печать!

Но это как раз не проблема, чего другого, а дураков здесь всегда хватало. Хуже то, что деньги на этот раз девались неизвестно куда. Ладно, разберемся. Этот самый Вадик выглядит как побитый щенок. Деньги он теперь пусть хоть родит, а достанет. Шакал этот Вадик, одно слово. Бабу свою внаем сдает, чтобы

шкуру убережь. Да, завтра будет весело. Телка того... Гладкая. Магомед сладко потянулся в предвкушении удовольствия. Не так ему нужна была Катя, как хотелось еще раз насладиться унижением и покорностью Вадима, раз уж так получилось, почему бы не попользоваться?

Надо сказать, что услугами профессиональных проституток Магомед пользовался крайне редко. Молоденькие, красивые и глупые русские девочки были куда слаще. И лучше приезжие, чтобы в случае чего искать было некому. Сначала — себе, потом — своим мальчишкам, потом — еще что-нибудь, смотря по настроению.

Конечно, мимолетные Магомедовы подружки не знали, что многим из них придется либо удобрить собой кусок близлежащего болота, либо превратиться в тупые забитые существа, полностью лишённые разума и воли. Даже те, кому повезло вернуться домой, не скоро приходили в себя.

Магомед искренне считал, что все его жертвы недостойны никакого уважения, и в собственных глазах был морально безупречен. Накопленная годами злоба требовала выхода, и теперь он наслаждался местью.

Всем.

Глава 5

Том Хартли

А очень далеко от России, на американском континенте, было уже утро. Над небольшим городом в штате Нью-Гемпшир медленно и лениво вставало солнце. Том Хартли, преуспевающий белый американец тридцати двух лет от роду, торопился на работу, и настроение у него было хуже некуда.

Том был менеджером в небольшой компьютерной фирме. Его босс, Питер Блум, когда-то жил в Нью-Йорке и познакомился там с русским евреем Сэмом Гольдбергом. Тогда Сэм был нищим эмигрантом, существовал в основном на пособие, именуемое вэлфером, но все же не унывал, веры в себя не терял, прокручивал мелкие гешефты и строил наполеоновские планы. Теперь, когда в России все изменилось, Сэм вернулся туда уже как американец, открыл свое дело и принялся бомбить всех прежних знакомых предложениями о сотрудничестве. Питера он соблазнял огромным вновь открывающимся российским рынком, где о компьютерных технологиях пока знают лишь понаслышке. Питер решил, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и Том отправился в командировку в Москву.

Это было примерно полгода назад. В течение месяца Том добросовестно изучал положение дел, и, вернувшись обратно, доложил свои соображения. Он считал, что рынок сбыта в России действительно есть, но бизнес настолько криминализован, а сами русские настолько непредсказуемы, что иметь с ними дело крайне рискованно. Кроме того, контора Сэма показалась ему очень подозрительной, а его самого Том искренне считал просто старым жуликом.

Единственным приятным впечатлением от Москвы стала Кэт, по-русски Катя, работавшая у Сэма переводчицей. Она хорошо говорила по-английски, была очень мила, приветлива и корректна, но на предложение Тома поужинать вместе и вообще познакомиться поближе ответила вежливым отказом. Тома это несколько удивило, потому что обычно русские красавицы охотно

шли на интимное общение с иностранцами — кто за деньги, а кто и просто так, за призрачную возможность найти богатого мужа. Том быстро оставил свои притязания, но почему-то до сих пор не мог забыть девушку.

Мысленно он называл ее Пусси Кэт. Катя действительно была похожа на веселого котенка, часто смеялась, но иногда, задумавшись, становилась просто прекрасной. В такие минуты Том видел в ее лице такое редкое сочетание нежности и отваги, что хотелось схватить ее в охапку, увезти навсегда из грязной, голодной, сверкающей фальшивыми огнями Москвы, любить и оберегать от всего на свете.

Теперь ему снова предстояла утомительная и, скорее всего, безрезультатная поездка. Почему-то все деловые переговоры у русских сопряжены с таким тяжелым и беспробудным пьянством, что прийти в себя удастся не скоро.

Конечно, он снова увидит Катю, но от этого будет только хуже. Приходится признать, что он ей не нужен, а материальными благами и обещанием сытой спокойной жизни ее не купишь. Эх, будь оно все проклято!

Том спокойно и уверенно вел машину по тихой, сонной улице своего городка. Неизвестно откуда на дорогу вдруг выскочила большая рыжая кошка. Том любил животных и не хотел начинать свой день с убийства беззащитной твари. Он резко ударил по тормозам и успел остановиться как раз вовремя. Кошка была всего лишь в полуметре от машины.

Том посидел немного, стараясь унять нервную дрожь в руках, потом вышел из машины, чтобы отнести животное в безопасное место. Почему-то кошка не убегала и вообще не казалась испуганной. Она спокойно и уверенно стояла посреди дороги и смотрела в упор огромными изумрудно-зелеными глазами. И на какой-то момент Тому показалось, что на него смотрит совершенно разумное существо.

Существо, которое нуждается в помощи.

Кошка не далась в руки. Всего лишь раз она благодарно ткнулась головой в ладонь, потом развернулась и гордо, удалилась.

Том снова сел за руль. Он был вполне доволен собой, но его настроение резко изменилось. Теперь ему хотелось отправиться в эту дурацкую деловую поездку. Он точно знал, что практических результатов это не принесет, но его собственная жизнь должна круто измениться, и не обязательно в худшую сторону. Он был спокоен и уверен, что все идет так, как нужно.

И только одна смутная мысль не давала покоя. Откуда, черт возьми, взялась на дороге эта кошка? Том не был специалистом, но кошка была ухоженная, дорогая, явно породистая. Такие стоят бешеных денег. Эта киска вполне могла быть балованным домашним сокровищем какой-нибудь обеспеченной леди. Том давно жил на своей улице и хорошо знал всех соседей.

Ни у кого из них такой кошки не было.

Глава 6

Карты знают правду

Ночь прошла.

В красно-кирпичном доме недалеко от Москвы все выглядело совсем по-другому. Как будто и не собирались там странные люди, не было никаких магических обрядов, не струился над жаровней синеватый дымок и черноволосая ведьма не раскачивалась в такт словам древнего заклинания.

Сказки все это, граждане.

Комната, освещенная солнцем, казалась уютной и мирной. Дородная, все еще красивая женщина средних лет сидела за столом. В руках у нее была колода карт, которые сейчас она сосредоточенно раскладывала в ей одной ведомом порядке.

Пасьянс, что ли?

Нет, вряд ли. Слишком уж женщина была серьезна. Карты совсем не напоминали те, которыми режутся в подкидного дурака. Да и бормотала женщина что-то непонятное:

— Добрый и строгий человек... Это хорошо. Подарок... Значит, талисман перейдет из рук в руки так, как нужно. Предательство... Катастрофа, пожар... Люди, люди!

Прежде чем перевернуть последнюю карту, она помедлила. Очень важно, кто будет посланником. Наконец, перевернув ее, женщина улыбнулась. «Сила — дочь огненного меча», — прошептала она.

На карте была изображена молодая девушка с огненно-рыжими волосами, без всякого усилия удерживающая разъяренного льва. Волосы ее были заплетены в короткую косу, правая рука и правая грудь обнажены, над головой витал знак бесконечности.

Значит, все правильно. Остается только ждать ночи.

Глава 7

Талисман

Кате не удалось выспаться, но встала она очень рано. Утро было теплым и ласковым, впереди длинный интересный день, что еще нужно человеку?

Она быстро натянула джинсы, тонкий свитерок, чуть подкрасила глаза и позавтракала перед включенным телевизором. Со времени смерти родителей Катя так и не привыкла есть в одиночестве, а такая компания все же лучше, чем никакой.

На экране развеселые девушки то признавались в вечной любви какому-то бухгалтеру, то собирались навсегда покинуть пределы необъятной родины.

Сбегая по лестнице, Катя напевала себе под нос привязавшуюся мелодию: «Американ бой, уеду с тобой, уеду с тобой, Москва, прощай...» Да уж, американ бой — воплощенная мечта всех московских кошелок. Может, где-нибудь в родном Техасе или Висконсине он полный лузер, но здесь, в Москве, просто принц!

Конечно, среди американцев тоже попадаются неплохие люди. Катя вспомнила Тома Хартли, который приезжал к ним на фирму еще перед Новым годом. Том был приятным парнем, Катя чувствовала, что очень нравится ему, но у нее уже был Вадим. И потом... Ей совершенно не хотелось пополнять ряды дешевых русских красоток, глядящих жадными глазами на каждого заезжего кавалера. Может, у него дома жена и пятеро детей, так почему бы не развлечься в деловой поездке, тем более что в Москве предложение по этой части намного превышает спрос. Да бог с ним, с Томом, себя Кате упрекнуть не в чем, а за других она не отвечает. И вообще, лучше не заводить романы на работе, так жить проще.

На Измайловской ярмарке Катя быстро нашла подарок подруге. Массивный браслет в виде китайского дракона с бирюзой во рту наверняка ей понравится. К тому же торговка бойко вытащила пачку листов бумаги, отпечатанных на плохом ксероксе, и принялась уверять, что этот самый дракончик непременно принесет своему обладателю счастье, здоровье и еще много хорошего. Наташа в последнее время увлеклась восточной философией и даже ремонт в квартире затеяла делать не абы как, а в соответствии с принципами «фэншуй», приведя этим в полное недоумение бригаду молдаван-отделочников.

Времени оставалось еще много и Катя решила просто прогуляться по рядам, тем более что вокруг было много интересного.

Среди прочих безделушек Катя увидела серебряный медальон удивительной красоты. Она и сама не могла бы объяснить, почему он ей так понравился, но сочетание причудливо изогнутых завитушек и затейливой гравировки выглядело на редкость законченным и гармоничным. Это была та вещь, которую ей действительно захотелось иметь.

Катя взяла медальон в руки, любуясь совершенством формы. Какая жалость, что больше нет денег! За такую прелесть наверняка запросят много. Катя искоса взглянула на продавца — седого, грузного, бедно одетого пожилого человека. Его глаза, плавающие за толстыми линзами очков, показались ей добрыми и печальными. «Бедненький... Трудно, наверное, сейчас прожить. И

вид у него такой интеллигентный... Мой папа был такой же. Каково ему теперь стоять на рынке! Ну ничего, я заплачу, сколько он скажет, лишь бы согласился отложить эту штуку хотя бы на полчаса. Вот только сейчас примерю ее...»

Катя накинула на шею тонкую цепочку. Медальон показался странно теплым, как будто перед этим кто-то долго держал его в руках. Но главное... От мысли, что его придется снять и отдать обратно, стало не по себе.

Налюбовавшись, Катя подняла руки, чтобы снять медальон. Но не тут-то было — прядь ее вьющихся волос непонятным образом накрепко переплелась с цепочкой. Покраснев от смущения, Катя тянула и дергала ее изо всех сил. Продавец сочувственно наблюдал за ней.

Сергею Петровичу было жаль эту рыженькую симпатичную девушку. У бедняжки был такой вид, будто она вот-вот заплачет. Ее волосы запутались крепко, а предложить свою помощь он не решался. За годы одиночества совсем отвык от общения с людьми, да и чувствовал себя сегодня далеко не лучшим образом. Болела голова, перед глазами мелькали мушки.

Только болезненным состоянием и можно объяснить то, что случилось дальше. Все окружающее куда-то исчезло. Солнечное теплое утро вдруг превратилось в серые сумерки. С расстроенного лица незнакомой девушки на Сергея Петровича смотрели глаза сына. Как будто его мальчик, убитый много лет назад, на краткий миг вернулся обратно.

Вернулся, чтобы попросить о чем-то.

Видение продолжалось несколько секунд, не больше. Вокруг так же шумел базар, солнце светило еще ярче, а девушка так же безуспешно пыталась снять медальон.

— Извините, я сейчас, — бормотала она.

Сергей Петрович принял решение. В конце концов, до пенсии он как-нибудь перебьется, а денег ему с собой в могилу не взять.

— Скажите, деточка, вам нравится эта вещь?

— Да, очень, я обязательно куплю, только домой схожу за деньгами.

— Знаете что? Давайте сделаем так. Я хочу, чтобы вы взяли и носили этот медальон, а о деньгах говорить не будем.

— Ну как же... Я так не могу.

— Можете, можете, деточка. Сделайте приятное старому человеку. Носите на здоровье и будьте счастливы.

Сергей Петрович быстро собрал свой товар и поспешил уйти с рынка. У него больше не было сил, но в то же время впервые за много лет он чувствовал себя почти счастливым.

Как будто в недалеком будущем ему предстояло что-то хорошее.

Катя отправилась домой. Она была очень смущена и недовольна собой. «Неудобно как-то получилось. Он такой старенький, интеллигентный и беззащитный, а я — нахалка. Надо будет обязательно вернуться и заплатить», — думала она.

Дома Катя переделалась в модное удлиненное платье. Если они с Вадимом пойдут вечером куда-нибудь ужинать и танцевать, то джинсы будут явно неуместны.

«Голубой цвет мне, кажется, идет, — размышляла девушка перед зеркалом, — хотя, зеленый, наверное, был бы лучше».

Сергея Петровича она, конечно, не застала, хотя и долго бродила по рядам. «Ничего, в следующий раз приду. Он, наверное, тут часто стоит», — успокоила себя Катя.

Конечно же, она ошибалась. Больше им встретиться уже не пришлось.

Глава 8

«Сгорите в огне!»

Вадим непривычно суетился и прятал глаза. Таким Катя его никогда еще не видела.

— Катюш, ты сейчас быстренько съездишь и вернешься. Тут совсем недалеко. А у меня это... Дела. Ты извини, ладно? Зато потом сходим куда-нибудь. Хочешь в «Арлекино»? Хочешь — пойдём. Да, и еще вот триста долларов, завтра какую-нибудь эдакую шмотку тебе купим. Ты же у меня умница. Сейчас Ринат приедет. Только ты ему про деньги не говори. Он что-то это... Ненадежен последнее время. Вот «дипломат», сама не открывай, там замок кодовый. Магомед знает.

Слушая болтовню Вадима, Катя с ужасом почувствовала, что все его слова — ложь. В первый раз она посмотрела другими глазами на человека, которого любила. Она затеребила пальцами тонкую цепочку с медальоном, придумывая предлог, чтобы уйти.

Но не успела, да, наверное, и не могла бы успеть. Звякнул дверной звонок. Вадим как будто даже обрадовался, что не надо больше притворяться.

В машине Рината Катя все еще пыталась успокоить себя. Ехать пришлось долго, и она задремала. Ей снилось, что она снова маленькая, родители живы и все хорошо. По комнате развешана елочная мишура, отец поднимает Катю высоко-высоко, под самый потолок, а она визжит и смеется. Папа высокий и сильный, а его руки — самое надежное убежище. Потом он прижимает ее к себе крепко-крепко и шепчет на ухо: «Не дай себя обмануть, котенок. Не дай себя обмануть».

— Вставай, приехали, — услышала она голос Рината.

Катя медленно открыла глаза. Было уже темно, вокруг стоял высокий лес. Большой красивый дом, окруженный забором, показался каким-то зловещим.

— Ты иди, я тебя подожду.

Катя вышла из машины. Калитка оказалась незапертой. До дома надо было пройти всего несколько шагов. Казалось, узенькая, аккуратно вымощенная плитой садовая дорожка жжет ноги сквозь подошвы легких летних туфелек.

Катя поднялась на крыльцо, нажала кнопку звонка, где-то внутри дома простучали шаги... И дверь захлопнулась за ней.

Том летел в самолете. Вообще-то он не склонен был к абстрактным философствованиям, но сейчас думал о том, как легко стало в последние годы преодолевать огромные расстояния. Кто бы мог во времена Колумба и Магеллана подумать, что Землю можно будет обогнуть за несколько часов, дожевывая завтрак и размышляя о своих делах? И кто бы мог подумать всего несколько лет назад, что приехать в Россию можно будет легко и просто? Преграды, созданные людьми, преодолевать сложнее, чем природные.

Сейчас все по-другому. Расстояния сократились, а главное — рушится

незримая стена между людьми, которая делает их врагами и может в конце концов привести к мировой катастрофе, в которой не дано выжить никому.

Даже к своей безответной любви Том начал относиться иначе. Теперь он понял, что любовь сама по себе дар божий, возможность любить — уже счастье. Том радовался, что снова увидит Катю. Пусть он ей не нужен, пусть она любит кого-то другого — это все не важно. Главное, что она есть, и спасибо ей за это. Оказывается, в любви нельзя быть собственником и эгоистом. Отдавая, получаешь больше, а ревность выдумали идиоты. Том собирался сказать Кате об этом, как только увидит, признаться в своей любви без стыда, без страха быть отвергнутым и даже без надежды на взаимность. Пусть она просто знает, что дорога ему и всегда может на него рассчитывать.

Том был бы совершенно счастлив, если бы к его благостным размышлениям не примешивалась тревога за Катю. Почему-то именно сейчас он очень боялся, что с ней случится что-то плохое, что он больше никогда не увидит ее... И что его помощь, любовь и забота уже опоздали.

— Значит, девочка, ты меня обмануть хотела, — обнаружив в «дипломате» пачки резаной бумаги, Магомед даже оторопел немного от такой наглости. Этого сучонка Вадима он теперь на куски порежет... Но сначала вытянет из девчонки всю информацию. — Лоха нашла, да? А знаешь, чем за это расплачиваются?

Катя забилась в угол дивана. Мысли метались, как маленькие испуганные зверьки. После того как она услышала шум мотора удаляющейся машины Рината, никакой надежды уже не осталось. Значит, Вадим действительно подставил ее. Этих бандитов здесь человек пять, и она полностью в их власти.

— Послушайте, Магомед, отпустите меня, пожалуйста. Я ведь и правда не знала, что в «дипломате», — Кате казалось, что лучше оказаться одной в лесу среди ночи, чем оставаться в этом уютном красивом доме. И была совершенно права.

Магомед засмеялся.

— Ваха, — обратился он к одному из своих приспешников, — ты еще видел таких наглых шлюх? Кинуть меня хотела со своим хахалем! И главное, сама-то кто? Дешевая блядь, вон грошовую безделушку на себя нацепила, и сама со всеми потрохами три рубля не стоит, а туда же... Ладно, пора кончать базар, держите ее.

Двое дюжих молодцов легко подхватили девушку под локти, поставили на ноги. Магомед рванул платье на плече.

— Отпустите меня, я же ничего не сделала!

Хлесткий удар в лицо отбросил к стене. Катя ощутила во рту соленый привкус крови. Она поняла, что робким сопротивлением только раззадорила бандитов, и теперь ей уже не спастись.

Никто не заметил, что серебряный талисман у Кати на груди вдруг засветился странным голубоватым светом.

Глаза заволокло тяжелой багровой пеленой, и Катя уже не видела ничего вокруг. Лишь время от времени, словно на экране, возникало то бородатое лицо Магомеда, то молодые и наглые физиономии его помощников, то Вадим, прячущий глаза, с этой ужасной уклончивой улыбочкой, которую она никогда раньше не видела... Все они казались сейчас уже не людьми, а какими-то гад-

кими, скользкими тварями, олицетворяющими человеческие пороки.

Неожиданно для себя Катя почувствовала, как тело наполнилось неведомой прежде силой. Вместе с отчаянием пришла смелость. Когда нечего терять, уже нечего бояться, не так ли? Страх куда-то пропал, и только ярость рвалась наружу. Девушка неожиданно легко высвободилась из крепких рук, держащих ее за плечи.

— Твари, нелюди, чтоб вам сгореть! — крикнула она. И как будто из-под земли, вдруг раздался другой голос — низкий и страшный, совсем не человеческий:

— Сгорите в огне!

Что произошло дальше, никто так и не понял. Катя вытянула вперед левую руку, защищаясь от новых ударов. На ладони появилось небольшое белое пятно. В полумраке комнаты оно сверкало и переливалось перламутровыми отблесками и вдруг превратилось в ослепительно-белый луч. Он ударил в голову Магомеда, прошел сквозь стену, оставив в ней огромную обугленную дыру. В соседнем помещении раздался взрыв, и пламя забушевало вокруг.

На полу корчилось то, что еще недавно было Магомедом Ходжаевым. Наружных повреждений у него не было, но невиданный огонь словно пожирал его изнутри. Одежда тлела, кожа на лице и руках быстро обугливалась, изо рта и ушей вырывались языки голубоватого пламени. Он все еще был жив и кричал не переставая.

Не каждому дано попасть в ад еще при жизни.

Магомедовы подручные оцепенели. Никто из них не мог ни пошевелиться, ни открыть рот, не говоря уже о том, чтобы выбраться из горящего здания.

Катя в последний момент успела увернуться от рухнувшей потолочной балки. Закрывая лицо руками, бросилась к двери. Спасать своих мучителей она не собиралась.

Был момент, когда Катя почувствовала, что не может справиться с дверным замком. «Неужели и я сгорю тут вместе с ними? Нет, черт возьми, нет! Я не буду гореть заживо вместе с этими подонками!»

Наконец замок поддался, и дверь распахнулась настежь. В комнату хлынул поток свежего воздуха, и пламя разгорелось с новой силой. Со звоном лопались стекла, дом Магомеда быстро превращался в огненную могилу.

Катя выскочила во двор, с наслаждением вдохнула полной грудью прохладный и чистый ночной воздух.

Взметая в небо целые фонтаны огненных искр, со страшным треском рухнула крыша.

Толстые бревна еще догорали, но в общем все было кончено. Не разбирая дороги, Катя бросилась бежать через лес.

Ветки деревьев хлестали по лицу, колючий кустарник царапал ноги. Только сейчас Катя заметила, что ее руки сильно обожжены и покрыты волдырями. Боль и страх гнали вперед. Девушка боялась, что если остановится, то упадет и больше не сможет подняться. Она не задумывалась о необъяснимом с точки зрения нормального человека происшествии в доме Магомеда, о том, что стало причиной страшной смерти пяти человек, просто бежала вперед, не разбирая дороги, как бежит напуганный зверь, спасая свою жизнь.

Лес понемногу редел. Кате показалось, что между стволами деревьев мелькают фигуры людей и слышатся голоса. Странно было только то, что эти люди

разговаривали на непонятном языке. Откуда ночью в лесу взялись иностранцы?

Но сейчас это было не важно. Если есть люди, значит, можно рассчитывать на помощь и спасение. Собрав остатки сил, Катя выскочила на поляну.

То, что девушка увидела, поразило ее еще больше, чем пожар. На лесной поляне, образовав правильный круг, стояли люди в длинных черных одеждах. В центре этого круга, воздев руки к небу, стоял высокий мужчина.

Катя вскрикнула и потеряла сознание. Мужчина подхватил ее на руки, что-то повелительно сказал остальным, и все они скрылись за деревьями.

Ночь весеннего равноденствия удалась.

Глава 9

На свободу — по радуге!

Впервые за много лет Сергей Петрович смог наконец заснуть спокойно. В окно светила луна, но ее свет казался не зловещим, а мудрым, вечным и почти радостным. Впервые не терзали воспоминания о сыне. Сергей Петрович вспоминал первые шаги своего мальчика, его смешные словечки, его улыбку. Потом заснул, и ему приснился сын.

Он стоял высоко-высоко, но Сергей Петрович хорошо видел его лицо, каждую черточку. Володя выглядел почти таким же, как в тот день, когда они прощались на вокзале, но казался мудрее и старше.

— Здравствуй, отец. Не грусти, мне хорошо здесь. Я помню и люблю тебя. Скоро мы увидимся.

— Володька, милый мой, но почему сейчас? Почему ты раньше не приходил? Я так ждал тебя!

— Не знаю, отец, — Володя почему-то отвел глаза. — Я всегда был с тобой. Просто это ты не видел меня. А сейчас... Ты сделал что-то важное.

Сын помолчал недолго, глядя прямо в глаза.

— Прощай, я не могу надолго задерживаться.

Сергей Петрович почувствовал, как по щекам течет горячая соленая влага.

Вот сейчас все закончится, сын уйдет, и он опять проснется в опустыленной комнате. А что потом? Та же одинокая ненужная жизнь.

— Володька, не уходи! Я болен, стар и одинок. Я не могу так больше. С тех пор как ушла мама, мне уже незачем и не для кого здесь оставаться. Возьми меня к себе, пожалуйста!

— Хорошо, отец. Сегодня такая ночь, когда желания сбываются. Иди ко мне. Про маму я знаю, она тоже здесь.

Из-под ног сына протянулся длинный разноцветный луч. «А вот посмотрим, сумею ли я ходить по радуге», — подумал Сергей Петрович, прежде чем ступить на него. Лунная дорожка оказалась страннопризрачной и в то же время надежной. Идти по ней было легко и приятно, и Сергей Петрович, еще не веря своему счастью, торопясь и смешно взмахивая руками, пошел вверх. Туда, где ждал его сын.

И даже не заметил, что умер.

Глава 10

Грандмастер и Ко

Когда Катя пришла в себя, было уже утро. Она почему-то медлила открывать глаза. Ей было тепло и уютно, а слабость и истома во всем теле казались даже приятными. «Сейчас-сейчас... Еще минуточку... На работу ведь сегодня не надо. И Вадим...» Вадим. Да, конечно, Вадим. Воспоминания о страшных событиях ночи отогнали остатки сна, заставили резко открыть глаза. Господи, где это я? И чем все закончилось?

Катя лежала на широкой кровати в совершенно незнакомой комнате. Стены были обиты узкими деревянными дощечками, а в открытое окно заглядывали душистые гроздья цветущей сирени. Рядом с кроватью в кресле сидела черноволосая девушка в джинсах и белой рубашке. Она читала какую-то книгу в потертом кожаном переплете. Катя пыталась сообразить, как же, собственно, попала сюда, и не могла.

Увидев, что Катя пришла в себя, незнакомка отложила книгу и улыбнулась.

— Привет, сестренка. Добро пожаловать обратно в мир живых.

— Привет... А ты кто?

Девушка чуть пожала плечами.

— Это не важно. Если хочешь, зови Дианой. Почему-то обязательно всем нужны имена. Попробуй встать, если сможешь. Думаю, тебе пора завтракать.

Откинув одеяло, Катя увидела, что совершенно обнажена, а ее руки умело забинтованы. Тонкая цепочка с медальоном по-прежнему холодила шею.

Диана подошла к стенному шкафу и выложила на кровать такую же, как у нее, белую рубашку, джинсы и белье. Покосившись порванные Катины туфельки на полу, добавила пару белых кроссовок.

— Надень это, сестренка. Наверное, будет длинновато, но пока сойдет. Вчера от твоего платья мало что осталось.

Катя поднялась с постели и стала торопливо одеваться, ежась от утренней прохлады. Пуговицы на рубашке никак не хотели застегиваться, а забинтованные руки плохо слушались. Диана помогла быстро и ловко, но от прикосновения ее тонких и сильных пальцев Кате почему-то стало не по себе.

В просторной кухне Диана проворно поставила на стол свежие булочки, апельсиновый сок и большую тарелку с горячей, аппетитно пахнущей яичницей. Никогда еще еда не казалась Кате такой вкусной.

Катины мысли представляли собой смесь любопытства и страха. Кроме того, было огромное, всезатопляющее чувство возвращенной радости бытия. Как бы то ни было, пока она еще жива.

С учетом событий вчерашней ночи это можно было считать удачей. Обожженные руки болели, ноги сильно исцарапаны, но могло быть и хуже. Гораздо хуже.

— Послушай, Диана, я могу спросить?

— Конечно.

— Кто меня перевязывал?

— Один из наших братьев. Кода-то он был врачом. Не волнуйся, там нет ничего страшного, ожоги неглубокие. Все быстро заживет, и даже шрамов не

останется.

— А раздевал кто?

— Я.

— А... Больше ничего не было?

Диана искренне рассмеялась.

— Жаль тебя разочаровывать, сестренка. Ты неплохо сложена, но здесь твои женские прелести никого не интересуют.

— А как вы все оказались в лесу? И что вы делали там среди ночи? И чем вы вообще занимаетесь?

— Это чаще всего называют колдовством, — ответила Диана спокойно, будто речь шла о ремонте квартир или торговле картошкой.

— Поторопись, сестренка. Тебя ждет грандмастер.

«Этого еще не хватало. Сперва бандиты, потом колдуны. Просто интересно, что со мной будет дальше», — думала Катя, поднимаясь вслед за Дианой по витой железной лесенке. Особенного страха она, впрочем, не испытывала. Видимо, даже у страха есть свой предел.

В комнате царил полумрак. Как будто и не было за окном солнечного утра, не бушевала весна и сирень не распускала свои душистые гроздья. Сидящий за столом мужчина смотрел на Катю в упор. Под его взглядом она чувствовала себя такой маленькой и незащищенной... Просто тонула в его глазах удивительно глубокого синего цвета.

«Как он красив», — некстати подумала она.

— Здравствуй, проходи, садись. Я рад, что ты в порядке, — приветствовал ее мужчина.

Катя несмело опустилась на стул напротив. На столе горели две свечи и несколько ароматических палочек. Наверное, это из-за них в комнате так странно пахло... Запах не был резким или неприятным, но как-то странно пьянил, навевал сон.

— Полагаю, ты хочешь о чем-то спросить?

— А можно? Вопросов у меня очень много, даже не знаю, с чего начать.

— Начни с самого главного, будет проще.

Катя долго собиралась с мыслями и наконец выпалила:

— А правда, что вы все — колдуны?

Ее собеседник чуть заметно улыбнулся.

— Правда.

«Бог ты мой, — с ужасом подумала Катя, — неужели он сумасшедший? Или шарлатан вроде тех, что выступают по телевизору? Было бы очень жаль... Но, с другой стороны, если бы еще вчера мне кто-нибудь рассказал о пожаре в доме Магомеда и о том, что случилось с ним самим, я бы ни за что не поверила».

— И чем же вы занимаетесь? Предсказываете будущее? Снимаете порчу и венцы безбрачия? Чистите карму и корректируете биополе?

— Нет, конечно! Дурачить простаков, жаждущих быть одураченными, не моя забота. У меня есть другие... — грандмастер прищелкнул пальцами, словно подбирая подходящее слово, — другие жизненные устремления. К примеру, иногда приходится убивать чудовищ, — доверительно сказал он, чуть понизив голос.

«Нет, точно сумасшедший! — подумала Катя. — Тоже мне, истребитель драконов...»

— А разве в наше время есть чудовища? — осторожно спросила она.

Грандмастер невесело усмехнулся.

— Конечно есть. Например, вчера ты познакомилась с одним из них.

Катин собеседник улыбался вполне дружелюбно, но его улыбка вдруг показалась страшнее волчьего оскала. В комнате было тепло, даже жарко, но девушка вдруг почувствовала, как по телу пробегает холодная волна. Он ведь не шутит! Совсем не шутит... Покойного Магомеда Ходжаева трудно было назвать хорошим человеком, но по сравнению с этим грандмастером он просто новорожденный кутенок.

— А что вам нужно от меня? — в горле вмиг пересохло.

Кате стало так страшно, как, пожалуй, еще никогда, даже в доме у Магомеда. Даже страх за свою жизнь меркнет перед темным ужасом, который испытывает человек, внезапно оказавшийся лицом к лицу перед Неведомым...

Грандмастер откуда-то из воздуха достал большой хрустальный графин, налил воды в стакан (его тоже только что здесь не было!) и поставил перед Катей.

— Выпей, станет легче.

Она покорно отхлебнула, и почувствовала, как мысли проясняются и ужас, сжимающий горло, отступает куда-то.

— Так вот, — Грандмастер продолжал деловым тоном, словно бизнесмен, обсуждающий условия предстоящей сделки, — та безделушка, что ты носишь на шее, не простая вещь. Полагаю, ты и сама это понимаешь. Теперь она нам нужна.

— А почему вы не взяли медальон, пока я спала?

— Хороший вопрос. Дело в том, что ты получила талисман так, как было нужно, и ты владеешь им. Он может быть отдан только по доброй воле, а не взят обманом, силой или за деньги. Помнишь, что ты натворила в доме этого дикого горца? Здесь могло быть еще хуже.

— А если я его не отдам? — Катя произвольно прикрыла медальон ладонью. Теперь ей в самом деле не хотелось отдавать его в чужие руки, совсем не хотелось!

— Встань и посмотри на себя в зеркало, — приказал грандмастер.

Катя повиновалась. Большое зеркало в резной деревянной раме отразило ее во весь рост. Катя глянула на себя — и обомлела. Рассеченная губа немного распухла, под глазом расплывался большой синяк, но дело было не в этом. И даже не в том, что на левом виске появилась маленькая седая прядь.

Катино лицо неуловимо, но сильно изменилось. Вместо молодой, хорошенькой и веселой девушки из зеркала смотрело какое-то странное создание, которому нет названия.

Как будто совершенно другое существо, мудрое и древнее, все видевшее и все знающее, нацепило Катино лицо, как маску. Глаза, которые раньше были зеленовато-кариими и небольшими, расширились и засветились нестерпимо ярким зеленым светом.

— Теперь ты поняла, что я хотел тебе сказать? Какое-то время ты могла управлять силой талисмана, но теперь он начинает управлять тобой.

Катя зачем-то провела рукой по щеке, словно пытаясь удостовериться, что это и в самом деле она. Отражение повторило жест, но поверхность зеркала вдруг покрылась мелкой рябью. Черты лица на мгновение исказились, и Катя

ужасом поняла, что существо, которое отражалось сейчас в прозрачной глубине, уже не человек. Ну во всяком случае не совсем.

А Грандмастер продолжал:

— Пока у тебя есть шанс уйти отсюда и жить нормальной человеческой жизнью, но скоро его не будет. Талисман обладает огромной силой, она раздавит тебя, а потом... Даже я не в силах представить, что будет дальше.

Катя, бледная и напряженная, изо всех сил старалась казаться спокойной.

Она еще раз посмотрела на себя в зеркало, сняла через голову цепочку с талисманом и положила на стол перед грандмастером.

— Возьмите, это ваше, — сказала она.

Ей показалось, что талисман в руке потеплел и еле заметно замерцал голубоватым светом. Будто прощался.

— Ты приняла верное решение. Возвращайся в свой мир. И, — грандмастер улыбнулся неожиданно тепло, — мне кажется, что у тебя впереди приятная неожиданность.

Катя устало покачала головой:

— Хватит с меня неожиданностей. В последнее время их и так было больше, чем нужно. И вообще, — она с трудом удержалась, чтобы не заплакать, — как мне жить дальше?

— Как придется, — просто ответил грандмастер, — не суетись раньше времени. Неужели ты думаешь, что осталась жива только для того, чтобы лить слезы до конца своих дней? Ты очень ошибаешься. Успокойся. Мне много лет, больше, чем ты думаешь, и я могу позволить себе дать один совет. Ничего не бойся и ничего не жди, все, что должно произойти, обычно происходит само по себе. Просто потому, что так нужно.

Он помолчал, задумчиво глядя перед собой, потом вдруг сказал отрывисто, почти резко:

— А теперь уходи. Наше время истекло. Кто-нибудь доставит тебя в город. Прощай.

Из кабинета грандмастера Катя вышла, покачиваясь. Голова кружилась, мысли путались, перед глазами мелькали разноцветные круги.

Черноволосая Диана, не сказав ни слова, взяла ее под руку, вывела из дома и посадила в машину. Сама села за руль.

— Ну что, сестренка? Куда тебя отвезти?

Катя разрыдалась.

— Я не знаю... Не знаю... — повторяла она. — Я ведь теперь вообще не человек, а дух бесплотный. У меня нет ни денег, ни документов. Я всего боюсь. И даже домой к себе попасть не смогу, у меня ключей нет. А ты еще спрашиваешь — куда!

Диана покачала головой.

— Странные вы, люди! Сначала бросаете свою жизнь на ветер, а потом убиваетесь из-за мелочей.

Она порылась в бардачке, и в руках у нее появилась Катина белая сумочка.

— Вот твой паспорт, ключи, триста долларов... Не думаю только, что они тебе понадобятся. Губная помада еще завалялась... Носовой платок вот... Кстати, на, утри глазки. Ну что, поехали?

Катя кивнула. В машине она скоро задремала, но беспокойен был ее сон... Все время виделось лицо Вадима — страшное, искаженное предсмертной му-

кой — и языки пламени вокруг.

Она очнулась, когда до дома оставалось совсем немного. На секунду мелькнула мысль: «Откуда Диана знает, где она живет? Хотя, наверное, для нее ничто не тайна!»

Катя наконец решилась заговорить.

— Диана...

— Что?

— Знаешь, я хотела спросить... Что теперь будет с Вадимом?

Ее спутница даже не повернула голову. Они как раз проезжали перекресток, запруженный машинами, и Диана пыталась втиснуться между потрепанным «жигуленком» и темно-синим «фольксвагеном».

— Ты сама знаешь, — рассеянно ответила она.

Катя даже испугалась. Вот тебе и раз! Она вспомнила вчерашние события: уклончивую улыбку Вадима, отправляющего ее на верную смерть, злость, отчаяние, собственную неизвестно откуда взявшуюся силу, горящего заживо Магомеда, языки пламени, взметающиеся в небо... А главное — страшный, нечеловеческий голос из-под земли. Сейчас, при свете дня, все это казалось нереальным, как кошмарный сон.

— Значит, Вадим умрет? Так страшно умрет? — осторожно спросила Катя.

— Да. Ты сама этого пожелала.

— А если я прощу его?

— Простишь? — Диана чуть прищурилась, и Кате показалось, что в глубине ее глаз заплясали опасные огоньки. — И что дальше? Он перестанет быть предателем? Не надейся.

Диана повернулась к ней, посмотрела в глаза, и от этого взгляда Катя почувствовала, как душа уходит в пятки. Хотелось крикнуть: я не виновата! Это было случайная мысль! Не хочу иметь дел с вашей чертовщиной, не хочу, оставьте меня в покое!

— Знаешь, сестренка, в этой жизни приходится нести ответственность не только за слова и дела, но и за мысли, — сказала она твердо. — Хочешь ты или нет, но тебе придется жить с этим.

Она помолчала с минуту, пристально глядя на дорогу, потом заговорила уже другим тоном, будто утешая:

— С чего ты вообще взяла, что можешь простить или не простить кого бы то ни было? Человек платит только за свою неправду, не больше того, но и не меньше. Лучше пока не думай об этом. В ближайшее время тебе будет чем заняться.

Катя упрямо покачала головой.

— Нет. Я не хочу его убивать.

— Вот тебе и раз! Чего же тебе надо?

Катя задумалась. В самом деле — чего? Ненависти к Вадиму уже не было, но и мысль о том, что теперь он будет жить, как раньше, — спокойно и весело, никогда не вспомнит о ней, тоже была невыносима.

— Я хочу, чтобы он помнил меня. Помнил то, что сделал со мной, всю свою жизнь, до самой смерти. Я хочу, чтобы ему стало стыдно, понимаешь?

Диана посмотрела с удивлением.

— Честно говоря, не совсем.

Катя досадливо поморщилась. Ну что здесь такого непонятного!

— Чтобы совесть в нем проснулась, вот чего я хочу!

Диана недоверчиво, с сомнением покачала головой.

— Да, непростую задачу ты задала, сестренка. Убить человека легко, а вот совесть пробудить... Нужно, чтобы он сам пожелал этого — вслух и при свидетелях. Но хорошо, пусть будет, как ты хочешь.

— А что, разве такое бывает — чтобы сам пожелал?

— О да! — Диана мечтательно улыбнулась. — Рано или поздно это непременно случается. И тогда...

В ее улыбке и голосе было что-то такое, что Кате даже жаль стало своего незадачливого возлюбленного. Немного, но жаль. Мелькнула даже мысль отыграть все обратно, но в глубине души она чувствовала, что уже поздно.

— Вот и приехали. Прощай, сестренка, больше не увидимся.

— Прощай, Диана.

Катя порывисто обняла и поцеловала свою спутницу, потом быстро вышла из машины.

Идя к подъезду, она думала о том, что Диана, конечно, ведьма, скорее всего, убийца и, вполне возможно, просто чудовище.

Но лучшей подруги у нее никогда не было, и, вероятно, уже не будет.

Катя поднялась в лифте на свой этаж, подошла к двери, достала ключи... И тут она увидела Тома. Он, видимо, уже давно терзал дверной звонок. Обернувшись и увидев Катю, Том расцвел такой счастливой и глуповатой улыбкой, какую даже странно было видеть на лице взрослого мужчины.

И Катя улыбнулась в ответ.

Глава 11

Все хорошо... Ну почти

Так закончилась эта история. О ее героях больше сказать почти нечего. Том женился на Кате и увез с собой. С помощью хитроумного Гольдберга он сумел довольно быстро преодолеть все формальности.

Хотя в данном случае на российско-американском сотрудничестве пришлось поставить большой жирный крест, Семен Яковлевич был совсем не плохим человеком и искренне радовался, что «девочка сумела-таки хорошо устроиться». Он же продал по доверенности Катину квартиру и переправил деньги счастливым молодоженам. На этой сделке Семен Яковлевич кое-что заработал, ну да бог с ним. Коммерция давно вошла в его плоть и кровь, и что-нибудь наваривать было для него так же естественно, как и дышать.

Впрочем, уже через год Гольдберг скончался от обширного инфаркта. Никакие потусторонние силы тут были ни при чем, просто он курил по пачке «Кэмела» в день, любил при случае выпить, а его вес давно перевалил за центнер.

Тихий провинциальный городок был взбудоражен слухами. Америка — это не Нью-Йорк, Америка — это провинция.

Многочисленные городишки с идиотскими названиями вроде Трои или Южного Парижа, разбросанные от Аляски до Флориды, живут по своим законам. Там, где все знают родословную друг друга по меньшей мере до дедушек, где, уходя за покупками, не запирают двери, где простодушный и веселый человек может лет двадцать прослужить в должности городского шерифа и уй-

ти на пенсию после торжественного обеда в его честь, люди очень настороженно относятся ко всем вновь приезжающим. А тут русская... Тома считали в городе очень респектабельным и благоразумным молодым человеком, и такого экстравагантного поступка от него никто не ждал.

Однако разговоры на эту тему скоро прекратились. Новоиспеченная миссис Хартли отнюдь не напоминала монстра. Кроме того, городских кумушек очень удивило, что она говорит по-английски не хуже их самих. Небольшая вечеринка с коктейлями для друзей и соседей, устроенная молодой четой через месяц после приезда, окончательно примирила с нею город.

Нельзя сказать, чтобы Том и Катя сразу же после свадьбы стали счастливы. В семейной жизни такое случается только в слащавых дамских романах и романтических грезах очень молодых или очень глупых девушек. Ежедневное совместное существование способно приглушить даже самые пылкие чувства.

Если добавить к этому огромную разницу в привычках, образовании, воспитании и образе жизни, то картина становится и вовсе безотрадной. И все же... Чаще молодоженам было хорошо вместе. Обстоятельства, которые их соединили, были настолько необычны, что иного развития событий просто не предполагалось. Поэтому Том и Катя учились жить друг для друга.

Просыпаясь по ночам и слушая ровное дыхание мужа, Катя все чаще чувствовала, что прошлое уходит куда-то далеко. Как будто все, что случилось, было не с ней.

Итак, хеппи энд состоялся. Можно ставить точку и проливать слезы умиления.

Вот только по Москве слишком часто загремели выстрелы наемных убийц. Ни один киллер не был задержан на месте преступления с оружием в руках. Ни один впоследствии не был арестован, как ни клялись в этом с высоких трибун милицейские чиновники разного ранга. Впрочем, биография жертв очень часто была такова, что убийцы лишь убавляли работы правоохранительным органам. Это было тем более удивительно: ребяташки тоже не пальцем деланы, однако вот не убереглись.

Вокруг каждого убийства было много шума, слухов и домыслов. Версии выдвигались самые разные, но доподлинно никто ничего не знал.

Никто, кроме странного человека, называющего себя грандмастером.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОБАЯНИЕ ЗЛА

Глава 1

Ночь без сна, любовь без надежды

Россия, Москва, год 2004

И все птицы спят, и все звери спят... И все добрые люди тоже давно уснули. Счастлив тот, кто засыпает вечером, видит хорошие сны, а утром встает, чтобы приняться за дела. Недаром ночь отвели для воровства и убийства, для сумасшедшего разгула и черного колдовства.

А еще — для любви.

Боря Бейдер устал ворочаться с боку на бок. Поднявшись с постели, он тяжело протопал на кухню. Не разбудить бы родителей...

Но мама с папой мирно спали, а вот Боря — не мог. Его душу тревожил образ загадочной черноволосой незнакомки. Всего лишь раз она прошла мимо него, всего лишь раз мельком на него посмотрела.

И пропал казак...

Боря даже не знал, чего, собственно, хочет. Поначалу он надеялся, что Вадим возьмет ее на работу. Тогда можно было бы по крайней мере видеть ее каждый день. Но проходили дни, от незнакомки не было ни слуху ни духу, и все Борино существо постепенно наполняла неведомая прежде тоска.

Боря был реалистом. Он прекрасно понимал, что не имеет никаких шансов на взаимность. Но ведь никто не может запретить человеку надеяться на чудо!

Стараясь не греметь посудой, Боря заварил себе крепкий чай, закурил и уселся на свое любимое место в самой середине уютного углового диванчика.

Мама до сих пор ворчит из-за курения. Хорошо, что хоть сейчас не видит, а то уже переполошилась бы.

Боря втайне надеялся, что курение поможет ему похудеть, а потому дымил, как паровоз.

Сейчас ему казалось, что голова забита серой паутиной. Боря понимал, что самое разумное — это выбросить незнакомку из головы, забыть ее и жить, как раньше.

Но был и другой выход — попытаться ее найти. Еще раз увидеть. Еще раз заглянуть в манящую и жуткую бездну черных глаз. А там будь что будет.

Найти! Легко сказать! Он ведь не знает, кто она такая, где живет, не знает даже имени.

Только номер машины.

Вспомнив его, Боря подскочил на месте от радости. Диван жалобно скрипнул, но Боря этого даже не заметил. Найти владельца машины по номеру большого труда не составит — вон, на Горбушке продаются базы данных на всех автовладельцев... В крайнем случае у Вадима Александровича были друзья в милицеевских кругах. В последнее время он, правда, стал какой-то странный, но, если подойти в хорошую минуту, наверное, не откажет.

Успокоенный этой мыслью, Боря залпом допил остывающий чай и отправился спать. На этот раз он заснул сразу же, спал крепко и спокойно.

На следующий день Вадим появился на работе около часа дня. В дела фирмы он давно уже не вникал, но по привычке все еще обозначал некую руководящую деятельность. Хорошо еще, что на Борю вполне можно было положиться. Пожалуй, он был слишком уж осторожен и стратегических решений принимать не мог, но с повседневными делами вполне справлялся. Боря был настолько скрупулезен и методичен, что фирма вполне могла удержаться на плаву.

Пока.

Вот и он, легок на помине. Боря вошел с целой кипой бумаг и принялся по обыкновению дотошно и занудливо излагать положение дел. Наконец Вадим не выдержал.

— Боря, давай короче. Разорение нам завтра не угрожает? Налоговая не цепляется? Рэкет, прости господи, не трясет? Значит, жизнь прекрасна и удивительна, давай, что там подписать, и если это все, ты свободен.

После Колиной смерти Вадим уже успел найти нового поставщика, недавно принял дозу и теперь находился в состоянии блаженной эйфории. Все проблемы казались разрешимыми, неприятности — несущественными, а он сам — почти всемогущим.

Правда, несколько дней назад Вадим зачем-то затеял ремонт в своем кабинете и перебрался в тесный и неудобный закуток. Так спокойнее. Здесь черноволосая ведьма пока не появлялась.

Вадим хотел поскорее закончить с делами, но, вместо того чтобы уйти, Боря почему-то замялся и густо покраснел.

— В чем дело, Боря? Ну-ка, давай, выкладывай, как сказал отец сыну, когда тот проглотил полтинник. Случилось что-нибудь?

— Да нет, Вадим Александрович, все в порядке. Понимаете, у меня к вам большая просьба...

Оставшись один, Вадим долго и озадаченно смотрел на листок из календаря с нацарапанным на нем номером. Ай да Боря! Ай тихоня! Вот уж никогда бы не подумал! Интересно, кого это ему искать понадобилось?

Вадим удивленно пожал плечами и потянулся к телефону.

Глава 2

Продажный мент

Опер Сергей Арефьев сидел у себя в кабинете за обшарпанным канцелярским столом, тыкая двумя пальцами в компьютерную клавиатуру, помянуто ошибаясь и поминая черта, чью-то мать и женщин легкого поведения. Ему предстояла нелегкая задача написать обоснованный и юридически грамотный отказ в возбуждении уголовного дела. Шедевры канцелярско-милицейского языка цеплялись друг за друга, образуя причудливые цепочки.

Смысл литературного произведения сводился к одному: граждане, оставьте милицию в покое и сами справляйтесь со своими проблемами.

А ведь когда-то был Сергей восторженным юношей и пламенным комсомольцем. Он пошел служить в органы с искренней верой в правоту своего дела. Как получилось, что храбрый и честный парень Серега Арефьев сломался в первый раз, когда начал брать деньги у своих «подопечных» и оказывать им разного рода услуги, он сейчас уже не помнит, да это и не важно.

Брать взятки, как и терять невинность, тяжело и страшно только впервые. Потом привыкаешь.

Сергей тоже привык. За годы службы он хорошо поправил свое материальное положение, продвинулся по карьерной лестнице и угрызениями совести никогда не страдал. Это все выдуманно для слабонервных интеллигентов, а преступность... Да что преступность? С ней, проклятой, бороться нельзя, ее можно только организовать и возглавить.

От плодотворного труда Сергея оторвал телефонный звонок. После короткого, но содержательного разговора опер заметно повеселел. Просьба пустячная, дел на копейку, а небольшое денежное вспомоществование сейчас будет очень кстати.

Но, набрав знакомый телефон («Добрый день, девушка! Капитан Арефьев беспокоит. До Вологды доедем сегодня?») и записывая данные какого-то Геннадия Андреевича Разлогова, тысяча девятьсот сорок четвертого года рождения, Сергей почувствовал себя очень плохо. Голову словно сдавило железным обручем, пальцы начали противно дрожать, лоб покрылся липкой испариной, а к горлу подступила тошнота.

К счастью, Сергей еще находился в том возрасте, когда люди не склонны обращать особого внимания на свои хвори.

«Давление, наверно, шалит. Переработался», — подумал Сергей. Он действительно считал себя очень много работающим, а потому ценным для общества человеком.

Вечером у него было прекрасное настроение. Сергей выполнил поручение и получил свой честно заработанный гонорар. После окончания рабочего дня позвонил жене и горестно поведал, что ему сегодня опять придется дежурить вне очереди.

Однако его дальнейшие планы на вечер не имели никакого отношения к борьбе с преступностью.

Как и у всякого уважающего себя оперативника, у Сергея имелась конспиративная квартира. Туда-то он сейчас и направился. Разумеется, квартира эта предназначалась для общения с агентурой, а вовсе не для интимных развлече-

ний личного состава, но Сергей точно знал, что служебное положение существует для того, чтобы им пользоваться. В самом деле, не тащиться же домой. Там — вечно орущий ребенок и давно опостылевшая супружница.

В десять придет Светка. Девка она, конечно, тупая, но зато грудь — пятый номер. И ноги длинные. И вообще, ему с ней не в шахматы играть. Порнушку надо бы прихватить какую-нибудь.

Когда Сергей добрался до неприметной многоэтажки на окраине Москвы, до прихода Светки оставалось еще полчаса.

Она никогда не опаздывала.

Небольшая однокомнатная квартира на пятом этаже была стандартно обставленной, чисто убранной и... подчеркнута никакой. Глазу не за что зацепиться. Как раз то, что и требуется.

Сергей привычно раскупорил бутылки (Светка пила только ликеры, а он сам терпеть не мог это липкое, приторно-сладкое пойло), поставил видеокассету и удобно развалился кресле. На экране молодые красивые мужчины и женщины с энтузиазмом совершали половые акты в самых различных формах. Кто бы мог подумать, что в человеческом теле для этого столько возможностей!

Сидя в уютном кресле с бокалом вина в руке, Сергей незаметно отключился.

Ему снилось, что он крадучись входит в какое-то полутемное помещение. Со всех сторон на него пялятся наглые бандитские рожи. Вот проклятая работа, и ночью от нее нет покоя!

В этот момент заиграла музыка, замелькали разноцветные прожекторы, и Сергей с ужасом понял, что находится на эстраде ночного клуба. Но хуже было другое — он был голым. Только на голове была милицейская фуражка, да еще капитанские погоны чудом держались на плечах. И уж совсем было невыносимо, что помимо воли Сергей вдруг начал грациозно двигаться под музыку, покачивая бедрами, и даже кокетливо улыбаться.

Музыка звучала все быстрее и быстрее, плавный блюз перешел в бешеный канкан, а капитан Арефьев все никак не мог остановиться.

К счастью или к несчастью, но все на свете когда-нибудь заканчивается. Музыка затихла, прожекторы погасли, публика издевательски зааплодировала, и Сергей смог наконец-то перевести дух. Ему казалось, что самое страшное уже позади, вот сейчас он проснется и все в его жизни будет по-прежнему. Но в этот момент увидел, что к эстраде медленно идет высокий человек в длинной черной хламиде. Лицо его было спрятано под капюшоном.

Сергей никогда не был трусом, но все его существо охватил панический страх.

Фигура в черном двигалась прямо на него, а он не мог пошевелиться. Даже бандитские рожи показались теперь симпатичными и почти родными, но и они вдруг куда-то пропали.

Теперь они остались вдвоем — он и это чудовище под черным покрывалом. Только сейчас Сергей понял, что оно не было больше человеком.

Подойдя почти вплотную, существо вытянуло что-то, похожее на руку. Но это была не рука. У Сергея даже не хватило сил, чтобы испугаться еще больше. На него указывала огромная когтистая лапа, покрытая зеленовато-коричне-

вой чешуей.

Низкий хриплый голос произнес всего два слова:

— Продажный мент.

Сергей проснулся от собственного крика. Давно знакомая и привычная квартира вдруг приобрела какой-то нереальный вид. Все предметы вроде бы на месте, но изменилась атмосфера.

Как будто здесь есть кто-то еще.

Сергей потянулся за бутылкой, чтобы налить себе еще вина. Приснится же такое! Точно переработался!

С журнального столика он смахнул на пол лист бумаги. Надо выбросить. Непорядок. Работая опером, Сергей привык очень внимательно относиться к документам.

Но что это за бумага? И откуда она здесь взялась? Развернув листок, Сергей тут же отбросил его, будто боялся обжечься.

На стандартном альбомном листе отвратительной ярко-красной губной помадой было небрежно нацарапано:

Продажный мент.

Трясущимися руками Сергей порвал бумагу на клочки. Сложил их в пепельнице аккуратной горкой. Зашарил по карманам в поисках спичек. Ах, вот зажигалка. Ничего, тоже подойдет.

Но почему из маленькой зажигалки «Крикет» вырвался целый сноп ярко-синего пламени? Так недолго и пожар устроить. Почему из-за горстки бумажных обрывков вся квартира наполнилась дымом и гарью? Сергей почувствовал, что не может больше дышать.

Туман скоро рассеялся. Сергей немного успокоился, отдышался и повернулся к экрану телевизора.

И вновь увидел прямо перед собой кошмарную фигуру из сна.

Пальцы нащупали рукоять табельного пистолета. Так просто он не дастся. Сергей выстрелил, целясь в голову. В последний миг своей жизни он успел разглядеть лицо монстра.

Лицо было его собственное.

Светлана Самсонова появилась ровно в десять. На звонок никто не открыл. Светлана уже собиралась уходить, когда обнаружила, что дверь не заперта. Раньше Сергей такого никогда себе не позволял. Интересно, что он на этот раз придумал?

В квартире стоял резкий неприятный запах. Сергей лежал посреди комнаты на боку, почти касаясь подбородком колен. Рядом валялся пистолет. Подойдя ближе, Светлана увидела, что вокруг головы опера растеклась большая лужа крови.

Осознав случившееся, женщина зашла в истошном крике.

Глава 3

Древняя книга

Алексей Сергеич Иващенко, крупный мужчина средних лет, блаженствовал в ванной. Горячая вода, нежная пена, запахи ароматических солей всегда успокаивали его. Для полного счастья он прихватил с собой «Одиссею капитана Блада» и теперь внимательно следил за перипетиями пиратских разборок.

Почему-то подобное чтение тоже действовало на него благотворно. А сейчас он нуждался в отдыхе как никогда.

Сам себя Алексей Сергеич называл эстетом и гедонистом. В общем-то так оно и было. Он действительно любил вкусную еду, красивые вещи и телесный комфорт и считался одним из самых богатых и преуспевающих торговцев антиквариатом в Москве.

Наживать состояние Алексей Сергеич начал давно, еще лет двадцать назад. Тогда он был всего лишь нищим студентом, которого угораздило жениться на однокурснице Наташе, залетевшей от него после шумной и пьяной студенческой вечеринки... Дурацкая порядочность, ничего не поделаешь! Жить пришлось у ее родителей, денег катастрофически не хватало. Теща Антонина Андреевна смотрела на зятя явно неодобрительно и все чаще заводила отвлеченные разговоры о безответственности современной молодежи, о том, что правильнее было бы сначала на ноги встать, в жизни определиться, а потом уже и семью создавать... После таких профилактических бесед Леше просто кусок в горло не лез, и он старался подрабатывать, как мог. Разгружал вагоны по ночам, устроился сторожем, писал курсовые и даже экзамены ходил сдавать за других.

После третьего курса поехал в стройотряд. Дома сказал, что это еще одна возможность подработать, но на самом деле так хотелось вырваться из семейного болота хоть ненадолго, пожить веселой и беззаботной студенческой жизнью. Кто бы мог подумать, что эта поездка определит всю его дальнейшую судьбу!

Совхоз «Андрюшино», райцентр Куйтун... Боже мой, как давно это было! До сих пор помнит Алексей Сергеич, как поразила его красота сибирских лесов. Огромные вековые деревья, маленькие озерца, заросшие кувшинками и камышом, холодные и чистые реки — все великолепие дикой природы, мало затронутой человеком, обрушилось, как чудо.

Но на фоне величественной красоты Сибири особенно жалкой, грязной и убогой казалась жизнь людей. Покосившиеся избы, деревянные тротуары, одичавшие худые свиньи и коровы... Чем и как живет местное население — не ясно. Уже тогда, в начале восьмидесятых, это было Богом и людьми забытое место.

Оставшиеся в деревне мужики уже тогда спились окончательно, причем в целях экономии потребляли какое-то жуткое пойло мутно-зеленого цвета, пахнущее ацетоном. Алексей как-то попробовал и два дня не мог в себя прийти. Тошнило очень, и голова болела. А они ничего, пили...

Алексей работал на пилораме. Его напарником был страшно худой бывший зек по имени Николай. Освободился он всего полгода назад, считался ссыльным и уехать никуда не мог. Да и незачем ему было ехать. Поэтому и

прижился бывший в избе у одинокой сибирячки Анны Прохоровны. К тому времени она разменяла пятый десяток, но женщина была свежая, разбитная и, что особенно странно, жизнью не шибко умученная. Нежданному сожителю Анна Прохоровна была только рада.

— Какой ни есть, а мужик, — гордо говорила она. И добавляла обычно: — Хоть пьяница, конечно, но тихий.

И то сказать, был Николай действительно редким молчуном. За весь месяц, что проработали вместе, Алексей от него и слова не слышал. Так и не узнал ничего о прошлой жизни случайного напарника.

Перед отъездом зашел проститься. Анна Прохоровна тут же захлопотала вокруг стола, сооружая немудрящую закуску. Накладывая квашеную капусту, отодвинула с кадушки какую-то почерневшую доску. И вдруг... Словно в душу глянул Алексею строгий иконный лик.

— Анна Прохоровна... Откуда это у вас?

— Что? Ах, это... — отмахнулась она. — У нас такого добра раньше пруд пруди было. Деревни-то кругом раскольничьи, кержацкие. А уж сколько в печках сожгли да возле сельсовета топором порубили...

Через час Алексей уже трясся в стареньком автобусе по грунтовой дороге в райцентр. С собой он увозил икону, бережно завернутую в чистое полотенце. Анна Прохоровна охотно согласилась уступить ее всего за десятку. Зачем ему икона — он точно не знал, как и почти все его сверстники, был неверующим, но почему-то не хотелось оставлять такое чудо в грязной избе на кадушке с капустой.

С тех пор и зачастил Леша Иващенко в «турпоездки» по сибирским деревням. Нищие старухи, едва сводившие концы с концами на грошовую колхозную пенсию, охотно расставались с бесценными иконами. Если артачились — никогда не настаивал, улыбался, разводил руками, мол, простите, что взять с дурака, и сразу же уходил.

Хоть и считался Леша преступником, но угрызений совести не испытывал. Он не грабил, не убивал, старухам платил, по их мнению, щедро, а что до «расхищения национального достояния», то в печках за незабываемые революционные годы его сгорело много больше.

А дальше пошло-поехало. Появились в руках шальные деньги, а к хорошему человек привыкает быстро. Уже не казалась привлекательной работа инженера-электронщика с нищенским окладом, а потому институт Алексей закончил кое-как, лишь бы не выгнали.

С женой вскоре развелся, и с огромным облегчением снова почувствовал себя свободным человеком, а не вьючным животным по кличке «муж».

Были, конечно, и слезы, и скандалы, и угрозы вроде «Развода не дам!» или «Ребенка больше не увидишь!», но Алексей стоял на своем. Свобода — это рай! К маленькому человечку, все время требующему внимания и заботы, он никаких особенных чувств не испытывал, хоть и стыдился этого немного, а жене объяснил спокойно, но твердо: будешь вести себя прилично — буду помогать деньгами и тебе, и ребенку, а нет — извини. Развод все равно состоится, не в католической Италии живем, алиментов по суду получишь три копейки, так что решай, дорогая!

Наташа как-то сразу сникла, даже жаль ее стало — такая она сидела потерянная, несчастная, с зареванными глазами и красным носом. На суде она

только кивала и говорила, словно механическая кукла: «Да, на развод согласна... Да, несходство характеров... да, материальных претензий к супругу не имею...»

Слово свое Алексей держал честно — каждый месяц выдавал бывшей супруге сумму вполне достаточную, чтобы жить не бедствуя. И даже в самые тяжелые годы, когда миллионы бывших советских людей оказались не у дел и вынуждены были перебиваться кое-как, были у Наташи и шубки, и платья, и на курорты заграничные ездила каждый год. Сын Мишенька ходил сначала в частный садик, потом — в платную гимназию, где на детей не орали и не ставили двоек, а в каждом классе было не более десяти-пятнадцати учеников, а теперь вот учился в престижном институте. Алексей Сергеич никогда не ворчал, когда отпрыск требовал то ролики, то плеер, то джинсы с особенными лейблами: деньги, что шли «в семью», мужчина полагал вполне приемлемой платой за свою свободу.

Зато с женитьбой завязал навсегда, и подруг себе подбирал с большим разбором, чтобы потом никаких претензий и никаких обязательств.

От всех потрясений и перемен Алексей Сергеич пострадал не особенно, ибо заблаговременно переводил деньги в симпатичные зелененькие бумажки с портретами заокеанских президентов. Конечно, поначалу это было опасно. Обменный курс был совсем другим. Это сейчас за доллар почти тридцать рублей дают, а тогда — десять лет. Приснопамятную восемьдесят восьмую статью отменили только в начале девяностых, а до того любой советский гражданин с иностранной бумажкой в кармане считался опаснейшим государственным преступником.

Да вот Бог миловал.

За эти годы Алексей Сергеич постепенно приобрел вкус к красивой жизни, научился наслаждаться каждым ее мгновением. Невесть откуда появились у него вальяжные замашки московского барина. А уж в своем бизнесе он разбирался так, что иным искусствоведам и не снилось.

Так и жил себе Алексей Сергеич в полное свое удовольствие до того дня, когда Наташа прибежала к нему вся в слезах. Поначалу он только досадливо поморщился и привычно схватился за бумажник.

Но Наташа все никак не успокаивалась, и по ее бессвязным словам между всхлипами Алексей Сергеич понял: стряслось что-то серьезное. Оказалось, Мишенька ведет себя как-то странно в последнее время. Разговаривать с матерью совсем перестал, домой то приходит, то нет, появились у него какие-то странные друзья, а уж когда Наташа обнаружила пропажу старинного, еще бабушкиного, кольца с бриллиантом, то совсем испугалась.

— Мальчик мог связаться с дурной компанией! — рыдала она. — Он такой доверчивый, совсем ребенок... Поговори с ним, ты же отец в конце концов!

Алексей Сергеич утешал жену, говорил, что все обойдется, но сам похолодел от нехорошего предчувствия. И когда он увидел сына — худого, дерганого, с какой-то отсутствующей улыбкой и заторможенной речью, заглянул в его пустые глаза с неестественно расширенными зрачками, то понял — самые худшие его предположения оправдались. Сынок плотно подсел на кокаин. Самое печальное — оказалось, что Миша не только нюхает, но и продает отраву таким же, как и он, наркоманам, причем бодяжит по-черному, разводя порошок сахарной пудрой, потому что доза требуется все больше и больше...

Подняв все свои связи, Алексей Сергеич выяснил, что зельем сына снабжает некий Коля Бык — очень авторитетный товарищ с хорошими связями в милицейских кругах. Миша уже задолжал ему астрономическую сумму, и теперь не соскочит... Освободить его может только тюрьма или пуля.

Умом Алексей Сергеич понимал, что сыну уже не поможешь, но сердце никак не хотело смириться. Удивительно — почти двадцать лет он не особенно интересовался его судьбой, никогда не играл в футбол, не ходил на стадион, не ездил на рыбалку, как другие отцы...

А теперь так невыносимо было видеть его, страдающего, запутавшегося и так похожего на него самого! Кажется, все бы отдал, но — поздно.

Однажды дождливым осенним вечером Алексей Сергеич сидел у себя на кухне с чашкой крепкого кофе и в который раз уныло размышлял, что же делать дальше. В пепельнице дымилась неизвестно какая по счету сигарета, настроение было — хоть в петлю.

Когда раздался деликатный стук в дверь, он немного удивился — кто бы это мог быть? И почему стучат, если звонок работает? — но все же поднялся и пошел открывать. За дверью стоял совершенно незнакомый человек — высокий, крепкий, со светлыми волосами и короткой русой бородой.

— Добрый вечер, — сказал он, светски улыбаясь, — не знаю, насколько он добрый лично для вас, но все же... Мне кажется, у нас есть общая тема для разговора. Вы позволите войти?

Алексей Сергеич и сам не понял, как впустил в квартиру незнакомца поздней ночью. Было в нем что-то такое, что хозяин покорно посторонился.

— Благодарю вас.

Мужчина по-хозяйски прошел в комнату, пробежал глазами ряды книг на полках.

— Да-да-да... Так я и думал. Вот она!

Он точным движением достал одну книгу, быстро перелистал и аккуратно вернул на место.

— Простите... Я не понимаю! Кто вы, собственно, такой? Что вам нужно? — спохватился наконец Алексей Сергеич.

— Сейчас все узнаете! — незнакомец улыбнулся открыто и искренне. — Не надо волноваться и тем более искать кнопку сигнализации. Вас никто не собирается грабить. У меня к вам деловое предложение.

Он удобно уселся в старое кресло, обитое мягким плюшем, в котором сам Алексей Сергеич так любил коротать время за книгой.

— Я сейчас не занимаюсь делами. И кроме того, не разговариваю с людьми, которых не знаю, — буркнул негромко. Он уже досадовал на свою беспечность и прикидывал, как выпроводить бесцеремонного гостя.

— Зря вы это, — тот сокрушенно покачал головой, — никогда не стоит отказываться, не выслушав прежде. Итак, мое предложение таково: ваш сын больше никогда не прикоснется к наркотикам и Николай Семенович Быков, известный в некоторых кругах как Коля Бык, уже не потревожит ни его, ни вас.

— И что вы хотите взамен?

Алексей Сергеевич понимал, конечно, что подобное предложение может исходить только от сумасшедшего или афериста, но в сердце уже стукнула безумная надежда — а вдруг?

— Мне нужна книга. Вот эта.

Толстый фолиант непонятным образом вновь оказался в руке незнакомца. Алексей Сергеич скользнул взглядом по обложке. Ну да, раритет, книга рукописная, Германия, примерно четырнадцатый век, кожаный переплет и состояние прекрасное... В свое время она досталась ему за бесценок — принес какой-то оборванец, скорее всего, на помойке откопал, и охотно отдал за стоимость трех бутылок водки.

— Какие гарантии? — быстро спросил он.

— Очень простые, — гость пожал плечами, — я не беру предоплату.

— А... Если я откажусь?

— Воля ваша. Приятно было познакомиться, до свидания.

Он легко поднялся и направился к выходу. Алексей Сергеич стоял и смотрел, в душе проклиная себя. Ну как можно было упустить такую возможность? Пусть призрачную, почти нереальную, но разве не будет он всю оставшуюся жизнь терзаться проклятым вопросом — а вдруг? Как говорится, лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном. Уж бог с ней, с книгой...

— Подождите! — голос был такой слабый и хриплый, что он сам с трудом узнал его. — Подождите, я согласен!

— Ну вот, давно бы так! — незнакомец уже шагнул через порог. — Мой человек на днях зайдет за книгой.

Уже на следующий день выстрел наемного убийцы оборвал непутевую Колину жизнь. Когда об этом сообщили в новостях, Алексей Сергеич внутренне похолодел. Вот ведь как дела нынче делаются...

Еще вчера был вполне законопослушным гражданином (ну если не считать некоторых махинаций с таможенной и налоговой, но это ведь не считается), а теперь — заказчик убийства, случись что — нести ему такую же ответственность, как если бы сам стрелял.

Еще через несколько дней сын вдруг пришел сам, без звонка, без предупреждения. Сказал, что завязывает с прежней жизнью и уезжает в Австрию — восстанавливать средневековый монастырь в составе международной команды волонтеров по студенческому обмену. Алексей Сергеич был, конечно, рад такому повороту событий, но и ошарашен немало. Прежде всего пугала необъяснимость происходящего. Каждый наркоман периодически клянется родственникам, что бросит употреблять наркотики, завязывает навсегда, готов лечиться... Клятвам этим грош цена. Но сыну он почему-то поверил.

— Что ж такое стряслось с тобой? — только и спросил.

Сын покачал головой. Лицо у него стало испуганное, как у ребенка, который увидел ночью, как в шкафу прячется бука.

— Не знаю, пап... Девушка. На дискотеке познакомились. Красивая! Волосы черные... Вместе на улицу вышли, смотрю — она вдруг пропала, будто испарилась. Только что рядом была — и никого! Только птица. Черная, гладкая... Села на дерево совсем рядом, не боялась... Перо уронила, а я поднял зачем-то. Вот, — он достал из кармана смоляное, отливающее в синеву перо — дальше не помню, вроде вырубился. Хорошо так стало...

Он улыбнулся мечтательно.

— Так что кокса больше не хочется, представляешь?

Когда хмурый малый со шрамом во всю щеку явился за книгой, Алексей Сергеич отдал ее почти с радостью. Кто бы ни был странный гость, обещание он выполнил.

Сын уехал, и присылает теперь веселые открытки с изображением древних стен на фоне красивых пейзажей. Вроде бы можно расслабиться и жить, как раньше, но с некоторых пор с Алексеем Сергеевичем стали твориться вещи непонятные. Он даже утратил изрядную долю своего жизнелюбия и оптимизма. Приближалось полнолуние, и все чаще он стал видеть по ночам какие-то путаные, тревожные сны. Просыпаясь, никак не мог их вспомнить. Оставалось только тягостное ощущение в теле да головная боль. Он долго курил, пил воду, а потом лежал до утра без сна, бессмысленно уставившись в потолок.

Глава 4

Смятый цветок

Боря ликовал. Наконец-то он получил то, что хотел. «Чую с гибельным восторгом — пропадаю...» Он чувствовал, что маховик жизни раскачивается все сильнее. Получив заветный адрес неведомого ему человека, Боря всерьез задумался. Результатом он был несколько разочарован. Боря надеялся узнать имя и адрес черноволосой красавицы, но понимал, что вряд ли она живет под именем какого-то гражданина Разлогова.

— Так, сорок четвертого года рождения... Значит, ему уже за шестьдесят. Интересно, кто он моей красавице? Муж? Отец? Начальник? Любовник? А может быть, вообще никто? Может, она водит машину по доверенности, а он просто бывший владелец?

В любом случае этот Разлогов что-то знает о ней.

Боря особенно тщательно побрился, надушился дорогим одеколоном, надел новый костюм. Отражение в зеркале его не особенно утешило — ну просто бегемот при параде! Боря намеренно затягивал привычные повседневные дела. Тщательно завязал галстук. Сказал маме, что собирается к друзьям.

Уже в прихожей долго всматривался в адрес, аккуратно переписанный еще днем в рабочий еженедельник. Он старался не думать, куда и зачем едет. Знал только одно — ехать надо.

Было уже довольно поздно, когда Боря разыскал наконец старую пятиэтажку где-то в Чертаново. Поднимаясь по обшарпанной лестнице на третий этаж, недоумевал. Жилище новых русских он представлял себе совершенно по-другому.

Дверь долго не открывали. Потом послышалось тяжеловесное шарканье, и робкий женский голос спросил:

— Кто там?

— Мне... Я к Геннадию Андреевичу.

Щелкнул замок. Дверь распахнулась. Боря увидел худенькую молодую женщину с гладко зачесанными темно-русыми волосами, одетую в длинное бесформенное вязаное платье. Большие серые глаза смотрели грустно и осуждающе.

— Вам Геннадия Андреевича? Вы что, правда не знали? Папа уже три месяца как умер.

Вот тебе и раз! Последняя ниточка оборвалась.

— Подождите! — взмолился Боря. — Подождите, пожалуйста!

Он стал сбивчиво рассказывать наспех сочиненную историю о дорожно-транспортном происшествии, единственным свидетелем которой стал во-

дитель темно-зеленого джипа.

— Ладно, заходите. Я ведь совсем одна, даже чаю попить не с кем.

— А вы не боитесь пускать в дом незнакомого мужчину? — шутливо спросил Боря.

— Да нет, не боюсь. Мне кажется, вы хороший человек.

Девушка говорила совершенно серьезно, так что Боре даже стыдно стало немного. Нашел с кем шутить... Когда она повернулась и пошла в комнату впереди него, Боря понял, почему раздавалось тяжелое шарканье. Девушка с трудом передвигалась на скрюченных, частично парализованных ногах. В маленькой квартирке было чисто прибрано и даже уютно. Но все здесь говорило о более чем скромном достатке. Чистенькая, пристойная нищета.

— Проходите, садитесь, — девушка указала на единственное кресло, застеленное вытертым ковриком, — это долгая история. Даже не знаю, с чего начать...

Марине Разлоговой не повезло с самого рождения, а все из-за того, что оказалась поздним ребенком. Ее родители были историками. Папа занимался Древним Египтом, а мама — периодом становления феодализма в средневековой Европе. Оба они были искренне увлечены своей работой и свято верили в то, что сперва нужно сделать карьеру в науке, а потом уже обзаводиться детьми.

Когда Марине пришло время появиться на свет, акушерки в роддоме слишком долго пили чай. Папа с мамой оказались слишком уж интеллигентными и непрактичными людьми, чтобы совать деньги людям в белых халатах за особое внимание, а потому Ольга Павловна оказалась в огромной предродовой, наполненной криками рожениц, фактически предоставлена сама себе. Ну пройдут раз в час, посмотрят — и назад. А что орут бабы — так на то и роды...

Врачи и акушерки настолько привыкают к этим крикам и стонам, что воспринимают их всего лишь как звуковой фон, неизбежный в их работе вроде шума станков в цеху.

Марининой маме было уже тридцать пять. Во всем мире это цветущий возраст для женщины, и лишь на одной шестой части света врачи называют таких «старыми первородящими», а поэтому почти никакой ответственности за здоровье и жизнь матери и ребенка не несут.

Марина родилась мертвой. Это произошло в конце декабря и могло сильно подпортить показатели за год. Вообще-то мертворожденного ребенка положено реанимировать в течение пяти минут, а потом могут произойти необратимые процессы и даже смерть головного мозга. Над Мариной врачи трудились в течение часа и в конце концов победили. Слабенький, синий, жалобно пищущий комочек был обречен на жизнь. И какую жизнь!

Родителям ничего не сказали. Они заволновались только через несколько месяцев, когда Мариночка не могла ни сидеть, ни ползать и вообще не проявляла свойственного здоровым детям любопытства и охоты к перемене мест. Тогда и прозвучал впервые страшный диагноз — детский церебральный паралич.

Первое, что Марина запомнила в своей жизни, — это боль. Мышцы ее маленького тела постоянно сводило страшной судорогой. У больных ДЦП они становятся твердыми, как дерево, и даже иногда ломают кости. Такие люди навсегда заперты в тесные клетки квартир и распяты на кресте своих страда-

ний.

До них никому нет дела.

Сперва была еще какая-то надежда. Но когда Марина в двенадцать лет почти не могла говорить и передвигалась, ползая по-крабьи, никаких надежд не осталось даже у измученной Мариной мамы.

Она очень быстро постарела, начала много курить и часто, сидя поздно вечером на тесной кухоньке с сигаретой и стаканом крепкого чая, плакала над своим несчастным ребенком, над своей загубленной жизнью и думала о том, что же будет с Мариночкой, когда ее не станет.

Такой момент настал намного раньше, чем она ожидала. В день, когда Марине исполнилось тринадцать, Ольга Павловна Разлогова купила торт. С деньгами в семье было туго, но она очень старалась хоть чем-то порадовать свое дитя. Ждала автобуса и очень волновалась — как там Мариша? Совсем одна в квартире, мало ли что...

В тот момент, когда водитель грузовика не справился с управлением, снес остановку и превратил в кровавое месиво всех, кто терпеливо дожидался общественного транспорта, она все еще продолжала инстинктивно прижимать к себе нарядную коробку с розочкой, нарисованной на крышке.

Через час, не приходя в сознание, она скончалась.

Узнав о случившемся, Геннадий Андреевич впервые в жизни по-черному напился. Все эти годы он много и напряженно работал — защитил докторскую, писал научные статьи, читал лекции в трех институтах...

Жене объяснял, что нужны деньги, потому и трудится день и ночь, но дело было совсем в другом — работа давала ему силы жить.

Погружаясь в тайны давно прошедших времен, он мог хотя бы на несколько часов забыть о своем несчастье. Теперь он остался один с больным и беспомощным ребенком на руках. Сидя в тесной комнате, пропахшей мочой и лекарствами, он рюмку за рюмкой вливал в себя дешевую водку и плакал.

А с кровати за ним наблюдали настороженные глаза дочери.

Еще одной бедой Марины было то, что она прекрасно понимала все, что происходит вокруг, но не могла этого выразить. Когда она пыталась что-то сказать, из перекошенного рта раздавалось только невнятное мычание. Руки и ноги не слушались. Боль сводила с ума.

Марина ненавидела свое тело. Ей казалось, что тело — это тюрьма, в которой бьется, мучается и гибнет постепенно ее душа. Сейчас она понимала, что случилось что-то очень плохое, что мамы уже нет и никогда не будет, что отец в отчаянии...

В этот момент дверь тихонько открылась, и вошел человек.

Увидев его, Марина испугалась еще больше. Она почувствовала страшную, безжалостную силу, исходящую от него. Девочка замычала, заплакала, попыталась забиться в угол кровати, когда он уверенно подошел к ней, положил на лоб холодную тяжелую ладонь и сказал:

— Спи, дитя. Тебе надо отдохнуть.

Она действительно провалилась в сон, и даже боль на время отпустила. Незнакомец о чем-то долго разговаривал с папой. Сквозь дремоту Марина слышала только обрывки этого разговора.

Он уговаривал папу что-то сделать, папа оказывался, махал руками, утирал слезы с лица, громко, некрасиво сморкался и повторял, что он честный чело-

век, что он ученый, а не лавочник и за деньги не продается.

Незнакомец только улыбался и, уходя, сказал:

— У всего есть цена. И у тебя — тоже. Вот твоя цена, — он указал на Марину. — Я, конечно, не Бог, но плачу всегда честно.

С этого дня состояние Марины стало медленно, но неуклонно улучшаться. Врачи только руками разводили. Отец же наблюдал за улучшениями со страхом и все чаще напивался.

Вскоре незнакомец пришел еще раз.

Отец молча выложил на стол целую пачку старинных пожелтевших рукописей, глиняных дощечек с древними надписями, каких-то ножей, бронзовых колец. Он был очень бледен, руки дрожали.

Незнакомец не скрывал радости.

— Хорошо, очень хорошо...

Он улыбнулся Марине, потрепал ее по щеке. Потом пристально посмотрел в глаза, произнес несколько слов на непонятном языке и провел рукой возле ее лица, словно отгоняя что-то. Марина почувствовала удар, потом ей показалось, будто душа отделяется от тела. Сначала она видела как бы со стороны и комнату, в которой провела всю свою жизнь, и отца, и странного незнакомца. Потом ей явились совсем иные картины, то исполненные невиданной красоты, то таинственные и страшные.

Она пришла в себя только через сутки.

Марина так и не поняла, что же с ней произошло. День за днем, шаг за шагом она выходила из своей тюрьмы. Боль, терзавшая столько лет, постепенно отпускала. Прежде чужое тело понемногу начинало слушаться. Девочка быстро научилась читать, книгу за книгой проглатывала обширную отцовскую библиотеку, даже стала понемногу вставать с постели.

Мало того, Марина начала рисовать. Сначала робко, неуверенно она пыталась переложить на бумагу свои чудесные видения.

Только одно огорчало ее в те дни. Отец ходил как в воду опущенный. Иногда казалось, что он даже не рад ее выздоровлению. Станный незнакомец больше не приходил, но отец виделся с ним, после таких встреч приходил всегда совершенно пьяный. Марина терпеливо помогала ему раздеться, укладывала в постель, как маленького, и сидела рядом, дожидаясь, пока он успокоится.

Засыпая, отец все бормотал о том, что продал ради нее свою жизнь, и совесть, и душу, о каких-то деньгах, которые он не возьмет никогда.

В один из таких вечеров в ее память намертво врезалось странное слово: Курлык. Потом она узнала, что это небольшой дачный поселок под Москвой.

В тот вечер отец бушевал и возмущался больше обычного, а утром так и не проснулся — умер во сне.

Боря не замечал больше ни болезненной бледности, ни исхудавшего лица, ни изуродованного тела Марины. Она казалась ему хрупким и нежным стебельком, смятым чьими-то равнодушными руками.

Уже в дверях девушка остановила Борю:

— Послушайте... Я вас очень прошу. Не ходите туда, пожалуйста. Я ему очень обязана, но... Это очень, очень страшный человек. Иногда мне кажется, что и не человек вовсе. Я не могу этого выразить, но чувствую... Если есть хоть малейшая возможность, не ходите туда.

Боря мягко отстранил ее.

— Нет, мне действительно очень нужно. Ты не волнуйся, все будет в порядке.

— Тогда... Может, вы еще как-нибудь зайдете ко мне?

— Хорошо. Я найду обязательно. И спасибо тебе большое, ты мне очень помогла. Вот, возьми визитку, если что — звони, не стесняйся...

Повинуясь внезапному порыву, Боря вдруг наклонился и осторожно и бережно, как ребенка, поцеловал Марину в лоб.

У себя в машине он всегда держал старенький потрепанный атлас автомобильных дорог. Борова бухгалтерская аккуратность и педантичность не подвела его и сейчас.

До поселка Курлык было километров пятьдесят. Конечно, поздно вато нанести визит кому бы то ни было, но Боря не мог ждать.

Умом он, конечно, понимал, что это опасно. Бандит, занимающийся старинными редкостями (бывают ведь и такие!), не брезгует никакими средствами. А если он к тому же обладает экстрасенсорными способностями...

— Эх, была не была! Все равно поеду.

Боря чувствовал, что завтра, по здравом размышлении может передумать, не решиться на такую авантюру, возникнут неотложные дела... В общем, сейчас или никогда!

Он повернул ключ в замке зажигания и тронулся с места.

Глава 5

У последней черты

На следующий день с самого утра зарядил нескончаемый дождь. Осень окончательно вступила в свои законные права. Дескать, погуляли, граждане, порадовались — пора и честь знать.

Сегодня Вадим с большим трудом смог подняться с постели. Кошмарные видения измучили его. Хохочущая черноволосая ведьма с дьявольским блеском в глазах, окровавленное, изуродованное лицо Володи, Катя, протягивающая ему руки из пламени, пещерный идол с безжалостной улыбкой без конца сменяли друг друга, и некуда было деться от них. Спиртное давно перестало действовать, и даже кокаин впервые не помог. Вадиму хотелось только одного — прекратить эту пытку любым путем.

Даже перестав жить.

Он действительно устал бороться за свою жизнь. Все усилия упирались в какую-то стену. Вадим даже пытался обращаться к экстрасенсам. Один, низенький, толстенький и жизнерадостный, долго делал какие-то пассы руками, приговаривая невнятное о космической энергии и астральных телах, а пересчитывая гонорар, не поленился пересмотреть каждую бумажку на свет. Другой, молодой парень, выглядевший совершенно обычно, выслушал Вадима и тут же вежливо распрощался.

Ринат, против обыкновения, вел машину молча и сосредоточенно думал о чем-то своем. На шефа он старался не смотреть. Дело в том, что несколько дней назад Сергей Данилов, один из «закрытых друзей» Вадима, сделал предложение, от которого Ринат не смог отказаться.

Странное поведение Вадима в последнее время не осталось незамеченным.

А уж когда служба финансового мониторинга обнаружила некоторые «серые» схемы ухода от налогов, которые Вадимова контора активно использовала, тут уж серьезные люди забеспокоились по-настоящему. Хорошо еще, в Центробанке нашлись надежные источники — вовремя предупредили...

Но положение все равно не ахти — контору придется закрывать по-быстрому. Документы уничтожить, людей распустить и сделать вид, что так и было. Нужно еще, чтобы первого лица, к которому в ходе следствия могут возникнуть вопросы, не оказалось в пределах досягаемости...

И желательно — совсем.

Разговор с Ринатом был коротким и конкретным. Он должен был аккуратно и незаметно убрать своего шефа, и тогда солидная сумма, а главное — высокое положение в новой команде ему гарантированы. В противном случае Вадима уберут все равно, а он, Ринат, может разделить его судьбу.

— Мало ли сейчас взрывают? Сойдет за жертву террористов, а нам без разницы — с шофером или без.

Как человек невеликого ума, Ринат не догадывался, что, даже выполнив это задание, он вряд ли проживет долго.

Маленькое взрывное устройство с таймером оттягивало карман его кожаной куртки. Оставалась одна проблема — улучшить момент, когда Вадим останется один в машине, и самому не подставиться.

В офисе Вадима ждал неприятный сюрприз — куда-то пропал Боря Бейдер. Дома его тоже не было — уже несколько раз звонила встревоженная Борова мама. И на мобильном недоступен...

Где же он, черт возьми? Раньше за ним никогда такого не водилось, чтобы вот так исчезнуть, никого не предупредив. Может, и правда что-то случилось? Или просто у бабы какой-нибудь пропадает?

— «Ну пусть только появится», — думал Вадим, изобретая все мыслимые и немыслимые кары нерадивому подчиненному. Даже себе не хотелось признаваться в том, что вряд ли сможет без него обойтись.

Из верхнего ящика Борова рабочего стола вдруг выпал маленький листок из блокнота. Вадим зачем-то подобрал его и уставился на строчки, выведенные аккуратным почерком.

Номер... Адрес... Темно-зеленый джип! Так вот кого он разыскивал!

Вадим аккуратно сложил листок и спрятал во внутренний карман пиджака. Стараясь сдерживать волнение, нажал кнопку селектора.

— Ринат! Я уезжаю. До понедельника ты свободен.

— Далеко собираетесь?

— В пансионат. Отдохнуть хочу, расслабиться.

Надо же, как все удачно сложилось! Такого сюрприза Ринат не ожидал. Сколько он ломал голову! А тут представился просто замечательный случай. Грех не воспользоваться.

— Хорошо, тогда я только на заправку сгоняю, а то там бензина меньше полбака осталось.

— Давай, только быстро.

Вадим старался оставаться спокойным. Так или иначе, сегодня должна была решиться его судьба. Подумав, он открыл маленький сейф, вделанный в стену и достал оттуда пистолет. «Беретта», купленная из глупого бахвальства года полтора назад, сегодня действительно могла понадобиться.

Ринат заправлялся только сегодня утром, бак был почти полон, но он очень надеялся, что Вадим этого не заметил. Отогнав машину в укромный закоулок, достал взрывное устройство, завел таймер, как научил Данилов, и аккуратно приклеил миниатюрную коробочку под днище автомобиля. Ринат очень торопился поскорее закончить с этой грязной работой. Времени было в обрез, ну и потом... Он, конечно, никогда не был ангелом, но убивать людей, а тем более близко знакомых, раньше не доводилось.

Ринат был неопытным диверсантом. Он слишком сильно перекрутил таймер. Взрыв должен был прогреметь не через два часа, а через целых двенадцать.

Через десять минут машина уже стояла у подъезда. Ринат молча отдал ключи.

Вадим сел за руль и включил зажигание. Впервые за последние дни для него забрезжила хоть какая-то надежда.

Таймер уже отсчитывал последние часы его жизни.

Прошло немало времени, пока Вадим разыскал ветхую пятиэтажную хрущобу где-то у черта на рогах. Он не уставал удивляться, какой же разной может быть Москва. Ближе к центру это почти Европа с нарядными витринами магазинов, дорогими ресторанами, современными зданиями банков и офисов. В престижных жилых районах давно уже построены и дома улучшенной планировки, и многоярусные гаражи, и комфортабельные торговые центры. А здесь...

Такое впечатление, что время остановилось где-то в конце семидесятых. Только дома ветшают с каждым годом все больше и больше.

На всякий случай Вадим поискал глазами темнозеленый джип у подъезда. Нет, конечно нет. Только старый «москвич» да «жигули»-копейка, которым давно пора на свалку. Не будет уважающий себя человек жить в такой труппе.

Чертыхаясь, Вадим поднялся по заплыванной лестнице на третий этаж. Немного помедлив, нажал кнопку звонка. Почти сразу за дверью послышались тяжелые торопливые шаги. «Будто кто гвозди вбивает», — с раздражением подумал Вадим.

Перед ним стояла тщедушная пигалица в бесформенном балахоне.

Лицо ее показалось Вадиму разочарованным, будто она ждала кого-то другого. «Вот, поди ж ты, и у таких убогих бывает личная жизнь, — про себя удивился Вадим. — Но что поделаешь, возможно она что-то знает. Придется быть с ней любезным. Бог ты мой, до чего же я дошел! Кто бы знал, что придется лебезить перед эдакой кикиморой! Может, она ничего и не знает, но выбирать не приходится».

Пауза несколько затянулась. Вадим не знал, что сказать, а пигалица смотрела на него явно неодобрительно. Скорее всего, он ошибся. Не может, ну никак не может она иметь никакого отношения ко всей этой истории. Наконец Вадим ляпнул первое, что пришло ему в голову:

— Я ищу Бориса. Он не был здесь вчера?

— А вы его друг? — недоверчиво спросила она.

— Ну, в общем, да.

Вадим несколько согрешил против истины, но в данных обстоятельствах счел это вполне допустимым.

Пигалица снова расцвела счастливой улыбкой.

— Да, он приходил. Проходите, пожалуйста. Очень хорошо, что вы пришли, я так за него беспокоюсь!

Она неуклюже засуетилась, затопталась в тесной прихожей. Только сейчас Вадим заметил ее ноги. Вот уж убогая так убогая!

В тесной комнате, которая, видимо, здесь считалась большой, было чисто прибрано, но запах! Смесь лекарств, спертых воздуха, дешевой еды и еще чего-то неуловимого, но отвратительного. Комната была заставлена уродливой обшарпанной мебелью, произведенной, видимо, еще в те времена, когда у каждого советского человека культивировалось презрение к комфорту. Очень много книг, мольберт у окна... Даже это почему-то раздражало Вадима.

Не нравилось ему здесь. Ну очень не нравилось!

Хромоногая пигалица гремела посудой на кухне. Вадим уже почти потерял терпение, когда она вошла в комнату, осторожно неся в руках огромный жостовский поднос, на котором сиротливо выглядели две чашки (одна с отбитым краем), заварочный чайник и маленькая вазочка с засохшим печеньем.

Вадим тяжело вздохнул. Сама мысль о том, чтобы что-то съесть или выпить в этом доме, вызывала у него тошноту, но он мужественно преодолел себя, попытался нацепить на лицо самую обаятельную улыбку и, прихлебывая горячий чай (кстати, оказавшийся неожиданно крепким и вкусным), небрежно спросил:

— Так вы давно знакомы с Борисом?

— Нет, только со вчерашнего дня.

— И зачем он приходил к вам?

Пигалица засмуцалась, опустила глаза, нервно теребя пальцами бахрому скатерти.

— Понимаете, он хотел найти одного человека. Это знакомый моего отца. Папа умер недавно, — она потупилась и кивнула на фотографию с черной ленточкой, — я только мельком слышала, что этот человек живет за городом, и даже имени его не знаю.

— За городом? Где? — Вадим с трудом сдерживался, чтобы не схватить ее за плечи и не закричать прямо в лицо: да говори же ты наконец, чертова кукла!

— Поселок Курлык. Смешное название, правда?

Да уж. Смешнее некуда. Просто обхохочешься. Но кое-что он узнал, и на том спасибо. Надо быстрее убираться отсюда, эта хромая кошелка с каждой минутой раздражала все больше и больше.

Все могло бы быть совсем по-другому, если бы Вадим не бросил беглый взгляд на мольберт. То, что он увидел, заставило его кардинально изменить планы.

На листе плотной белой бумаги был изображен один из его постоянных кошмаров. Темная пещера. Костер. Ярко-синий колдовской огонь. И — каменная баба с длинным змеиным хвостом! Та самая, это точно, Вадим не мог ошибиться, слишком часто он видел ее в последнее время. Значит, девчонка — человек не случайный. Она — одна из тех, кто так мучил его в эти страшные дни...

Марина испуганно смотрела на него. Она уже успела пожалеть о своей откровенности. Показная приветливость куда-то исчезла, и теперь она видела только налитые кровью безумные глаза.

Глаза зверя.

Она попыталась убежать и уже шагнула к двери, когда он бросился на нее. Поначалу девушка пыталась защищаться, кричать, закрывала лицо от ударов, но силы были явно не равны. Вадим опомнился, только когда она затихла и бессильно обмякла в его руках.

Первая вспышка ярости прошла. Глядя на бесчувственное тело Марины, Вадим испытывал странное удовлетворение. Теперь он хотя бы мог ясно мыслить. Мог бороться за свое спасение.

Значит, он все-таки нашел, что искал. Как она сказала? Курлык? Действительно, смешное название. Только вот дела там творятся совсем не смешные.

Он поедет туда. Поедет и разворошит гадючье гнездо, даже если это будет стоить ему жизни. Нет, просто так он не сдастся!

А что же делать с этой убогой? Здесь ее оставлять нельзя, это точно. Придет в себя, начнет звать на помощь. Или она уже того... Совсем откинулась? Нет, пока дышит. А что, если она солгала и поселок Курлык даже не существует в природе? Может, добить ее, пока в себя не пришла? Нет, пожалуй, есть идея лучше — он возьмет ее с собой.

И если девка его обманула, то сильно пожалеет о том, что родилась на свет.

Глава 6

Отпускаю тебя...

«Бог ты мой, где я? И сколько же времени прошло?»

Боря медленно разомкнул веки. Шевелиться он не мог. С трудом повернув голову и скосив глаза, обнаружил, что крепко связан, буквально распят в широком мягком кресле с резными подлокотниками. В свете хмурого осеннего дня он разглядел небольшую совершенно пустую комнату с белыми стенами, испещренными какими-то странными рисунками. Сильно хотелось пить. Боря вспомнил события прошедшей ночи...

И только теперь по-настоящему испугался. Он слишком поздно понял, что проник в чужую тайну.

Тайну, которая может стать для него роковой.

Боря даже не знал, как попал сюда. Квартира в Чертаново... Марина... Поселок с каким-то смешным названием... Вот он спустился по лестнице (лифта в том доме не было), сел в машину, достал дорожный атлас... Дальше — черный провал.

Негромко скрипнула дверь. Позади Боря услышал чьи-то шаги.

«Ну вот и все», — промелькнуло в голове.

— Кто здесь? — спросил он. Голос предательски дрожал.

— Развяжите его, — услышал Боря низкий мужской голос.

Ловкие чужие руки быстро освободили его от веревок, но Боря не смел обернуться.

— Как ты попал сюда? Только не лги.

Боря с трудом разлепил запекшиеся губы, сглотнул вязкую слюну.

— Хочешь пить? Пей.

Узкая бледная рука поставила перед ним высокий запотевший стакан с рубиново-красной жидкостью. В первый момент Боря испугался, но, здраво рассудив, что в его положении бояться уже нечего, жадно выпил половину. Хо-

лодный напиток был кисловатым на вкус и пронизывающеприятным.

— Рассказывай.

Боря молчал.

— Хорошо. Я спрошу по-другому. Зачем ты сюда пришел? Что тебе нужно здесь? Я тебя не знаю, а незваных гостей не люблю.

Боря попытался вымолвить хоть слово — и не смог. В горле будто ком стоял. Боря понимал, что сейчас он в большой беде. Ему отчаянно хотелось жить. Но Марина... Легко представить, что с ней сделают эти бандиты. И та, другая, у них в руках... А может, и она сообщница? Да, в общем, уже все равно.

Никогда жизнь не казалась ему такой прекрасной, как сейчас. Но зато и цена была непомерной. Боря не был героем, но ясно понимал, что вряд ли сможет спокойно жить дальше, если из-за него пострадает невинный и абсолютно незащитный человек.

А голос за спиной продолжал:

— Ну, что же ты молчишь? Ты ведь понимаешь, что я легко могу тебя заставить говорить.

Боря упорно молчал. В глубине души он продолжал надеяться неизвестно на что. Его невидимый собеседник вдруг рассмеялся. Боря услышал странный сухой щелчок, тускло-серый свет осеннего дня за окном на мгновение погас, а когда Боря открыл глаза, комната выглядела совсем по-другому. Беленые стены заменили деревянные резные панели, бетонный пол превратился в узорчатый паркет, и даже маленькая неуютная каморка увеличилась в размерах. Окна были затянуты тяжелыми бархатными гардинами, высокие светильники в форме каких-то невиданных бело-розовых цветов заливали ее ярким светом.

Напротив сидел в кресле высокий светловолосый мужчина лет сорока пяти. Он рассматривал Борю с неподдельным интересом.

— Не удивляйся. Просто теперь ты здесь не пленник, а гость.

Боря удивленно таращил глаза, а его собеседник продолжал:

— Знаешь, а ведь ты счастливый человек. В тебе есть любовь. Мир наполняют мужчины и женщины, которые не только не умеют любить, но еще и гордятся этим. Значит, ты хотел найти Диану?

Почти против своей воли Боря кивнул. Интересно, как он догадался?

— Кстати, я рад, что Марина чувствует себя хорошо. А этот старый дурак все же проболтался... Ну скажи мне хоть ты, почему никому из вас, людей, ни в чем нельзя доверять?

Боря обомлел.

— Нет! Она здесь ни при чем! Я же ничего не сказал!

— Но ты подумал. Этого вполне достаточно. Так зачем ты все-таки хотел найти Диану?

— Не знаю. Просто после того дня я не мог жить спокойно. Я был... Как будто болен, понимаете?

— Так чего же ты хочешь? Забыть ее? Жить так, как жил раньше, будто ничего не случилось?

— Вы можете все?

— Нет, не все. Но очень многое.

Боря задумался. Это действительно было очень заманчиво — просто забыть ее. Но почему-то он почувствовал сожаление. Он понял вдруг, что потеряет

что-то очень важное.

— Нет. Я только хочу увидеть ее снова. Хочу, чтобы она знала про меня. Знала, что я ее люблю. Мне больше ничего не нужно. Я никому не скажу про вас, обещаю. Если вы меня отпустите, конечно.

Грандмастер усмехнулся.

— Да ты и не сможешь, даже если очень захочешь. Убивать тебя не входит в мои планы, но это место ты забудешь навсегда. Хорошо, если уж ты сумел найти дорогу сюда, ты увидишь Диану. Прощай.

Он щелкнул пальцами, на мгновение вспыхнул яркий голубой свет, потом все погасло, и Боря остался в полной темноте.

Тихо скрипнула дверь. Боря увидел высокую фигуру в длинной белой одежде со свечой в руке.

Он всмотрелся пристальнее и увидел лицо Дианы под капюшоном. Сейчас она показалась ему еще прекраснее, чем в первый раз. Боря попытался встать ей навстречу, что-то сказать, но Диана приложила палец к губам. Неслышно ступая, она подошла к нему, провела по лицу прохладной рукой и поцеловала в лоб.

— Отпускаю тебя, человек... — тихо вымолвила она, — живи счастливо!

Боря никогда раньше не испытывал такого. Сумасшедшее, невиданное блаженство затопило все его существо. Казалось, что сейчас он умрет, растворится в этой ласковой волне, и отчасти был даже рад этому. Он увидел божественный свет и всем своим существом потянулся к нему. Вот сейчас он поймет что-то самое важное, ради чего только и живут люди...

Когда Боря очнулся, он сидел за рулем своей машины посреди пустынной проселочной дороги. Темнело. Он чувствовал себя усталым и опустошенным, но в то же время было и облегчение. Его мучительная любовь, наваждение, похожее на душевную болезнь, исчезло. Почему-то он вспомнил о Марине.

Боря знал теперь, куда ему ехать и как дальше жить.

Глава 7

Выжить, чтобы умереть

Вадим гнал машину вперед. Хорошо, что уже стемнело, да и погода мерзкая. Даже гаишников на трассе не видно. Его сто раз могли остановить, тело Марины на заднем сиденье прикрыто кое-как, да и она сама могла прийти в себя...

Даже удивительно, что еще никто ее не заметил. Вадим вспомнил, как спускался по узкой лестнице, неся на руках бесчувственную Марину, и только головой покачал. Надо быть совсем без ума, чтобы пойти на такое! Время-то еще не позднее было, в этот час обычно полно народу шастает туда-сюда: люди возвращаются с работы, у подъезда сидят любопытные старухи, и детишки играют во дворе.

Но нет, обошлось. Вадиму всегда везло. Сколько раз он сам говорил, что ему черт люльку качал? Говорил вроде бы шутя, но с тайной жадной надеждой — а вдруг?

Вот и Курлык. Обыкновенный дачный поселок. В промозглых осенних сумерках дощатые домишки на шести сотках, почему-то гордо называемые дачами, казались особенно убогими. Не похоже, что здесь кто-то живет постоянно. Неужели зря приехал?

А это что такое? Безобразный грунтовый проселок вдруг перешел в аккуратную асфальтовую дорожку. Очень скоро Вадим увидел высокий бетонный забор, железные ворота, а за ним — большой коттедж из красного кирпича с кокетливыми башенками. По всему было видно, что люди здесь живут серьезные. Только вот как попасть внутрь?

Ярость и отчаяние придавали сил. Сейчас Вадим готов был головой пробить стены, лишь бы войти. Но этого не потребовалось.

Тяжелые ворота неожиданно легко распахнулись, будто его здесь ждали. Вадим въехал в аккуратный ухоженный дворик. Вышел из машины, чтобы осмотреться. Вокруг никого не было. Вадиму почему-то очень не понравилось здесь. Решимость оставила его. Только что готов был прорываться любой ценой, а сейчас начал прислушиваться к доводам разумной осторожности.

«Ну хорошо, я нашел то, что искал, — думал он. — Остается маленький вопросик: что делать дальше? Ломиться в дверь, размахивая пистолетом? Рэмбо из себя изображать? Глупо. Вежливо постучаться и сказать: «Извините, пожалуйста, это не вы меня случайно заколдовали?» Еще глупее. Развернуться и уехать ни с чем? А стоило ли тогда вообще огород городить? И что тогда делать с этой кикиморой? Кстати, надо посмотреть, как она там, жива ли еще».

Вадим приоткрыл заднюю дверцу и заглянул внутрь. Марина все еще была без сознания. Выглядела она ужасно. Левый глаз заплыл, на щеке появился огромный багрово-синий синяк. Темно-русые волосы слиплись от крови. Девушка еще дышала, но слабо, почти незаметно. Губы уже начали синеть.

«Да, похоже, долго она не протянет», — уныло размышлял Вадим. — Что же мне теперь с ней делать?»

В этот момент он услышал, как хлопнула дверь. Вадим обернулся и увидел на крыльце человека, встречи с которым ждал так долго. Вадим сразу понял, что это именно он, иначе и быть не могло. Незнакомец смотрел спокойно и

чуть насмешливо. Это разозлило Вадима еще больше. Он быстро достал пистолет, приставил его к виску девушки, там, где еле заметно билась тоненькая голубая жилка, и закричал:

— Чертов колдун! Сними с меня свое заклятие или как оно у вас там называется! Сними, или я убью эту хромую суку прямо сейчас! Ты ведь понимаешь, что терять мне уже нечего!

В этот момент Вадим был страшен. Он почти потерял человеческий облик. Его волосы, ставшие за последний месяц почти седыми, слиплись от пота и свисали на лицо сальными космами. Глаза покраснели и налились кровью.

Грандмастер задумался. Убийство осквернит обитель, но и снять заклятие, не им наложенное...

— Оставь ее. Я обещаю сделать все, что ты хочешь.

Вадим повиновался. Неизвестно почему, но он поверил этому человеку. Он опустил на землю бесчувственное тело Марины и неверными шагами, качаясь, будто пьяный, подошел к крыльцу.

Из левой пристройки вышли двое мужчин. Быстро, почти бегом направились к Марине, подняли ее и унесли в дом. Один из них коснулся ее лба, потом груди и безнадежно покачал головой.

В маленькой комнате, освещенной только масляным светильником, было очень тепло, почти жарко. Марина лежала на высоком столе, покрытом черной узорчатой тканью. Грандмастер жестом отпустил своих помощников и подошел к девушке.

Жизнь медленно угасала в ее теле. Даже если бы сейчас удалось бы каким-то чудом быстро доставить Марину в хорошую клинику с самым современным оборудованием, остаток жизни она пролежала бы в коме.

Один из помощников, молодой черноволосый парень со шрамом на правой щеке, тихо произнес:

— Что ты делаешь, мастер? Она ведь почти мертва. Разве ты Бог?

Грандмастер задумчиво и светло улыбнулся.

— Нет, не Бог. Но иногда делаю его работу.

Он осторожно взял в руки хрустальный шар, поднял над головой Марины и провел вдоль ее тела. В глубине шара почти сразу появилась маленькая светящаяся точка. Она пульсировала, как живая, и отбрасывала на темные стены комнаты разноцветные блики.

Грандмастер смотрел на Марину. Он держал в руках ее теплую трепещущую душу и чувствовал сожаление от того, что не может помочь. Этой девушке суждено было умереть. Слишком далеко ушла ее душа по той дороге, откуда не возвращаются...

Грандмастер отложил шар в сторону.

На груди звякнул медальон. Неизвестно, конечно, что получится, но попробовать стоит.

Грандмастер осторожно снял через голову цепочку. Бережно положил медальон на ладонь и приник губами. Потом выпрямился во весь рост, держа талисман на уровне глаз. Сконцентрировав всю свою волю, пристально посмотрел в центр и медленно произнес слова древнего заклинания, которым решался пользоваться не часто.

Талисман наполнился ярким голубым сиянием. Намного ярче, чем обычно,

сейчас от него просто искры сыпались в разные стороны.

Хрустальный шар, лежавший на столе, разлетелся вдребезги. Из него хлынули ослепительные потоки света.

И только тогда Грандмастер почувствовал, как его сила медленно перетекает в искалеченное тело. Щеки девушки постепенно порозовели, губы приобрели нормальную окраску, обморок перешел в глубокий здоровый сон.

Грандмастер повернулся и медленно пошел прочь. Никогда еще он не чувствовал себя настолько обессиленным. Мучительно было видеть кого бы то ни было, а тем более Вадима, но он был связан обещанием. Грандмастер не был больше человеком, а потому не мог нарушить свое слово.

Вадим устал ждать. Он не знал, сколько времени находился в этом странном доме. Рослый детина с совершенно бандитской физиономией провел его в небольшую комнату, освещенную всего лишь тремя свечами. Там жестом указал на широкое кресло, а на попытку о чем-то спросить ответил таким взглядом, что Вадим счел за благо заткнуться.

Он уже начал беспокоиться, что его обманули, когда дверь скрипнула и в комнату вошел грандмастер. От Вадима не укрылось, что он выглядел сейчас почти стариком, будто с момента встречи во дворе прошло много лет. Длинная черная хламида тихо шелестела при каждом его шаге. На шее поблескивал серебряный медальон причудливой формы.

— Так чего же тебе надо от меня, человек?

— А то ты не знаешь! Ты и твоя девка! Все вы медленно убиваете меня. Сними это!

Грандмастер посмотрел на Вадима как на редкое насекомое: со смесью любопытства и брезгливости.

— Ты так уж сильно хочешь жить? И с чего ты взял, что именно я могу спасти твою никчемную жизнь?

— Ты наслал это на меня! — Вадим чувствовал, что не может справиться с собой. Его голос срывался на истерический визг.

— А при чем здесь я? Разве это я предал твоего друга и твою девушку?

— Но я же не хотел! Так сложились обстоятельства!

Грандмастер смотрел на него с сожалением.

— Тебе не повезло, человек. Очень не повезло.

— Да, да, именно так! — Вадим с радостью ухватился за эту мысль. — Мне просто не повезло, я не виноват!

— Так чего же ты хочешь теперь? Воскресить мертвых? Прожить жизнь заново? Может, искупить свою вину?

Интересно, он что — сумасшедший? Этого только не хватало. Вадим покачал головой и твердо ответил:

— Я хочу все забыть.

Грандмастер устало поморщился. До чего же все-таки глупы бывают люди! Они должны помнить про свое предательство, пока живы.

Что ж, пускай забудет.

— Хорошо, я выполню то, что обещал. Закрой глаза.

Вадим повиновался. Сначала он не почувствовал ничего. Потом стали возникать одно за другим видения, так измучившие его в последние дни. Они сменяли друг друга все быстрее и быстрее, кружились в адском хороводе, пока

не слились в клубящийся черный дым. Голову будто сдавило стальным обручем. Сердце колотилось так, что, казалось, оно вот-вот выскочит из груди.

Потом пришла боль. Но эта боль была и очищением, как будто прорвался огромный нарыв. В первый момент Вадим почувствовал, что умирает, но почти сразу наступило облегчение.

— Можешь открыть глаза.

В этот момент Вадим был готов расцеловать весь мир.

— Ну, спасибо тебе, отец! Ты мне действительно помог. Если я чем могу... Ты только скажи!

Грандмастер гадливо поморщился.

— Уходи. Тебе здесь нечего делать. А на прощание хочу дать тебе один совет — внимательнее следи за машиной и лучше подбирай себе друзей. А это, — он протянул Вадиму небольшую коробочку с торчащими из нее проводами, — возьми на память. Не бойся, эта штука уже безопасна — детонатор вынули.

Вадим похолодел. Неужели он преодолел такие испытания, чтобы быть разорванным на куски? А кто имел доступ к его машине? Только Ринат. Вот уж верно говорят, что предают только свои.

Но это ничего, ведь он победил. Теперь он будет жить. Его кошмар кончился!

Легким шагом Вадим направился к своей машине. Никогда в жизни ему еще не было так хорошо. Теперь все пойдет по-другому! Он бросит наркотики — больше они не нужны. Это даже не составит особого труда. Когда жизнь прекрасна, глупо травить себя всякой гадостью. Он станет чаще навещать родителей. Папа с мамой и сейчас живут на другом конце Москвы в тесной хрущевке, а когда он был у них в последний раз? В прошлом году, кажется... Но ничего, теперь все пойдет иначе! Он станет другим человеком. Найдет себе хорошую девушку, женится, заведет детей...

Вадим так и не обернулся. Так и не увидел невеселую усмешку грандмастера. Он-то знал, что всем наполеоновским планам не суждено было воплотиться в жизнь. Знал, но ничего не сказал.

Последнее дело спорить с покойником.

Вадим сроду не был аккуратным водителем. Но сейчас он хотел жить, как никогда раньше. Садясь за руль, аккуратно пристегнул ремень безопасности.

Он гнал машину вперед по ночному шоссе. Давно перевалило за полночь, в окна барабанил противный осенний дождь, но Вадиму было все равно. Еще никогда в жизни он не был так счастлив.

Только сегодня утром он чувствовал себя конченным человеком, а сейчас сердце его пело. Он знал, что его жизнь изменится, все пойдет по-другому.

И только одна смутная мысль беспокоила. В этом странном доме он видел что-то. Какую-то вещь, предмет...

Медальон! Где-то он видел его раньше, это точно. Но где, когда — вспомнить не мог.

Вадим скоро отогнал от себя эти мысли. Ему хотелось в полной мере насладиться новым ощущением радости и покоя. Он даже не мечтал о будущем, не строил никаких планов.

Струи дождя залетали в полуоткрытое окно, холодили лицо и шею, но сей-

час он не замечал этого. Не заметил, как машину занесло на скользкой дороге, она не вписалась в поворот, вылетела за обочину и врезалась в дерево.

Когда взорвался бензобак, Вадим был еще жив. Он еще пытался выбраться из машины. Уже сгорая заживо, последним отчаянным усилием еще пытался расстегнуть замок ремня безопасности, ставший для него смертельным капканом.

И знаете что? Пытаясь выбраться из огненной могилы, он смеялся. Ведь это и правда смешно, не так ли?

Эпилог

На другом краю света холодный ноябрьский ветер бился в окна красивого старинного дома.

Внутри было уютно, несмотря на страшный беспорядок в комнате. Такой погром могла учинить разве что банда грабителей... или один здоровый годовалый малыш, который сейчас посапывал на диване.

Мать тоже спала. Ее вьющиеся рыжие волосы разметались по подушкам. Красивое лицо с тонкой белой кожей, какая часто бывает у рыжих, дышало покоем. Молодая женщина улыбалась во сне. Потом тонкие брови вдруг сошлись над переносицей, уголки губ опустились, лицо приняло неожиданно злое и жестокое выражение.

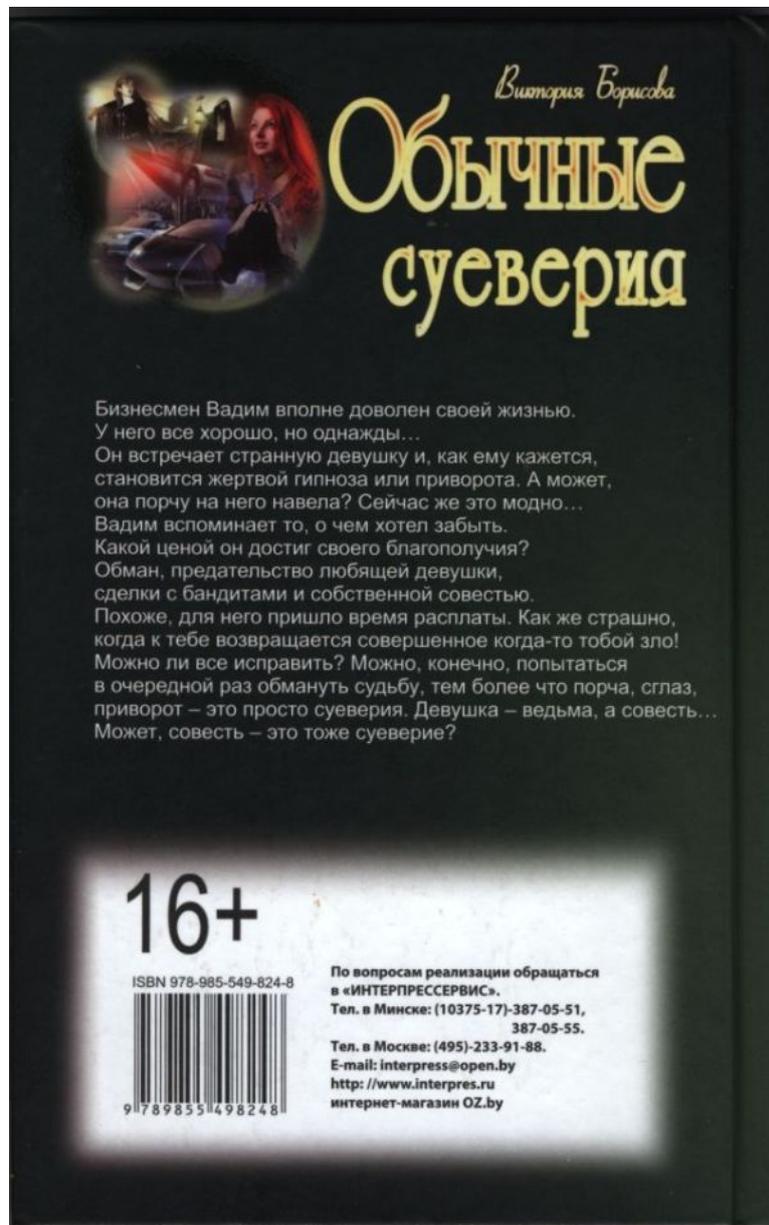
Малыш, словно почувствовав перемену, начал ворочаться и хныкать. Женщина открыла глаза, обняла сына, зашептала что-то ласковое.

И снова в доме наступила тишина. За окнами уже совсем стемнело, и в комнате, освещенной лишь мягким светом ночника, трудно было разглядеть что-нибудь еще.

Ярким пятном выделялась только книга в мягкой обложке, небрежно брошенная на диван. Если присмотреться, можно было разобрать заглавие:

«Иногда они возвращаются».

Возвращаются.

Виктория Борисова Обычные суеверия

Бизнесмен Вадим вполне доволен своей жизнью.

У него все хорошо, но однажды...

Он встречает странную девушку и, как ему кажется, становится жертвой гипноза или приворота. А может, она порчу на него навела? Сейчас же это модно...

Вадим вспоминает то, о чем хотел забыть.

Какой ценой он достиг своего благополучия?

Обман, предательство любящей девушки, сделки с бандитами и собственной совестью.

Похоже, для него пришло время расплаты. Как же страшно, когда к тебе возвращается совершенное когда-то тобой зло!

Можно ли все исправить? Можно, конечно, попытаться в очередной раз обмануть судьбу, тем более что порча, сглаз, приворот — это просто суеверия. Девушка — ведьма, а совесть...

Может, совесть — это тоже суеверие?

16+

По вопросам реализации обращаться в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51, 387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.